ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 31 ИЮЛЬ 1988

ХУДОЖНИК: СВОБОДА ТВОРЧЕСТВА И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

ПУТЕШЕСТВИЕ В XV ВЕК

РОДОВАЯ ПОРУКА И ТАЙНЫ БЮРОКРАТИИ

В ОБЪЕКТИВЕ — ЖИЗНЬ ТАБОРА

НОВОЕ ЛИЦО УЛИЦЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 31 (3184)

30 ИЮЛЯ — 6 АВГУСТА

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

В кафе — с младенцем. (См. в номере материал «Торговый проспект города».)
Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

Оформление Е. М. КАЗАКОВА при участии Т. А. НОВРУЗОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 11.07.88. Подписано к печати 26.07.88. А 10376. Формат 70 × 108⅛. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 800 000 экз. Заказ № 2651.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

МОДЕЛЬ

Труды и заботы межпрофессионального клуба «Перестройка»

И вот работники страны
бездельников державы
волочь в грядущее должны,
а бросить — нету права.
Борис СЛУЦКИЙ

ВСЕГО ГОД НАЗАД, КОГДА ШЕСТЬ ЛЕНИНГРАДСКИХ КОММУНИСТОВ РЕШИЛИ ЗАЯВИТЬ О СОЗДАНИИ ГОРОДСКОГО МЕЖПРОФЕССИОНАЛЬНОГО КЛУБА В ПОДДЕРЖКУ ПЕРЕСТРОЙКИ, ОНИ УСЛЫШАЛИ: «ЗАЧЕМ НАМ НУЖНА ЕЩЕ ОДНА АНТИСОВЕТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ?» ПОСЛЕ ЭТОГО К ОДНОМУ ИЗ НИХ ПРИШЕЛ ПО МЕСТУ РАБОТЫ ЗАПРОС НА ХАРАКТЕРИСТИКУ, ДРУГОМУ ЗАПРЕТИЛИ ЧИТАТЬ ЛЕКЦИИ, ТРЕТЬЕМУ ПЕРЕНЕСЛИ ЗАЩИТУ ДОКТОРСКОЙ. А О ЧЕТВЕРТОМ ДИРЕКЦИЯ СООБЩИЛА ГОЛОВНОМУ ПРЕДПРИЯТИЮ, ЧТО ПО НЕ ЗАВИСЯЩИМ ОТ ФИЛИАЛА ПРИЧИНАМ ИМЯРЕК ВЫЕЗЖАТЬ В СТОЛИЧНЫЕ КОМАНДИРОВКИ НЕ СМОЖЕТ.

- *«Отцы-учредители» и другие*
- *В холле слушают стоя*
- *«Просто инженер» Петр Филиппов*

НАДЕЖДЫ

Андрей ЧЕРНОВ
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото)

СОЦИАЛЬНЫЙ КРИМИНАЛ

Пятеро из этих шести, помимо прочего, были еще и кандидатами наук. И только один — словами Райкина — «простой инженер» (кстати, он и предложил идею клуба).

И так уж вышло, что презрительное словечко с восклицательным на конце знаком (ин-те-ллек-туалы!) обгоняло их движение по кругам компетентных инстанций.

Правда, администраторы не были бы администраторами, когда бы не знали, что в таких случаях делают. Вам нужна крыша для клуба? Вы предлагаете Дом политпросвета? Нет, это нереально. Обратитесь в Дом научно-технической пропаганды.

Обратились. Директор дома был вежлив и участлив. Зачем, мол, нам нужна эта форма учебы? У нас есть семинары, есть школы передового опыта. А какой опыт вы собираетесь пропагандировать? Вы же только начинаете...

На небюрократическом языке это называется «отлуп» (впрочем, на их, бюрократическом, кажется, тоже).

А чтобы смягчить его форму: к нам на семинары приходят по счету (жест: ладонь и загнутые пальцы), но и к вам никто не придет.

И тут происходит непредвиденное процедурой отлупа. В кабинет заходит некто из администрации того же дома. Некто — скажем так — Непосвященный в смысл процедуры: клуб в поддержку перестройки? Это хорошо! Это надо!

Немую сцену живописать не берусь (ее и Гоголь-то обозначил лишь ремаркой). Итак, сцена застывает, как литая, и теперь единственный возможный ход таков: ну, разве что в порядке эксперимента, разве что условно. Мол, две дискуссии проведем, а там и посмотрим. Впрочем, еще надо утвердить на методсовете.

Напомню: идет лето прошлого, 1987-го.

Организаторы излагают совету дома идею: предлагается создать клуб межпрофессионального общения и межпрофессиональной деятельности. Общественный клуб на стыке профессий и наук. Чтобы использовать кумулятивный эффект делового общения экономистов, юристов, инженеров, хозяйственников, социологов. На благо перестройке и людям.

Члены методсовета возразили: нам не по профилю.

Организаторы возразили: нет, как раз по профилю.

Еще одно самодеятельное неформальное объединение?

Нет, мы профессионалы. И в своих областях, и по линии «Знания».

А вот и идите на Литейный, там как раз и «Знание» помещается. (Смех и оживление в зале, психологическая разрядка.)

Как станут вспоминать организаторы через год, то ли шутка свое дело сделала, то ли еще что, но при голосовании на методсовете «против» — 10, а «за» — 12. И, значит, клубу быть. Пускай почти условно, с испытательным сроком, но — быть. Что дальше? Лето, жарко, преподаватели разъехались, научные сотрудники где-то на личном фронте отпусков или пригородных дач. Вдруг и впрямь придет на дискуссию лишь пяток взмокших от летней заморочки кандидатов?

В начале того лета мы носились с двумя журнальными страничками новомировской редакционной почты. Кандидат экономических наук Л. Попкова поразила гуманитарную часть читаю-

Продолжение на стр. 4.

КТО СПАСЕТ РОЖДЕСТВЕНО?●

«ТЫ», «ВЫ» И ДЕМОКРАТИЯ●

О ПРИВИЛЕГИЯХ СТОЛИЧНЫХ ЖИТЕЛЕЙ●

ЗАЧЕМ ГРОМИЛИ «МЕТРОПОЛЬ»?●

■

XIX Всесоюзная конференция КПСС — событие номер один жаркого лета восемьдесят восьмого года.

В условиях гласности средства массовой информации смогли довольно всесторонне высветить, кто есть кто на современном этапе рождаемой в муках многоаспектной перестройки нашего общественного сознания и экономического уклада.

Далеко не всегда зеркало конференции было незамутненным. И все же, если судить по ряду запоминающихся выступлений, М. С. Горбачеву и его сторонникам есть на кого опереться при дальнейшем радикальном переустройстве политической системы нашего общества. Решению этой важной задачи была призвана способствовать прошедшая партконференция.

Прекрасное впечатление оставили выступления А. Айдака, О. Захаровой, А. Мельникова и других представителей рабочего класса и крестьянства. Надо отдать должное страстности Г. Бакланова и М. Ульянова — совести нашей культуры. Вряд ли кто-нибудь из честных людей не захочет проголосовать на выборах за мужественных первопроходцев хозяйственной перестройки: В. Кабаидзе, В. Постникова, В. Стародубцева, С. Федорова. Вот кто, преодолевая бюрократические препоны и инерцию застоя, наглядно демонстрирует потенциальные плоды набирающей обороты экономической реформы!

Ю. МУРАШОВ
Владимир

■

В № 21 «Огонька» прочел в письме Б. Г. Короткова о том, что оппозиция перестройки не дремлет и создает очаги напряженности, трудности с продовольствием. Он вспоминает 60-е годы. Я также вспомнил те голодные годы. Работал я тогда помощником санитарного врача в Раховском районе Закарпатья. По долгу службы обследовал продовольственные склады ОРСа леспромхоза в поселке Ясиня. В больших, наспех сколоченных из досок хибарах складывались продукты сотнями тонн. Промокший сахарный песок протекал из мешков, портились белая мука, сигареты.

Никто не мог мне объяснить тогда, зачем такое захоронение продуктов, да еще на границе.

Думаю, что сейчас, в непростой переходный период, необходимо учесть и эти «нюансы» прошлого. И, конечно, нужны гарантии того, чтобы это не могло повториться в таких масштабах в наше время. Необходимо тщательно и глубоко изучать возникновение того или иного дефицита. Так как в ряде случаев это не издержки нашего планового хозяйства, а плоды сознательного саботажа перестройки.

В. П. САННИКОВ
д. Стулово Кировской области

■

Пока еще немногим известен этот дом с белыми колоннами, поэтичный образец русской усадебной архитектуры начала прошлого века, уникальный для всего Северо-Запада, реликт деревянного ампира. Рождествено — так звалась в прошлом эта усадьба. Так называется и село вокруг нее. Это в Гатчинском районе Ленинградской области.

Рождествено — один из центров русской культуры и исторической памяти. Место, связанное с чредой славных имен: Пушкин, Рылеев, Бестужев-Марлинский, Шишкин, Крамской, Петров-Водкин.

Здесь, равно как в соседних Выре и Батове, прошли детские и юношеские годы Владимира Набокова. И этот дом, так малоизвестный на родине, прославлен сегодня по всему миру.

С 1957 года тут действует краеведческий историко-художественный музей совхоза «Ленинец». Создан музей жителями села.

Статус музея вот уже долгие годы остается весьма неопределенным. Видимо, совхозу музей не нужен. 1 июля 1989 года заканчивается арендный договор, и продлевать его совхоз не намерен. И уже с 1 сентября этого года сокращается ставка заведующего музеем. Останутся сторож и уборщица, которые материальную ответственность за сохранность фондов не несут. Прекратятся и экскурсии.

А 1 января будет упразднен и совхоз «Ленинец», его владения станут подсобным хозяйством одного из ленинградских предприятий.

Борьба за существование рождественовского народного музея идет уже не первый год. Музейному дому грозило включение в него ведомственного пионерского лагеря. Всем миром отбили... И вот новая беда. Может быть, раз и навсегда этот вопрос будет решен?

Сегодня, в самый разгар перестройки, народный музей в смертельной опасности. Почему?

Иван и Алексей ТОЛСТЫЕ, А. СЕМОЧКИН, А. МАРГОЛИС, Владимир и Елена ФИЛАРЕТОВЫ, Д. КОЛЕСОВА, Т. ГОГОЛЕВА
(всего 70 подписей)

■

В номере 11 от марта с. г. я прочитала статью Михаила Воздвиженского «Народ и народные артисты». Странные действительно факты. Трудно поверить, что многие талантливые деятели культуры и искусства остались без премий и званий. Я думаю, что при всей несправедливости этого они завоевали себе прочное место в современной культурной жизни (не только в СССР), что звания и премии мало что могли бы к этому добавить. Меня больше поразил факт, что автор знаменитого КОАППа М. Константиновский до сих пор не является членом Союза советских писателей.

Я работаю в детской редакции Болгарского радио. Еще 14 лет назад, когда была впервые гостем Московского радио и захотела познакомиться с работой моих коллег, они с особой гордостью и удовольствием представили мне номера из КОАППа. «Это наше фирменное производство» — так они выразились.

Не раз в своей практике я общалась с коллегами не только из Московского радио, но и других национальных радиостанций социалистических стран. В наших разговорах имя Константиновского всегда сопровождается чувством глубокого уважения. Например, детская редакция Радио Будапешта выпустила в переводе целый цикл КОАППа.

Я не могу претендовать на то, что знакома со всем творчеством этого автора, да и вряд ли тут количество имеет значение. Но, имея в виду только самые популярные его произведения, как-то само собой возникает недоумение: автор с реальным вкладом в литературу для детей не является рядовым членом Союза советских писателей?!

Станина ДЕШЕВА
София

■

Три года назад почти все площади, фасады предприятий, дороги пестрели стандартной рекламой самовосхваления сиюминутных успехов и достижений, «выполнения решений» предыдущих и последующих съездов, выставляя, подобно культовому обряду, полный «иконостас» из стандартного набора портретов.

Это повторялось из года в год, из десятилетия в десятилетие. Теперь время иное, и часто задумываешься: не придем ли мы опять к тому моменту, когда «портретная и прочая эйфория» захлестнет наши города. Считаю обоснованным вывешивание портретов руководства только в предвыборную кампанию. Нельзя допускать того, чтобы они использовались в оформлении городов и на праздничных мероприятиях.

Ю. В. ЛОГИНОВ, инженер
Москва

■

Разрешите со страниц вашего журнала задать вопрос знатокам (он, я думаю, подходит по профилю врачам, агрономам, экономистам, партийным и советским работникам).

Отвечая читателям пермской областной газеты «Звезда» (26.5.88), старший врач-диетолог областного управления общественного питания Н. Л. Чугаева сообщает: «...специальные выборочные анализа поступившей ныне южной ранней капусты, которые сделали специалисты по просьбе нашего управления, выявили в ней количество нитратов, превышающее допустимые нормы. (Это результат неумеренного применения в местах выращивания капусты азотсодержащих минеральных удобрений.) Нитраты же в организме человека, особенно у детей и беременных женщин, переходят в нитриты, вызывающие отравления и кислотное голодание тканей. И тем не менее нет оснований для полного исключения в эти дни ранней капусты из нашего с вами рациона».

Как вы считаете, уважаемые знатоки, на чем основан вывод старшего врача-диетолога и областной газеты, какие цели они преследуют: здравоохранительные или превратно понимаемые экономические?

Догадываюсь, что этот вопрос многим может показаться, как иногда деликатно выражаются, очень трудным и сложным. Поэтому в целях поиска правильного ответа хочу напомнить, что, по данным советских и зарубежных ученых (см., например, монографию «Экология и рак», Киев, 1985, с. 5), 85% опухолей человека связано ныне с окружающей средой (включая продукты питания, состояние атмосферного воздуха), что нитраты и нитриты «являются предшественниками наиболее опасных канцерогенов» (там же, с. 20), что наиболее распространенные онкологические заболевания — рак желудка и рак легкого.

В. А. САЛИМОВСКИЙ
г. Пермь

■

С особым удовольствием читаю письма в редакции различных газет и журналов о перестройке, демократизации, гласности, но пока ни в одном письме или статье не затрагивалась такая тема, как подписи под некрологами. Почему под такими документами в центральной печати фамилии подписавшихся расположены не в строго алфавитном порядке, а в порядке ранжирования, в зависимости от «значимости» того или иного лица? Очень хочется знать: кто же, как и по каким признакам сортирует людей по рангам, кому

дано такое право? Как сопоставить между собой ранги различных политических деятелей, работников науки, искусства, производства?..

В опубликованных 13.06.88, 15.06.88 в «Правде» некрологах насчитывается с десяток рангов... Уверен, что это прижизненное ранжирование антидемократично и, я бы сказал, даже унизительно для всех подписавшихся людей, особенно оказавшихся на самом последнем месте не в силу алфавитного порядка или последовательности сбора подписей, а в силу сложной иерархической структуры административно-партийного аппарата, где человека ценят за должность.

Однако народная мудрость гласит: «Не место красит человека, а человек место».

В. Ф. ШЕФЕР
Ленинград

■

Принятие разрабатываемого сейчас проекта «Закона об общественных организациях» является одним из основных условий бесповоротного хода перестройки у нас в стране. Вместе с тем, чтобы «Закон» действительно стал гарантией необратимости перестройки, в его тексте, очевидно, должны быть отражены следующие принципы.

Не должно быть разделения общественных организаций на общественные организации, органы общественной самодеятельности, самодеятельные общественные объединения и прочее — это нарушит их равноправие.

Любые общественные организации, согласно ст. 113 Конституции СССР, должны иметь право юридического лица, финансовой самостоятельности, законодательной инициативы, выдвижения своих кандидатов в депутаты, участия в подготовке и проведении выборов в Советы народных депутатов, право контроля деятельности соответствующих государственных организаций.

Разрешительный порядок образования любых общественных организаций должен быть без исключений заменен на регистрационный, являющийся более демократичным. В целях предотвращения возможности влияния со стороны ведомств регистрация общественных организаций должна осуществляться вневедомственными органами — органами Советской власти. Отказ в регистрации — только через судебные органы.

Деятельность общественных организаций не должна увязываться с различного рода ведомственными актами.

Организации-учредители не должны иметь право роспуска организованных ими общественных организаций. Роспуск или ликвидация последних могут происходить исключительно по решению их самих, либо, в случае нарушения ими законов СССР, органами Советской власти через суд.

В тексте «Закона» должно быть отражено право любых общественных организаций осуществлять необходимые им международные контакты, не противоречащие принципам международной политики СССР, нормам и конвенциям международного права.

Необходимые для своей деятельности материалы, документы любые общественные организации должны разрабатывать самостоятельно.

Деятельность любых общественных организаций не должна регламентироваться рамками административно-территориального деления СССР. Так, например, экологический клуб «ЭКОС» города Тольятти не должен проводить свою работу в Куйбышеве или, скажем, в Архангельске, если эта работа полезна и клуб желает ее выполнять?

Хотя официально проект «Закона об общественных организациях» еще не опубликован, думается, было бы небесполезно уже сейчас обсудить ряд основополагающих принципов, к которым мы относим и изложенные в данном письме.

С уважением, сотрудники национального парка «Самарская Лука».

А. В. ПЕЧЕНКИН, Г. В. ИГНАТОВА
(всего 5 подписей)
г. Жигулевск Куйбышевской области

■

В последнее время в прессе и, в частности, в вашем журнале воскрешаются позорные эпизоды «литературной» борьбы, когда травле были подвергнуты писатели, олицетворявшие совесть своей эпохи (Зощенко, Пастернак, глава «Нового мира» Твардовский). Причем такие кампании велись запрещенными приемами и в них бывали втянуты самые разнообразные по убеждениям писатели.

Мне кажется, что настало время расставить точки над «i» в еще одной подобной истории. В первой половине 1979 г. 22 советских писателя (и американец Д. Апдайк) составили из некоторых своих произведений альманах, названный ими «Метрополь». Альманах создавался в расчете на публикацию в целостном виде. Сегодня с расстояния прошедших 10 лет хорошо видно, что осуществить эту идею в те страшные времена было бы равносильно разряду грома в удушливой атмосфере, очистительному ливню, скольким людям открыло бы оно глаза на истинные и мнимые ценности в тогдашней литературе. Однако истории и тем, кто ее пытался делать, угодно было распорядиться по-иному.

Следует сразу сказать, что, подобно случаю с «Доктором Живаго», честь первой публикации альманаха принадлежит зарубежным издателям. Однако к настоящему времени и советский читатель получил возможность увидеть, хотя и в разобщенном виде, произведения, составившие альманах, на страницах отечественной печати. Журналы с прозой Искандера, Битова, Попова, Арканова и других становятся бестселлерами; нашли дорогу к аудитории стихи поэтов, участников «Метрополя», не столь известных, как их сподвижники по альманаху Ахмадулина и Вознесенский. Творчество В. Высоцкого удостоено Государственной премии СССР. Поступок всех этих людей можно расценить как образец честности, мужества и самопожертвования.

Какова же была реакция Союза писателей СССР на появление рукописи альманаха? В прессе появилась разносная стенограмма «обсуждения» альманаха. Тон "обсуждению" задавала статья Ф. Кузнецова, которой затем вторило три десятка голосов. Не обошлось при «обсуждении» без политических ярлыков, обвинений в предательстве. Допустим, что не все из этих людей в равной степени были инициаторами развернувшейся травли. Вполне вероятно, что им действительно не понравились и продолжают активно не нравиться произведения, составившие альманах.

Однако даже если литературные достоинства этих последних неравнозначны и не бесспорны, то методы, примененные для их дискредитации, однозначно и бесспорно порочны. Мало того, что в очередной раз читатели были лишены возможности составить об альманахе свое мнение: шельмование неопубликованных произведений давно уже стало не исключением, а правилом. Но и сами авторы были лишены возможности защитить свое доброе имя перед лицом предъявленных им серьезных обвинений. Проведенная кампания если и не сломала окончательно, то самым печальным образом отразилась на их творческих судьбах. Многие, получив незаслуженное клеймо, на неопределенный срок были отлучены от литературного процесса, несколько участников альманаха были исключены из Союза писателей.

Хочется, чтобы напоминание о подобных фрагментах «литературной» борьбы послужило гарантией против их повторения впредь.

Владимир Алексеевич КАРА-МУРЗА,
историк
Москва

■

Меня возмущает манера обращения к подчиненному, которая вошла в привычку в последние 20—30 лет. Разговаривая, «начальник» с подчиненным в большинстве случаев обращается к нему на «ты». Такое отношение распространяется и на подчиненных женского пола и на людей пожилого возраста. Конечно, тут прежде всего надо вести речь о личной интеллигентности, образованности, воспитанности.

Галина Уланова говорила, что, общаясь с учениками, всегда обращалась к ним на «вы», считая иное обращение недопустимой вольностью. А сейчас педагоги и начальники «тыкают» своим ученикам и подчиненным, считая это нормой.

Думаю, что сейчас, в условиях демократии и гласности, необходимо обратить внимание на этот далеко не частный вопрос. Это необходимо учитывать руководителям всех рангов без исключения. О какой же демократии может идти речь, если нет элементарной культуры отношений.

О. В. СТЕПАНОВА
Новомосковск Тульской области

■

Хочу поддержать предложение инженера В. С. Андреева из Кронштадта, опубликованное в вашем журнале (№ 19, май с. г.), касающееся продолжительности отпуска рабочих. В качестве аргумента можно обратиться к Программе партии, утвержденной на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 года. В ней говорилось, что Советская власть установила в «Кодексе законов о труде» месячный отпуск с сохранением содержания для всех трудящихся, проработавших не менее одного года... Далее говорилось, что крайнее разорение, вызванное войной, и натиск мирового империализма вынудили Советскую власть сделать ряд отступлений от положений первого КЗОТа, в частности: «временно предоставить взамен 1-месячного отпуска двухнедельный».

Действительно, пришла пора восстановить положение первого КЗОТа в отношении длительности отпуска рабочих. Надо воплотить в жизнь те требования, за которые боролся пролетариат под руководством партии, совершая социалистическую революцию.

Евгений Васильевич ШАЛОБАЕВ,
преподаватель института
Ленинград

■

Хочу поделиться с вами своими мыслями в отношении ограничения прописки, касающегося Москвы, Ленинграда и столиц союзных республик. А, собственно, на каких правах жители вышеупомянутых городов должны иметь привилегии? Это желание пустить пыль в глаза иностранцам? Но они прекрасно знают, как мы живем. Или желание поставить в особые условия жителей городов, в которых расположены органы центральной власти, чтобы подстраховаться от возможного недовольства населения? Старый прием, сохранившийся со времен феодальной раздробленности.

Во Всеобщей Декларации прав человека 1948 года провозглашен принцип, в соответствии с которым каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать местожительство в пределах каждого государства. СССР был одним из инициаторов принятия Декларации, а оказалось, что за 70 лет мы не смогли создать экономических предпосылок для свободной миграции внутри страны. А точнее — мы создали административно-экономическую систему для ликвидации свободной миграции.

Со мной можно не согласиться, но я считаю, что элементы крепостного права здесь просматриваются. При одинаковых способностях столичный житель и человек из провинции имеют разные возможности для преуспевания в той или иной сфере. Особенно это касается науки и искусства. Бывают случаи приглашения на работу, но и здесь имеет место элементарная «покупка» специалиста. В роли помещика — директор предприятия и коллектив, в роли посредника — горсовет, который даст или не даст прописку.

Существующая система подбивает на фиктивные браки, женитьбы и замужества по расчету и прочие махинации. Какой же выход из создавшегося положения?

Думаю, что если отменить все льготы в снабжении, то много ли окажется желающих переехать в Москву любоваться архитектурой и ходить в театры? Да и работой Москва всех желающих не обеспечит. А это ведь тоже один из естественных регуляторов роста населения. С другой стороны, на Западе и в ряде соцстран в крупных городах жизнь дороже (жилье, услуги, товары), чем в провинции, что, безусловно, влияет на число жителей этих городов. Почему бы и нам не перенять этот положительный опыт? Ведь у нас жизнь в столице существенно дешевле, чем в провинции, за счет тех же незаслуженных привилегий в снабжении.

Кто-то может подумать, что я один из тех молодых людей, которые хотят вкусить плоды столичной жизни, да и разве энергичные, способные люди не нужны периферии? В подобных упреках есть доля истины, но у меня несколько иная ситуация. В этом году заканчиваю университет по специальности «международное право», к тому же с «красным» дипломом. Была бы прописка, то взяли бы на работу во Внешторгбанк или оставили бы в аспирантуре при кафедре. Но...

Работу с большим трудом я почти нашел в провинции. Не по специальности, но работать можно, да вот чувство человека второго сорта осталось. Жена тоже через год кончает вуз по специальности «генетика». Те же проблемы.

В. ЯКУШЕВ,
молодой специалист
Киев

Наш адрес: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Окончание.
Начало на стр. 1.

МОДЕЛЬ НАДЕЖДЫ

щей публики бескомпромиссным и одновременно удручающим выводом: «Ни в одном из социалистических учений должного места рынку не было и нет...» И еще: «принцип «немножко хорошего плана, немножко хорошего рынка» мне так же чужд, как и всем убежденным коллективистам всех времен».

Все ли из нас понимали в то лето, что этот страстный и по фразе вольнолюбивый монолог — первая попытка похоронить перестройку? (Кстати, если отдавать должное противникам,— наиболее, пожалуй, талантливая попытка.) Еще не прочитаны были Стреляный, Нуйкин, Попов и Селюнин (в том же «Новом мире»), еще мы не отличали социализма мысли от социализма чувства. И чувства последнего казались всамделишными, живыми.

Вспомнив это, поймем, почему не три, а чуть не триста ленинградцев в душные те дни набились в зал Дома научно-технической пропаганды на первую же дискуссию клуба. Называлась она «План и рынок: вместе или против?». Вел кандидат экономических наук Анатолий Чубайс, докладчики — кандидат тех же наук Сергей Васильев и кандидат технических наук Владимир Рамм.

Является ли директивное адресное планирование отличительной чертой социализма? Знаем ли мы, что существует косвенное регулирование рынка? Понимаем ли мы, что такое планирование в действительности? И правда ли, что мы прикованы к директивному плану по определению, как те галерники, а Запад привольно резвится на палубе свободной торговли от кризиса до кризиса?

Попкова доказывала, что правда. Васильев и Рамм эту казарменную правоту опровергали, а значит, оставляли всем нам шанс на то, чтобы выжить, обойдя рифы догматизма и схоластики.

Куда ж нам плыть? Да к социализму. Но к социализму с рынком.

Название второго диспута «Тупики административной системы» ужаснуло лично директора Дома. Бдительной рукой было исправлено: «Административная система. Что это такое?» (Что ж, будем уважать и чувства администраторов.) Увы, редактура не выручила: вновь зал битком.

Как, может быть, уже догадался читатель, и на этот раз поводом к дискуссии стала статья. Только не Попковой, а Г. Попова. Вновь два доклада и несколько подготовленных трехминутных выступлений. Потом, уже на следующих заседаниях клуба регламент для выступления увеличится почти вдвое. Но то — потом, потом и даже не под крышей ЛДНТП. Потому что после второй дискуссии выяснилось: испытательный срок клуб, по мнению администрации и методсовета, не выдержал, а лимит их ангельского терпения исчерпал в два приема. Мол, костьми ляжем у входа, но третьему «разгулу перестройки» в нашем Доме не бывать.

И впрямь: почти легли. Третья тема была наивными перестройщиками объявлена. И день назначен. Еще тогда, под занавес второго и последнего в Доме «шабаша».

Предупредить об отмене смогли лишь своих. И был в центре города печально-комичный конфуз, когда на Невском человек семьдесят культурно тянули дверь на себя со стороны проспекта, а дружина методсовета во главе с директором — как раз в противоположную сторону. Впрочем, и на сей раз обошлось без экстремизма. Хотя вроде бы за гостей клуб не ответчик.

«Перестройку» запретили.

«Перестройку» разрешили.

Теперь они именовались клубом при Всесоюзном экономическом обществе. (Президиум ВЭО утвердил список членов, закрыл крылом и даже взял ответственность за предполагаемый рукописный бюллетень.) Но крыши не было по-прежнему, и по-прежнему авторитетные инстанции любезно улыбались в глаза: мы бы, ребята, не против, но ДК возражает... А в ДК: мы за вас, но...

Зачем об этом столь подробно?

Да, во-первых, затем, что эти или подобные круги придется проходить другим. И уже первые шаги клуба — предметный урок борьбы за демократию.

А, во-вторых, вовсе и не подробно, потому что только они, обивавшие эти высокие пороги, да, пожалуй, еще те, кто служебные пороги растил до размеров баррикад местного значения, знают все истинные перипетии сюжета, ставшего, слава богу, уже историей.

13 ноября прошлого года в актовом зале средней школы № 77 (другого помещения не нашли) пятнадцать организаторов «Перестройки» приняли устав клуба. А когда приняли, открыли дверь и пригласили желающих: если согласны с уставом — записывайтесь кандидатами. Записалось еще человек двадцать.

А 2 декабря их «на раз» пустил к себе ДК имени Ленсовета. (Что, может быть, покажется будущему историку весьма символичным, если принять во внимание революционную ситуацию и преемственность традиций.) Тема для обсуждения — «Механизм торможения на производстве. Взгляд изнутри». И вновь воздержусь от попытки живописать то, чего сам не видел. (Стенограмма и даже фонограмма все-таки не заменяет живого действа полемики.) Знаю только, что после той схватки заведующая отделом идеологической работы ДК Светлана Сергеевна Комиссаренко повела себя так, как должно вести себя в революционном вихре. Сказала, что уйдет из дворца вместе с клубом. И клуб «Перестройка» обрел наконец крышу. Это прямо против «Петроградской» станции Ленинградского метрополитена. На Кировском проспекте.

Так что социального криминала не вышло.

А ведь как хотели этого многоуважаемые друг другом администраторы...

ТРИ НЕДЕЛИ «ПУТЧА»

Вероятно, еще никто не забыл тех дней между 13 марта и 5 апреля. Потому и нет необходимости подробно объяснять, что это за даты. У меня в руках протокольная запись с магнитограммы одной дискуссии. Правда, проводил этот диспут не межпрофессиональный клуб «Перестройка», а Ленинский РК КПСС Ленинграда совместно с газетой «Советская Россия». Но клуб участие принял, значит, лыко в строку. Итак, место — ДК имени Карла Маркса. Время — 23 марта сего года, 16.00.

Подробно пересказывать дискуссию сейчас уже вряд ли интересно. После недавних публичных выступлений небезызвестных лидеров консерватизма кого удивит, скажем, такой «принципиальный» пассаж никому не известной пенсионерки Ивановой: «Я утверждаю, что «Немецкая волна», «Парижское радио» и «Голос Америки» уступают «Огоньку», «Неделе» и «Московским новостям» в антисоветской пропаганде». Кого удивит, что гвоздем программы была Н. Андреева, громившая саму идею гласности цитатами из писателя А. Иванова?

Клуб о назначенном «мероприятии» узнал пред самым его началом. И принял бой на чужой территории. Правда, и хозяева готовились не к битве, а скорей уж сразу к пиру. К пиру победителей на нашей с вами тризне. Потому и продумали загодя ряд мер, в прошлом столетии именуемых презервативными. Мер совсем, впрочем, пустяковых: назначили дискуссию на четыре пополудни, загодя отпросив надежных спикеров из их контор и цехов, строго наказали вахтеру посылать всех, кто станет интересоваться «с улицы» в другой, весьма неблизкий ДК, а гардеробщицам запретили брать пальто у опоздавших. И ничто не должно было омрачить этого собрания, этого торжества, разработанного в лучших традициях киношного подполья.

Если б не эта «Перестройка». Все-то им неймется! А ведь серьезные, кажется, мужи. Еще и свою дискуссию назначили, уже в ДК имени Ленсовета, и обращение приняли, и письма разослали.

12 апреля здесь прозвучит соображение о необходимости Народного фронта в поддержку перестройки. (Предложение Александра Сунгурова попадет и на ленинградский телеэкран. Эту дискуссию показали городу, пусть и в неудобное, почти дневное время.) Потом с тем же предложением на страницах прессы выступит академик Т. И. Заславская, президент Советской социологической ассоциации. Спрашиваю у Виктора Монахова: ну, а как «Перестройка» представляет такой союз? Это что — вроде как партия?

Нет. Потому что структура Народного фронта — структура общественной организации. Да и нелепо создавать партию, которая ставит своей целью проводить в жизнь решения другой партии.

Просто как воздух сейчас необходима организованная поддержка перестройке, необходим камертон развития демократических процессов, который бы реагировал на малейшее их искажение.

Чтобы 13 марта не повторилось.

ЧТО С ГРИБНИЦЕЙ?

Вмногомиллионном городе на третьем году перестройки — шестьдесят «действительных членов» клуба, плюс те, кто записался кандидатом (человек сто), плюс актив. С теми, кто набивает зал дискуссий, но записываться пока не спешит,— тысяча, от силы полторы.

И лишь потолкавшись в клубе не один день, понимаю, что это — позиция. Хотя инкубационный период и кончился, клуб не спешит расширяться, придирчиво требует от записавшихся кандидатами трех (раньше — двух) рекомендаций. Рекомендации дают члены клуба, а прием происходит на совете.

Формализм? Начальная стадия обюрокрачивания? Взращивание собственной «элиты»?

Но если так, почему совет принимает разработанную Андреем Алексеевым поправку к уставу, «гарантию от вождизма»? «Ни одно из клубных подразделений не имеет постоянного руководителя, лидера, а лишь координатора, сумма обязанностей которого заведомо превышает сумму прав, с последовательной передачей друг другу координационных функций в зависимости от конкретных обстоятельств».

И еще: «Все члены совета клуба являются его сопредседателями и в случае необходимости могут принимать единоличные организационные решения...» Потом решение может быть опротестовано клубом, если хотя бы четверть его членов против. И еще: «Председательствовать на общем собрании может любой член клуба...»

Клуб не хочет быть «пирамидой», принципиально не желает никакой централизации. Принятое решение можно оспорить на совете или на общем собрании. Что из этого следует? А то, что ответственность за решение неизмеримо возрастает. Это и есть демократия в их понимании. Демократия, оплаченная в случае злоупотребления ею, ценой конкретного авторитета. Точнее — его утраты вместе с утратой демократического доверия.

На деле это так.

Приходишь в буквальном смысле «с улицы». Сам записываешься кандидатом, и тебе сразу же дают право работать в одной из секций клуба. Выбирай: секция производственного самоуправления, секция совершенствования работы Советов народных депутатов, секция содействия активистам перестройки, секция изучения административной системы, секция потребительских инициатив (общественный контроль за качеством товаров), секция проблем кооперативного движения, секция межнациональных отношений, секция научно-технического прогресса, наконец,— выдохнем — пресс-группа. Та, что выпускает рукописный бюллетень «Перекресток мнений».

Если этого мало — можно прийти с идеей новой секции и приводить за собой всех желающих. И когда работой, исследованиями, составлением деловых предложений или иным трудом ты доказал собственную необходимость клубу — тебя примут в его члены.

Ибо мало — как здесь считают — декларировать согласие с уставом клуба. Надо стать единомышленником, товарищем.

У меня на столе разработанное координаторами производственной секции (инженерами Львом Гольдштейном и Андреем Карповым и кандидатом физико-математических наук Михаилом Горным) «Положение о самоуправлении на предприятии и совете трудового коллектива». Документ, за которым сегодня охотятся, который списывают от руки и просят прислать уже и из других городов. Это рекомендации клуба, как сделать, чтобы Закон о трудовых коллективах перестал быть бумажной ширмой вокруг произвола администрации. (Пересказывать не берусь — документ не коротенек.) Почему же, встреченный бурно («А кто они такие, чтоб нам рекомендовать?!»), он ходит по рукам, а кое-где, как мне известно, распространяется заводской администрацией? Очевидный парадокс. Но, как объяснил в клубе один промышленный директор, поначалу тоже не отказавшийся от предложенного ему поста в совете его собственного трудового коллектива,— это же мука мученическая самому бороться в совете против своих же административных установок. И директор добровольно вышел из совета. Да и других директоров призвал к тому же.

Да, их пока немного.

Но работает клуб «Дельта», а еще «Земля и Вселенная», а еще совет по экологии культуры. И «Спасение исторических памятников». И клуб демократизации профсоюзов. И еще, и еще...

Та же «Перестройка» уже идет в трудовые коллективы, самодеятельные объединения и творческие союзы. И при клубе возник дочерний: электрик Виктор Тягушев предложил создать клуб рабочей инициативы (чтобы и рабочие могли обмениваться опытом перестройки). Входит в него и герой очерка Анатолия Головкова («Огонек» № 19) рабочий Андрей Алексеев. («Вы серьезно представляете перестройку без участия рабочего класса?..»)

В «Перестройке» говорильни не ценят. Считают, что треп и маета пустопорожних речей — прерогатива бюрократии. Здесь, в клубе, иные обижаются: записался, а выступить не дали! Здесь регламент пять минут. Здесь без стеснения перебьют, если залу скучно.

И откровенно уйдут от спора, когда решат, что спорить не о чем. (Так было во время краткосрочного визита представителей «Памяти».) Вместо митинговой пародии на демократию тут пытаются нащупать путь к демократии творческой. К демократии действенной. От Александра Сунгурова, от Петра Филиппова услышу я одну и ту же фразу: наш клуб — центр кристаллизации демократических процессов в городе.

Рекомендации, письма, обращения,

предложения, подписанные «Перестройкой», плюс то, что каждый из нее несет в свой трудовой коллектив, плюс уверенность людей, что идеи могут рождаться, «овладевать массами» не только сверху, но и снизу (впрочем, как ее измеришь и приплюсуешь?),— вот вклад «Перестройки» в перестройку без кавычек.

По данным самоанкеты клуба, сейчас в нем почти половина — коммунисты и более половины — кандидаты наук.

И все же — почему их так мало? Почему не растут, как грибы после солнечного дождика, другие такие клубы?

ЛЕС РУБЯТ —...?

ожет быть, можно и опустить это. Подумаешь — покритиковали их в ведомственной газете. Но ведь как раз и знаменательно, что в ведомственной. «Проблемный репортаж на тему демократии» (рубрика) назывался «Со сбитым прицелом». Напечатан в «Лесной промышленности» (ведомственная-то ведомственная, зато московская!) 16 июня 1988 года. Уже по заголовку читатель догадается о пафосе «репортажа» С. Демидова и В. Перфильева.

А пафос в том, что в одной из организаций лесного ведомства советом трудового коллектива завладели «экстремисты». Они ведут к конфликту с администрацией, они рушат дисциплину, они... Много чего здесь прочтешь «про них», про этих «бюрократов» из «Перестройки».

Да, да. И «экстремисты», и «бюрократы» одновременно. А виной все то же положение об СТК, разработанное клубом. Действительно, почему ВЦСПС и Госкомтруд СССР «ограничились на этот счет только соответствующими рекомендациями», а здесь — аж двести пунктов положения позволяющего сделать закон законом?..

Вот и заволновались, не скрывая причины истинного своего раздражения. Цитирую. «Мы недооценили, точнее сказать, упустили из поля зрения деятельность неформалов,— признался начальник предприятия Ю. И. Агапов.— Теперь пожинаем плоды. Считаю, что администрация, партийная организация и профком были чрезвычайно благодушны при проведении выборов СТК».

И признаться не стыдятся... Да, недоучли опасность демократизации. Не задушили в отеческих объятиях при рождении, не направили «деятельность клуба в нужное, полезное делу русло».

И коллектив выбрал, кого пожелал.

И не стал СТК еще одним органом при администрации, где заседала б все та же администрация.

Лет пять назад и даже меньше они разобрались с крамольниками сами, без шума, без вынесения сора из ведомственной избы.

А сейчас приходится кликать рекрутов, призывать мастеров пера: спасайте, ребята!..

И «ребята» спасают. Цитируют выступление одного из членов клуба, В. Монахова: «На тонком льду мы стоим! Уголовники завладели партией. Как нам отмыться от Жданова?»

С последним утверждением согласимся — отмыться еще предстоит.

Только вот беда: на магнитной пленке нет этого пассажа. И не могло быть, потому что Виктор Монахов на том заседании клуба, с которого ведет «Лесная промышленность» свой «репортаж», вообще не выступал. (Знаю это еще и потому, что сам там был.)

И не было выступления «оратора В. Раша».

И не «сажать подручных Сталина, а может быть, расстреливать» призывал Г. Глазков, а говорил о том, что, если начнем сажать, приведет это к тому, к чему уже привело в 30-х. Все наоборот!

Кажется, ну зачем так топорно? Или лесное ведомство впрямь мечтает о бесплатной рабсиле той эпохи, когда сводили с лица земли не лес — нацию? Когда социализм в редакции «Краткого курса» превращался в СОСОлизм (или мы уже забыли, как звучит уменьшительное от имени славного генералиссимуса)?..

Нет, явно поспешило ведомство с «репортажем». По иронии судьбы в том же номере «Лесной промышленности» публикация стихов Александра Галича: «От скорости века в сонности// Живем мы, в живых не значась. //Непротивление совести — //Удобнейшее из чудачеств».

Согласимся с поэтом?

ПОПЫТКА ДИАЛОГА И НЕМНОГО ПАФОСА

то происходило в один день. В 16.00 совещание пропагандистов в Петроградском райкоме партии (с участием «Перестройки»). В 19.00 — заседание клуба.

В первом зале мне тоже было интересно.

Скажем, послушать, почему, по мнению заместителя секретаря парткома «Ленполиграфмаша», ее родной партком так обиделся на «Огонек» за статью о рабочем Андрее Алексееве, что и отвечать нам не намерен.

Надо ли говорить, что «Перестройка» и тут полезла в полемику? (Выступили Владимир Рамм и Виктор Монахов.)

Нет, я далек от иронии, потому что и в первом зале было много дельного. (Например, в выступлении заведующего отделом пропаганды и агитации райкома В. Федорова, в его диалоге с редактором рукописного журнала «Меркурий» Еленой Зелинской.)

Не хотел бы прервать только еще начинающийся диалог районного комитета партии с коммунистами и беспартийными клуба «Перестройки». Ведь в нем — модель надежды на взаимопонимание и уважение.

Неожиданно (или все-таки закономерно?) помощь пришла от первого секретаря Ленинградского обкома партии Ю. Ф. Соловьева. Уже после XIX партконференции он встречался с коллективом физтеха АН СССР (отрывок этой встречи был показан по Ленинградскому телевидению) и на прямой вопрос, как он, первый секретарь и делегат конференции коммунистов, относится к деятельности клубов «Перестройка» и «Дельта», Соловьев ответил — сугубо положительно.

Модель надежды. Если угодно — надежда на надежду.

Потому что произнести триаду перестройка—гласность—демократия куда легче, чем реально учиться сотрудничеству и общению во имя общего дела. Структурированный системой социальной лжи, с младых ногтей усвоенный нами страх еще долго будет напоминать о себе. Страх въелся в поры личности, обезличил гражданина до того, что и само слово «гражданин» ассоциируется у нас больше с милицейским свистком. Скажем, за переход улицы на красный свет.

Но отныне на нашем переходе загорелся другой — зеленый.

И оказалось, что абстрактное вчера понятие «широкая общественность» — сила вполне конкретная. Общество сдает в архив истории административно-командную структуру управления, делает попытку заменить приказ диалогом и творчеством, старается наладить систему обратной связи. На смену механическому, бездушному принципу «рычаг—машина» приходит принцип, по которому существуют живые организмы. Потому что так устроен человек. И так должно быть устроено общество, если оно социалистическое.

В экономике «обратная связь» — хозрасчет.

В сфере общественной жизни — вот эта, новая для нас сила, выходящая сегодня на арену социального поиска.

Ее уже не отменить, не запретить, не оборвать грозным окриком.

Она — естественное следствие эпохи. И завтра это уже никого не будет удивлять. И никто не вспомнит, что в начале пути им чиновно отказывали в крыше над головой, пугали «социальным криминалом».

И все-таки — нет ничего опаснее, чем пафос эйфории. Потому что, отступив, консерваторы лишь перестраивают ряды. Сейчас они нападают на прессу, вожделенно ждут наших ошибок, ждут часа для контратаки. И готовятся к ней весьма обстоятельно даже на теоретическом уровне. Их завтрашняя платформа уже наметилась. Там же, на Петроградской стороне, я услышал на одном из совещаний районных пропагандистов речь об отличии социалистического плюрализма от демократии.

— Что есть плюрализм? — вопрошал докладчик,— разномыслие. А демократия? Народовластие. Следовательно, настоящий этап — лишь перевал на пути к лучезарной вершине единого народного мнения.

Стальной государственности, железного порядка? Другими словами: демократия есть тоталитаризм. Или, как сказано в классическом романе: «Свобода есть рабство».

Они еще надеются осчастливить нас этим открытием.

НА ЗАРЕ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ

все-таки сегодня перо журналиста явно не поспевает за жизнью. Статья была набрана, когда из Ленинграда позвонили: приезжайте, воплощается идея ученых, у нас уже действует инициативный комитет Народного фронта.

А тут как раз подоспел и девятый номер «Коммуниста» со статьей «Самодеятельные инициативы. Неформальный взгляд», где проблемная группа журнала исследует движение гражданских инициатив как новый «самостоятельный субъект социальной жизни» страны.

Информационный центр Народного фронта расположился на площади Революции. Это в двух минутах ходьбы от станции метро «Петроградская». Здесь ежедневно с семи и до десяти вечера дежурят ребята в бело-голубых майках, здесь можно заявить о создании группы поддержки одной из инициатив.

Вот лишь некоторые:

«Мемориал» — инициатива по увековечиванию памяти жертв сталинских репрессий.

«Предприятия и землю — в аренду трудовым коллективам!»

«Город и горожане» — движение за сохранение исторической и культурной памяти наших городов.

«Сохраним мир зеленым!» — акции в защиту окружающей среды.

Нет ажиотажа, нет привкуса «недозволенного».

Кто-то переписывает в блокнотик тезисы Народного фронта (они здесь же, на щитах), кто-то справляется, как пригласить лектора в трудовой коллектив.

Идет нормальная работа по обновлению и перестройке общества, его политического и гражданского климата.

Работа, которая надолго.

ПРОШУ СЛОВА!

ЕСЛИ ПРАВИТ ИНСТРУКЦИЯ...

Хочу предложить вашему журналу новую рубрику — что-то вроде «инструкции — обструкция».

Речь пойдет вроде бы о мелочи — о невозможности сменить ребенку фамилию до его совершеннолетия.

В нашей семье я — бабушка, Ирина Говорова, моя дочь — Марина Рыжикова и мой внук — Степаша Бесфамильный. Я ношу фамилию своего отца, дочь — своего, а внук — своего.

У моего бывшего мужа, Рыжикова,— вторая семья. Внук родился уже без него, дочь и внука он видит раз в год, никакого ни морального, ни материального отношения к их жизни не имеет. У моего бывшего зятя, Бесфамильного,— третья семья (Степан — ребенок от второго брака). Сына он видит раза два в году.

Нашего Деда (как все звали моего отца) похоронили недавно. Это был единственный мужчина в семье, образ которого и жизнь которого полны смысла для восьмилетнего Степана. Дед наш — красногвардеец, разведчик, геолог...

Осторожно прощупали почву — хочет ли мальчик после смерти Деда носить его фамилию. Оказалось — будет счастлив!

Но вот в роно нас сразу охладили: «не-е-ль-зя». Можно дать ребенку только ту фамилию, которая записана в свидетельстве о разводе. Но поскольку разводились Рыжикова с Бесфамильным, то наш парень имеет только право стать Рыжиковым. Продолжить, так сказать, род человека, которого он видит, в лучшем случае, раз в год и называет на «вы»...

Мы заикнулись, что такая смена для мальчика бессмысленна и что придется обратиться за консультацией к юристу. «Юристы ничего в этом не понимают,— объяснили нам снисходительно в роно,— решать будем мы по существующим у нас правилам».

Откуда же берутся управляющие нашей жизнью правила, о которых не знают юристы? Обо всех «внеюридических» законах судить не берусь, но о причинах невозможности дать ребенку одну из его собственных кровных фамилий догадываюсь.

Надо думать, тянется эта инструкция из тех времен, когда ведомствам, контролирующим благонадежность граждан, было удобнее проследить за каждым из нас: чтобы под хитростью смены фамилии не скрывали, не спасали отродье «врагов народа», чтобы не камуфлировали таким образом и свое чуждое классовое или подозрительное национальное происхождение... Это что-то из одного «пакета» с паспортно-прописочным режимом, потому что соблюдение всех этих принципов облегчает работу контролирующим нас ведомствам и органам правопорядка. Им так удобнее!

Поскольку мой старший брат погиб во время войны, то на мне род Говоровых кончается, продолжателей дедовой фамилии больше нет. И я бы не стала выносить наши семейные переживания и наше выяснившееся бесправие на обсуждение общественности, если бы не прочла недавно в «Учительской газете» статью «Как нам строить этот дом?», где сказано, что супругам, берущим на воспитание брошенных детей, не разрешается давать принятым в собственную семью детям свою фамилию. По тем же положениям, с которыми столкнулась наша маленькая семья, эти дети обязаны носить фамилии бросивших их родителей...

Ну, скажите, не головотяпство ли все это беспросветное?

И. ГОВОРОВА
Москва

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О МИНИСТРАХ?

ЧТО ЗНАЮТ НАШИ ГРАЖДАНЕ О СВОИХ МИНИСТРАХ? СКОРЕЕ ВСЕГО, НИЧЕГО ИЛИ ПОЧТИ НИЧЕГО. А НАДО БЫ. ТАКОГО РОДА ЗНАНИЕ — НЕ ПРОСТО УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ЛЮБОПЫТСТВА. В НЕКОТОРОЙ МЕРЕ ОНО ДЕЛАЕТ НАС СОПРИЧАСТНЫМИ К ГОСУДАРСТВУ И ЕГО ДЕЛАМ. С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, И САМИ МИНИСТРЫ, ОКАЗАВШИСЬ В ПОЛЕ ЗРЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ, НАДО ПОЛАГАТЬ, ДЕЙСТВОВАЛИ БЫ С БОЛЬШЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ В РЕШЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАДАЧ.

Павел ЛЕБЕДЕВ,
доктор юридических наук

В докладе на XIX Всесоюзной конференции КПСС отмечалось, что **«экономическая реформа осуществлялась бы значительно лучше, не будь столь живуч консерватизм в аппарате управления. Командование и администрирование упорно цепляются за свои позиции».**

Ясно, что когда говорят об аппарате управления, то имеют в виду прежде всего министерства, ведомства и тех, кто их возглавляет, кто, по выражению многих делегатов, выступавших на XIX партконференции, олицетворяет «верхний эшелон». Кто же они? Какими же качествами должны обладать люди, занимающие самые высокие посты в нашем государственном аппарате,— министры, председатели госкомитетов? И их ближайшие помощники? Какой жизненный опыт может сказаться здесь наилучшим образом? Какая квалификация? Какими должны быть их мировоззрение и нравственный облик? Иными словами, какими же они должны или не должны быть, чтобы соответствовать столь высокому общественному положению?

Сейчас трудно дать однозначные ответы на все эти вопросы.

Анонимность функционирования госаппарата отчасти была следствием

и общей недооценки индивидуально-личностного начала в жизнедеятельности нашего общества, с годами прочно утвердившейся в массовом сознании. Вот почему и в науке о государственном управлении долгое время безраздельно господствовало организационное (структурно-функциональное) направление при полном отсутствии интереса к субъекту этой деятельности. Это сформировало стереотип мышления в аппарате (да и не только в нем), согласно которому совершенствование управления зависит только от организационных изменений. Возможности улучшений посредством изменения стиля мышления и методов деятельности, посредством тщательного отбора наиболее одаренных лиц на руководящие посты всерьез не рассматривались. Да это и понятно. Когда положение и инструкции жестко определяют служебное поведение на всех уровнях государственной иерархии, то нет возможности для проявления таланта, улучшение связывается в основном с организационными перестройками.

Отсюда и соответствующая кадровая политика. На пост руководителя министерства или ведомства требовался человек с безупречной анкетой, в меру решительный и зарекомендовавший себя как способный правильно вести дело. Такие люди, конечно же, находились. И, однажды заняв министерское кресло, они, как правило, очень долго не покидали его.

Анализ биографических данных 45 руководителей министерств и ведомств СССР, а также их заместителей, занимавших свои посты в 60-е и 70-е годы, показал, что средний срок пребывания в должности руководителей этого ранга превышал 18 лет. А каждый третий министр и почти каждый второй заместитель министра из нашего списка удерживали свои кресла более 23 лет!

Если сравнивать эти сроки с продолжительностью пребывания у власти высших должностных лиц в других государствах, то они выглядят поистине беспрецедентными. В США, например, для них установлен очень короткий период — всего два года (в большинстве других стран этот срок составляет четыре года). Конечно, два года — это, может быть, чересчур короткий срок. Ведь не менее года уходит на то, чтобы войти в курс дела и узнать людей. К тому же существует опасность, что при кратковременности срока полномочий министров практически они могут стать просто рупором постоянно действующей администрации. Однако в этом есть и бесспорные положительные моменты. Министры, как говорится, не засиживаются в своих креслах, а в силу этого не успевают проникнуться ведомственным духом и незаметно для себя оказаться в дрейфе канцелярской рутины. Кроме того,— и это, пожа-

луй, самое главное — министры не врастают в госаппарат, а на протяжении всего периода своих полномочий сохраняют позицию политического деятеля. Важно и то, что при этом им нет смысла подчинять свою деятельность единственной цели — удержать свой портфель. А уход с поста в определенное время не воспринимается как крах личной карьеры.

Разумеется, официальный срок полномочий руководителей министерств и ведомств определен и в нашей стране. Он заканчивается к началу 1-й сессии Верховного Совета СССР нового созыва, то есть истекает через пять лет. Однако министры, как правило, утверждаются и на второй, и на третий, и на четвертый, а некоторые и на пятый срок. Причем обычно весь состав правительства, предварительно одобренный ЦК КПСС и партийной группой Президиума Верховного Совета СССР, утверждается на сессии списком, без персонального обсуждения каждой кандидатуры.

Обозревая жизненный путь министров и заместителей министров тех лет можно заметить два основных типа карьеры или продвижения по службе. Первый тип можно назвать линейным. Для него характерно то, что работники в своем возвышении не выходят за пределы хозяйственной сферы. Карьера начинается на предприятии и через ряд последовательных возвышений завершается на посту заместителя министра или министра. Второй тип — зигзагообразный. Это те случаи, когда карьера начинается с руководящего поста в комсомольской, партийной или хозяйственной сфере и через переходы из одной сферы в другую по восходящей линии заканчивается в министерском кресле. Подавляющее большинство (более 70 процентов) министров в прошлые десятилетия прошли по первому пути, меньшая часть — по второму.

По имеющимся у нас биографическим данным бывших министров 60-х и 70-х годов, почти все они довольно рано — к 40 годам — уже занимали высокие посты в сфере хозяйственной, партийной или государственной деятельности. Многие из них проработали в министерствах в общей сложности более 30 лет. Но подавляющее большинство получили первоначальное назначение на должность заместителя министра или — сразу — министра. Как правило, это те лица, которые прошли школу руководящей работы в партийных органах.

Чем же можно объяснить почти регулярное продление полномочий руководителей министерств и ведомств в нашей стране? Конечно же, это происходило не из-за недостатка способных и достойных людей. Скорее всего, этот факт надо объяснять тем, что сама работа государственной машины не подвергает серьезному испытанию на соответствие.

Такая практика с неизбежностью ведет к тому, что каждый министр все глубже проникается интересами своей отрасли, включая и свой министерский аппарат, начинает всеми средствами расширять подведомственную сферу. Это становится главным в его деятельности. У министра возникает естественное стремление заполучить в свое распоряжение максимальные объемы материальных ресурсов, увеличивать штаты и производственные фонды, начинать новые стройки и т. п. (Заметим попутно, что повышенные ведомственные притязания на ресурсы именно на министерском уровне способствовали чрезмерной централизации механизма распределения ресурсов и привели к оскудению материально-финансовой базы местных Советов.) Такое расширение масштабов деятельности отдельных отраслей имеет тенденцию превращаться в самоцель, иначе говоря, все менее согласуется с общественной потребностью в результатах их деятельности.

На XIX партконференции с особой остротой говорилось о необходимости усиления контроля со стороны депутатов и общественности за работой министерств и ведомств, являющихся, по сути, исполнительными органами. Проблема эта очень непростая, причем, надо отметить, не только в условиях нашей политической системы, но и во всем мире. Сложность вопросов, составляющих область компетенции правительственных органов, требует их глубокой специальной проработки. В силу этого участие депутатов в принятии решений по таким вопросам на сессиях во многом сводится к одобрению проектов решений, выработанных в недрах госаппарата. При таких обстоятельствах очень сильным звеном депутатского контроля над аппаратом могли бы быть сами руководители министерств и ведомств: все они депутаты! Но, занимая долгие годы руководящие посты, они врастали в аппарат, и каждый из них, будучи вовлеченным в интересы своего ведомства, становится органической частью аппарата.

Как показывает мировой опыт, больше всего соответствует государственной службе профессия юриста. Министры и другие должностные лица высокого ранга во всех странах чаще всего рекрутируются из выпускников юридических факультетов. Нам дорого обходится государственно-правовой дилетантизм руководящего персонала госаппарата. Негативные последствия отхода от мировой практики замещения должностей в этом плане трудно переоценить. Самые главные из них: низкое качество министерских нормативных актов, их чрезмерное количество и противоречивость, низкий уровень правовой и политической культуры среди служащих аппарата.

На мой взгляд, многие несуразности в управлении происходят просто в силу юридической некомпетентности госаппарата. Даже самый большой порок — чрезмерный централизм государственного управления, неразумное стремление регулировать сверху все и вся — в значительной мере обусловлен непониманием природы государства его служащими.

Сколько многолюдных совещаний затягивается, наскочив на бестолковый министерский параграф, и после изнурительных словопрений заканчивается ничем? Сколько времени и сил тратят люди на хождение туда и сюда при оформлении простейших дел? Какое возмутительное недоверие к человеку проявляется в оформительских процедурах, предполагающих в каждом чуть ли ни мошенника!.. Все эти грустные реальности, хорошо известные многим на собственном опыте, в значительной мере представляют собой плод непрофессионального нормотворчества и неумелого применения права.

Изменились ли эта политика и порядок ее осуществления на вершине управленческой пирамиды в период перестройки? Обстоятельно, с научной добросовестностью ответить на этот вопрос пока нельзя. Но кое-что сказать об этом можно, причем не голословно, а на основе анализа большой серии персоналий, которые публиковались в «Известиях» в период с 1985 по 1987 год. Они содержали некоторые сведения биографического характера (возраст, образование, основные вехи жизненного пути) о вновь назначенных министрах и председателях госкомитетов СССР.

Уже сам по себе факт, что в пору гласности о новых назначениях не только сообщалось в печати, но состоялось представление руководящих лиц, надо расценивать как немалое достижение. Весьма примечателен и тот факт, что за короткое время — неполных три года — произошла смена шестидесяти руководителей центральных министерств и ведомств, а это составляет более 70 процентов их общего числа.

Теперь о самом главном. Кто же удостоен столь высокой чести? Что за люди выдвинуты на ключевые позиции государственного управления в период перестройки?

Средний возраст вновь назначенных руководителей — 56 лет. Из них только каждый десятый несколько моложе 50 лет. Каждый пятый — старше 60 лет!

Все они с многолетним (более 20 лет) партийным стажем. И, разумеется, с высшим образованием. Причем многие (21 человек) имеют ученые степени: 8 докторов и 13 кандидатов наук. Трое прошли курс обучения в Академии народного хозяйства при Совете Министров СССР. Из общего списка вновь назначенных руководителей министерств и ведомств подавляющее большинство (70 процентов) — выпускники технических вузов. Специалистов сельскохозяйственного профиля — 7 процентов, экономистов — 9 процентов, прочих гуманитариев — единицы. По давно установившейся традиции специальность руководителя, как правило, соответствует профилю возглавляемого им учреждения.

Но, пожалуй, наибольший интерес вызывает вопрос о том, какие же посты занимали непосредственно перед назначением нынешние руководители министерств и ведомств.

Надо отметить прежде всего, что подавляющее большинство из них вышло на довольно высокие руководящие должности на производственных предприятиях, в аппарате комсомольских и партийных органов, а некоторые и в сфере государственного управления, но в основном в 60-е и 70-е годы.

Анализ их биографических данных показывает, что почти половина новых назначений приходится на руководящих работников тех же министерств и ведомств. Как выяснилось, это те, кто долгое время работал в качестве первых заместителей или заместителей ушедших в отставку (как правило, в связи с наступлением пенсионного возраста и по состоянию здоровья) министров. Вторую по численности (более четверти) категорию вновь назначенных составляют лица, до этого занимавшие руководящие посты в партийных органах (первые секретари обкомов, крайкомов и республиканских комитетов партии, а также заведующие отраслевыми отделами ЦК КПСС). Только 10 процентов ранее работали директорами крупных производственных объединений и институтов. Несколько человек назначено из дипломатического корпуса и с постов министров Российской Федерации. Из местных советских органов выдвинут... всего один человек.

Обращает на себя внимание тот факт, что на посты руководителей отраслевых министерств пришло много людей с линейным типом продвижения по служебной лестнице. А на посты председателей государственных комитетов в основном — с зигзагообразным. Если сравнивать в этом отношении новые назначения с прежним составом высших должностных лиц государственной администрации, то нельзя не заметить существенного сокращения руководителей с линейным типом карьеры за счет увеличения числа лиц с опытом работы в самых разных органах: комсомольских, партийных, хозяйственных. В новом составе среди министров таковых 21 из 43, а среди председателей госкомитетов — 13 из 16...

Такова статистика, которую удалось извлечь из газетных сообщений о новых правительственных назначениях. При всей скудности данных, содержавшихся в этих публикациях, их анализ позволяет обнаружить некоторые важные параметры социального облика новой когорты руководителей министерского ранга. На мой взгляд, самый существенный из них — это тип карьеры, отражающий характер жизненного опыта, политический кругозор и степень профессиональной компетентности руководителей. А на основании этого можно с большой долей вероятности судить о ценностных ориентациях этих лиц, включая и приверженность тем или иным методам управления.

Не секрет, что установки XXVII съезда партии на перестройку мышления, стиля и методов управленческой деятельности как начало преодоления застоя с большим трудом реализуются в деятельности госаппарата. На июньском (1986 г.) и январском (1987 г.) Пленумах ЦК КПСС много говорилось о том, что перестройку существенно тормозит инерционность громоздкого аппарата. Периодическая печать вскрыла великое множество фактов, не оставляющих ни малейших сомнений в том, что министерства и ведомства не выступают активной силой перестройки. Гигантский маховик затратной, пожирающей самое себя экономики все еще крутится.

После январского Пленума ЦК КПСС в газетной и журнальной публицистике одно из центральных мест занимает тема торможения перестройки. На Пленуме М. С. Горбачев с тревогой отмечал, что «в обществе, да и в самой партии еще остается определенное недопонимание сложности положения, в котором оказалась страна». Говоря о причинах создавшейся ситуации, М. С. Горбачев особое внимание уделил критике органов управления, оказавшихся неспособными «своевременно и в полном объеме оценить необходимость перемен, опасность нарастания кризисных явлений в обществе». А это привело к тому, что «при выработке политики и в практической деятельности возобладали консервативные настроения, инерция, стремление отмахнуться от всего, что не укладывалось в привычные схемы...». Есть основания считать, что самое непосредственное отношение к механизму торможения имеют и нынешние руководители министерств и ведомств, об этом свидетельствует и полемика на XIX партконференции.

Стереотипы старого мышления в административной системе сохраняют и, судя по всему, еще долго будут сохранять силу. Новое мышление не может возникнуть сразу. Однако острая необходимость в нем уже осознана. Поэтому в кадровой политике на высшем уровне, чреватой очень серьезными последствиями, казалось бы, незамедлительно должны закладываться предпосылки нового мышления в управлении. Если взглянуть с этой точки зрения на последние назначения руководителей министерств и ведомств, то ничего утешительного пока не обнаруживается: на посты министров выдвинуты лица, ранее бывшие заместителями шефов, ушедших в отставку.

Легко понять мотивы таких назначений: каждый из них знает свою отрасль, знает само министерство и его персонал, то есть человек испытанный. Но так ли уж трудно понять, что этим людям, прочно вовлеченным в министерские дела, нелегко изменить курс министерской деятельности, начать действовать вопреки ожиданиям персонала и вопреки давно сложившимся представлениям о задачах министерства.

Может показаться, что такого рода рассуждения бросают тень на репутацию конкретных лиц, назначенных на высокие должности. Но не следует так их воспринимать. Здесь ставится под сомнение совсем другое — принцип назначения на посты министров людей с опытом работы в аппарате, ибо он таит в себе опасность воспроизведения старого опыта.

В нынешней, весьма сложной ситуации на постах министров нужны люди, не столько знающие ту или иную отрасль изнутри, сколько хорошо понимающие общественное назначение министерств и ведомств, их функциональную роль в обновлении общества.

Правилом должна стать смена министров. Только такая кадровая политика сможет превратить министров в проводников и стражей интересов представительных органов в госаппарате. Да и у судьбы появится больше шансов выдвигать на высокие посты государственных мужей божьей милостью.

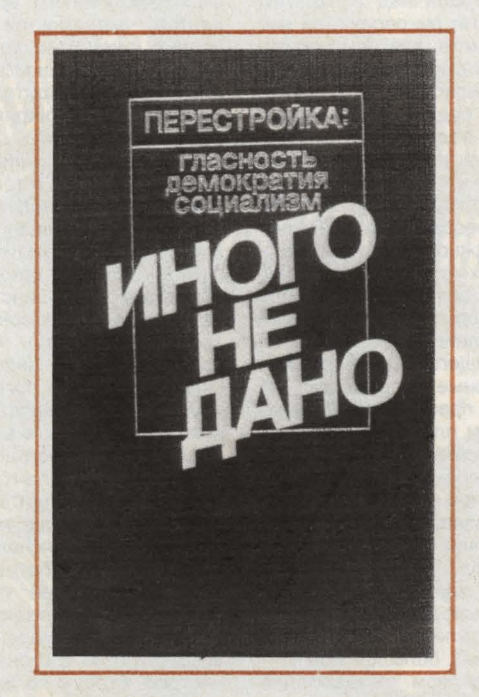
Скудность данных о руководящих работниках центральных органов управления обязывает к сдержанности в суждениях и оценках относительно кадровой политики на высшем уровне государственной иерархии. Хорошо, конечно, что теперь в печати начинают появляться хоть какие-то сведения о верхушке госаппарата. Но чтобы кадровая политика в сфере государственного управления стала и обозримой, и вполне доступной для систематического научного анализа, требуется куда более полная информация, причем обо всех категориях служащих госаппарата. Для ее получения необходимо проводить регулярные переписи и социологические опросы среди работников всех уровней государственной иерархии — союзного, республиканского, местного.

В истории нашей страны только однажды была проведена сплошная перепись персонала центральных государственных органов (наркоматов). Это было сделано в конце 1922 года по личной инициативе В. И. Ленина. «По-моему, абсолютно необходимо произвести однодневную перепись всех чиновников и служащих города Москвы... Наш аппарат... надо чинить радикально. Без переписи невозможно»,— писал Ленин в записке на имя своих заместителей по Совнаркому.

Переписной лист включал, помимо обычных социально-демографических показателей (пол, возраст, партийность, социальное происхождение, семейное положение и число иждивенцев, образование), и такие специфические для данной социально-профессиональной группы служащих, как должность и стаж работы, род занятий в дореволюционное время и все вознаграждения (зарплата и «пайки натурального довольствия»). Как видим, Ленин не мыслил себе совершенствования государственной машины без конкретного знания социального облика и уровня жизни персонала. Однако в последующем эта простая истина все больше и больше отодвигалась в тень последовательным культивированием исполнительности (зачем интересоваться «винтиками» — крутятся, и ладно). А к послевоенному времени была начисто забыта. Более того, установилось что-то вроде негласного табу. Даже о численности этого слоя работников долгие годы можно было только догадываться. В последнее время газетная и журнальная публицистика несколько развеяла тьму вокруг них, высветив множество неприглядных фактов, не оставляющих сомнений в том, что «винтики» государственной машины — это живые люди, что у них есть самые разные интересы и потребности, что многие из них нуждаются в особой «смазке» и умеют ее добывать. Немало и таких, кто под покровом долгой ночи успел превратить государственную службу во взаимный обмен услугами.

К сожалению, и по сей день социологические исследования в госаппарате не проводятся. А значит, нет научных данных, которые позволяли бы раскрыть социальный облик тех, кто занимает ныне ключевые позиции в обществе, кто нами управляет. Без изучения персонала министерств и ведомств — как должностных лиц всех рангов, так и специалистов — нельзя до конца выяснить подлинную роль и значение в госаппарате и героев этого очерка, стало быть, невозможно выработать сколько-нибудь верные представления о том, какими же качествами должны обладать люди, выдвигаемые на руководящие посты в министерства и ведомства. Пока об этом ничего не известно, кадровая политика на высшем уровне не только большинству будет казаться темным делом, она будет, по существу, оставаться темным делом и для тех, кто ее делает. Невозможно отличить назначение действительно достойных лиц от раздачи «теплых мест» номенклатурным работникам: назначения на министерские посты, по существу, находятся во власти случая, а то и произвола.

ТАК НАЗЫВАЕТСЯ ТОЛЬКО ЧТО ИЗДАННАЯ КНИГА ОБ ИСТОКАХ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ ПЕРЕСТРОЙКИ. ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК Ю. АФАНАСЬЕВА В НЕЙ СОБРАНЫ СТАТЬИ ТРИДЦАТИ ЧЕТЫРЕХ АВТОРОВ. ЭТО ИЗВЕСТНЫЕ УЧЕНЫЕ, ПИСАТЕЛИ, ЖУРНАЛИСТЫ, КОТОРЫЕ СЕГОДНЯ СЛОВОМ И ДЕЛОМ РЕШИТЕЛЬНО БОРЮТСЯ ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ, ВЫСТУПАЮТ ОТКРЫТО, ИСКРЕННЕ, В ДУХЕ НАШЕГО ДЕРЗКОГО ВРЕМЕНИ. КАК ОТМЕЧАЕТ В СВОЕМ ПРЕДИСЛОВИИ АФАНАСЬЕВ, В КНИГЕ ДАЖЕ СРАВНИТЕЛЬНО С ТЕМ, К ЧЕМУ МЫ УЖЕ БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ ПРИВЫКЛИ В ПОРУ ПЕРЕСТРОЙКИ И ГЛАСНОСТИ, НЕМАЛО НЕПРИВЫЧНОГО, ОТКРОВЕННОГО И РЕЗКОГО. БОГ ЗНАЕТ ЧТО СЛУЧИЛОСЬ БЫ С АВТОРАМИ ЭТОЙ КНИГИ, ВОСКЛИЦАЕТ АФАНАСЬЕВ, В СОВСЕМ НЕДАВНИЕ ВРЕМЕНА, В КОТОРЫЕ, ВПРОЧЕМ, ТАКОЙ СБОРНИК И НИКАК НЕ МОГ БЫ ПОЯВИТЬСЯ. А СЕГОДНЯ ОН — ЕЩЕ ОДНО НАГЛЯДНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ ВПЕРЕД.

ИНОГО НЕ ДАНО

Издательство предложило авторам написать о перестройке то, что они считают нужным, поразмышлять о ходе текущих изменений и о том, что и кто им мешает. Примечательно заявление Афанасьева: он, и как редактор сборника, и как ученый, вряд ли может согласиться со всем, что сказано авторами. С его точки зрения, многие их соображения являются спорными, требуют обсуждения, анализа. Они высказывают разные мнения по той или другой проблеме, зовут читателя к дискуссии, будят мысли и чувства. Книгу можно сравнить с зеркалом, отражающим бурное море общественного мнения, оно взбудоражено свежими ветрами перемен и, надо надеяться, не скоро еще успокоится.

О стратегии социального управления перестройкой пишет Т. Заславская. Свою статью она начинает с анализа социальных факторов торможения перестройки, которая, по ее мнению, идет пока с трудом. Она отмечает, что если изменения в сфере печати и гласности пусть с некоторой натяжкой можно назвать революционными, то модернизация механизма управления экономикой носит еще компромиссный характер. Среди многих интересных и глубоких мыслей автора обращает на себя внимание попытка классифицировать разное отношение в обществе к проходящим в нем процессам. Заславская выделяет такие типы отношения к перестройке: 1. Идеологи и инициаторы перестройки. 2. Ее сторонники. 3. Социальные союзники. 4. Квазисторонники. 5. Наблюдатели. 6. «Нейтралы». 7. Консерваторы. 8. Реакционеры. Каждая из этих групп подробно характеризуется автором.

«Неизбежность перестройки» — так назвал свою статью академик А. Сахаров. Этот тезис он развивает и доказывает на примере нашей истории, на примере нескольких десятилетий. Нравственную деградацию общества он считает не менее трагичной, чем его экономическое несовершенство. Сахаров спрашивает: реальна ли программа перестройки? И отвечает: «Прежде всего я хочу подчеркнуть, что убежден в абсолютной исторической необходимости перестройки. Это как на войне. Победа необходима. Но неизбежны большие трудности и препятствия экономического, психологического, организационного характера». Размышления академика об этих трудностях и препятствиях, о путях их преодоления, несомненно, заинтересуют читателей.

Должно победить что-то одно, утверждает В. Селюнин в своей работе «Реванш бюрократа»: или экономическая реформа вытеснит чиновников, или они сведут ее на нет. Как и во многих других статьях сборника, в его словах звучит тревога, призыв к активным действиям сегодня, немедленно, потому что завтра будет поздно. Надо решаться на перемены! Время, отпущенное нам историей, считает автор, истекает, счетчик включен. По его мнению, уже в 1989 и 1990 годах мы должны успеть провести глубокую экономическую реформу, чтобы вступить в тринадцатую пятилетку, располагая работоспособным хозяйственным механизмом.

В откровенном и обеспокоенном разговоре его участники делятся сомнениями и опасениями. «Наступаем или отступаем?» — спрашивает себя и других С. Залыгин. На примере развернувшейся борьбы вокруг «проекта века» по переброске части стока северных и сибирских рек он показывает, как сильна еще инерция прошлого, застойных времен, как до сих пор широко распространен и агрессивно вредоносен административно-командный образ мышления. Если Залыгин берет экологическую и нравственную стороны отживших принципов жизни, то А. Адамович рассматривает их с точки зрения будущего нашей цивилизации перед лицом ядерной угрозы. «Наша перестройка спасает мир,— пишет он.— Это безусловно. Но зачем и перестройка, если мир рухнет, пока мы будем озабоченно решать лишь «насущные задачи», упуская из виду глобальные? Не упускаем ли — в горячке будней?»

«Может ли правда быть поэтапной?», «Сталин умер вчера...», «Кого мы прячем? Зачем?», «Чтобы это не повторилось», «Кто виноват, что делать и какой счет?», «Партийная демократия и бюрократия: к истокам проблемы», «Перестройка и историческое знание» — таковы названия некоторых статей, собранных в разделе «Вглядываясь в прошлое». О многом говорят уже сами эти названия. В том же разделе обращает на себя внимание страстное выступление Ю. Карякина против ждановского стиля руководства литературой, против тех, кто пытается обвинить глашатаев перестройки в очернительстве нашей истории. О поучительных уроках истории говорится и в оригинальной работе Ф. Бурлацкого «Хрущев (Штрихи к политическому портрету)».

Завершается книга серией материалов, объединенных в разделе «Возвращение к будущему». Свою статью «Перестройка: правда о социализме и судьба социализма» А. Бовин начинает так:

«Вот уже три года мы учимся говорить, говорить то, что думаем, что чувствуем.

Трудна наука...

Кричащая немота была не страшным сном, а страшной явью. Десятилетия торжествующей лжи, краснобайства, духовной неподвижности обрекали правду на косноязычие, невнятицу.

А теперь учимся говорить правду. Правду о себе. О нашем прошлом, о нашем настоящем. Учимся реально, без самообмана оценивать варианты будущего, которое мы формируем сегодня».

А. Бовин пишет о тех, кто тормозит перестройку из-за боязни потерять статус «идеологического чревовещателя». Он размышляет не только о «механиках» торможения, но и о его «механизме», высказывает свою точку зрения на годы правления Хрущева и Брежнева. Он заканчивает статью так:

«Теперь, кажется, я дожил до такого времени, когда мало, преступно мало не говорить неправду. Теперь надо говорить правду. Хотя любителей прикрикнуть на журналистов, приструнить прессу еще хватает. Тем более надо говорить правду, добираться до правды, открыто, демократически сопоставляя позиции и аргументы.

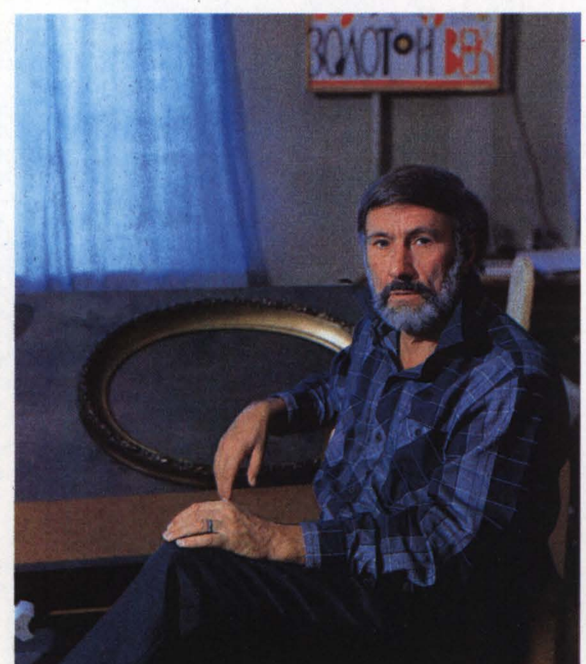
Сила Сталина, сила всех, кто утверждает свой авторитаризм, свой «культ», свою безапелляционность,— в покорном молчании окружающих. Когда народ безмолвствует, царствуют самовластие и самодурство».

Эта книга, несомненно, сыграет свою роль в борьбе за перестройку. Не только содержание, но и сам процесс ее создания свидетельствует о том, что обновление всюду набирает силу. Судите сами. Книга была сдана в набор 4 мая этого года, подписали ее в печать 6 июня, а в июле она пришла к читателю. Правда, тут приходится сделать оговорку. Тираж у нее почему-то маленький — всего 50 тысяч. Уж не потому ли, что она такая необычная и острая?

Владимир НИКОЛАЕВ

«Иного не дано», Москва, «Прогресс», 1988 г., 680 стр.

О. М. САВОСТЮК. Род. 1927. НАРОДНАЯ АРТИСТКА СССР ЛЮДМИЛА СЕМЕНЯКА. 1987.

ПАЛИТРА

МОСХ ГЛАЗАМИ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Олег Михайлович Савостюк — председатель правления Московской организации Союза художников РСФСР, народный художник РСФСР, профессор Московского государственного художественного института им. В. И. Сурикова, заслуженный деятель искусств ПНР, депутат Моссовета, долгое время преподавал живопись в Хельсинкской Академии художеств.

Произведения художника неоднократно экспонировались во многих странах мира.

О. М. Савостюк был делегатом XIX партийной конференции.

— Свыше четырех лет возглавляете вы Московскую организацию Союза художников. На мой взгляд, художники — самый неуправляемый народ. Как вы с ними справляетесь?

— МОСХ мне представляется своеобразным театром военных действий, на котором непрерывно идут какие-то сражения. Время от времени те или иные группировки устраивают штурм истинных или мнимых крепостей. Порой художники, разбитые на межсекционные барьеры, ведут между собой партизанскую войну. Я не против борьбы как таковой. Между теми или иными группировками должны возникать творческое соперничество, острые дискуссии.

Свою задачу я вижу в том, чтобы эта

борьба не выходила за рамки творческих разногласий, не перерастала в сражения за место под солнцем, не была результатом монопольного властвования приказного духа и удушения «инакомыслящих».

Я получил образование в Суриковском институте у Михаила Черемных. Это был художник-философ, художник-поэт. Друг и единомышленник Маяковского, он учил нас свободе мышления, непредвзятости. И мне поэтому порой странно видеть, как художники продолжают отсиживаться в своем узком жанровом мирке, забывая при этом, что творческому человеку изначально должна быть присуща широта восприятия. Вспомним, ведь такие живописцы, как Матисс и Пикассо, владели многими направлениями в искусстве. И это только обогащало их. Наши Владимир Лебедев, Павел Кузнецов, Николай Чернышев — тоже яркие тому примеры.

Мне кажется, что мы сами где-то в 30-х годах начали отказываться от того разнообразия, которое создавалось русской и советской живописью с начала века и в 20-х годах, отказываться ради тенденциозности, дурного понимания «избранности».

— Наша Государственная галерея стала, по меткому выражению одного критика, национальным кладбищем картин...

— Да, положение дел в запасниках печальное. Сегодня, наконец, наступило время, когда нужно во всем объеме показать народу его национальное богатство. И участвовать в этом процессе возрождения должен и МОСХ. Хочется, чтобы мы могли радоваться не только тому, что в Москву прибыла выставка испанца Сальвадора Дали, но и собственной культуре. Выставки наших лучших художников должны ездить не только (как у нас принято) в Париж, Лондон или Нью-Йорк, но в первую очередь по родной стране.

Московские художники сталинского времени оказались ненамного счастливее своих собратьев — писателей и композиторов. Сколько унижений испытали они в годы культа и ждановских постановлений! Стеной молчания были огорожены многие мастера кисти. Знаменателен случай, когда Дейнека выкупил у сторожа на складе за рубль свою картину, выброшенную из запасника. Это был «Сбитый ас» — одна из лучших работ военного времени. Произведения Кандинского, Малевича, Татлина, художников «Бубнового валета», ОСТа годами оставались скрытыми от зрителя, уходили за границу.

— А что вы считаете для себя первоочередной задачей?

— Создание музея московского искусства, который мог бы вобрать в себя все лучшее, что было создано художниками столицы. Это был бы большой нравственный акт по отношению к памяти многих наших коллег, при жизни не дождавшихся признания.

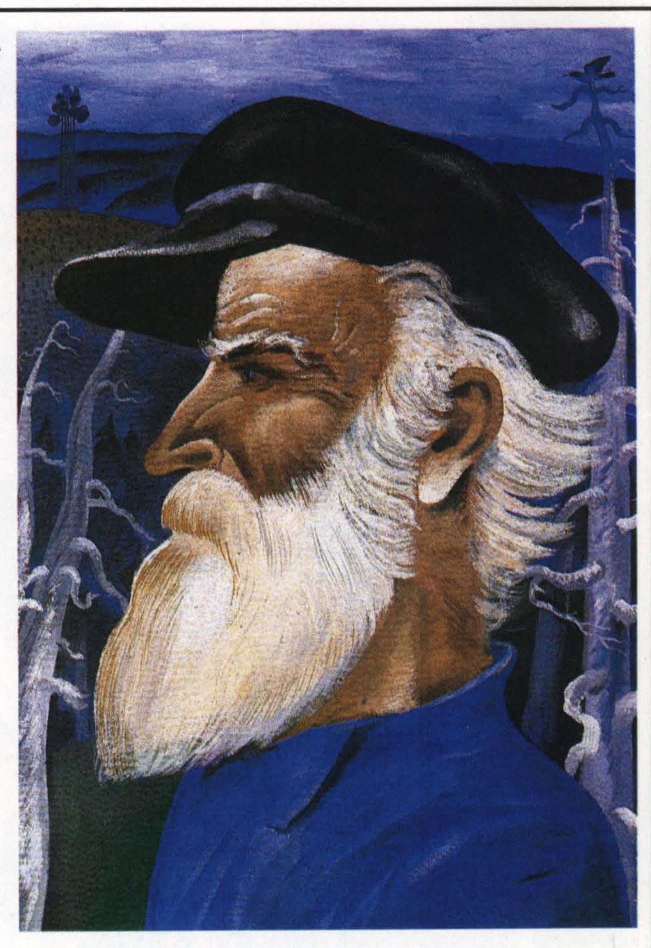
Сегодня московские художники активны как никогда. Вы посмотрите, сколько в последнее время проходит выставок в самых разных уголках Москвы, где художники разнообразных направлений экспонируют все то, что годами пылилось в мастерских. Мы теснее стали контактировать с архитекторами, пытаясь совместными усилиями изменить облик нашего города.

Начинаем практику экспозиций без жюри. То есть без ненужных посредников и чиновничьей волокиты.

— Олег Михайлович, а как вы отнеслись к нашумевшей 17-й молодежной выставке?

— Мое отношение к выставке однозначно, я был одним из ее организаторов. Эта выставка, я считаю, как бы

ФОМА ЕВДОКИМОВИЧ. 1982.

КАШИРСКИЕ ДАЛИ. 1986.

расстегнула воротничок на плотно скроенном по чужим меркам костюме, который был надет на молодых. Мне было приятно услышать мнение о ней человека со стороны — художника из США Филиппа Ризбека — профессора Денверского университета: «Поражен той степенью свободы, которая царила на Кузнецком. Для меня это была не столько выставка, сколько продолжение споров о путях перестройки, о которой я читал в американской прессе».

Как продолжение 17-й молодежной недавно экспонировалась выставка «Лабиринт» — во Дворце молодежи на Фрунзенской. Хотелось бы отметить талантливое экспозиционное чутье искусствоведов Елены Курляндской, Виталия Пацукова и художника Александра Захарова — главных идеологов этой позитивной акции.

Могу сказать, что многое на этом праздничном вернисаже даже для меня явилось откровением. Однако тревожит тот факт, что выставка вызвала волну недоумения и излишней боязни (опять!) у чиновников от культуры, которые до сих пор так и не смогли перестроить свое мышление.

В день открытия вернисажа выставку вдруг «запретили». За дверьми оказались многочисленные гости (в том числе и зарубежные), администрация нового Дворца молодежи повела себя не лучшим образом.

— Олег Михайлович, для художников, к сожалению, слишком часто, чаще, чем хотелось бы, являются неразрешимыми так называемые бытовые проблемы. Как собирается решать их МОСХ?

— Многоступенчатая бюрократическая система до сих пор не дает нам возможности оперативно решать социально-бытовые вопросы. Сейчас возникла идея слить Художественный фонд и МОСХ. Нам кажется, что это поможет решить многое: установить нормы заработка, авторского гонорара. Разобраться с запутанной проблемой мастерских. В Москве две с половиной тысячи членов СХ СССР практически лишены рабочего места. Можно ли предположить, что бухгалтер или фрезеровщик трудится у себя дома? Для разрешения вопроса о мастерских нужна активная консолидация сил не только внутри творческого союза, но и взаимопонимание с Моссоветом и другими соответствующими организациями. К сожалению, сегодня к художнику в мастерскую может буквально с улицы «влететь» дворник, техник-смотритель или пожарник и в зависимости от своего настроения угрожать расторжением договора. Положение усугубляется еще и тем, что через 5 лет исполком может продлить договор, а может и выставить художника в никуда.

Судьба художника не должна зависеть от настроения того или иного исполкомовского служащего. Нужен юридически грамотный документ, узаконивающий права художника.

— Как же вам удается, столь насыщенно занимаясь административной, да еще и преподавательской деятельностью, находить время для творчества?

— Это для меня сейчас самое сложное. Все-таки главное в жизни для меня — творчество, а времени на него остается слишком мало. Выкручиваюсь как могу. Все свободное время, до минуты,— для него. Занимался плакатом, сейчас как бы возвращаюсь на круг первый — к живописи и портрету. Удалось пожить на Оке. Пишу Подмосковье. Другая моя любовь — Карелия. Когда оказался в Финляндии, увидел: и это — близкое. Там я стал работать акварелью. Мне довелось объездить эту удивительную страну, сделать сотни зарисовок и этюдов. Да, времени не хватает, и потому часы работы в мастерской кажутся мне бесценными. Но я счастлив своей судьбой.

Беседу вел Олег ТУРКОВ.
Фото Льва МЕЛИХОВА

Владимир ЛИСТОВСКИЙ

ИСТОРИЯ ЭТА ВНАЧАЛЕ НАПОМИНАЛА ДЕТЕКТИВ, В СЕРЕДИНЕ ОБЕРНУЛАСЬ ТРАГИФАРСОМ, А В КОНЦЕ... ВСЕ ДЕЛО В ТОМ, ЧТО КОНЦА МОЕЙ ИСТОРИИ НЕ ПРЕДВИДИТСЯ, И ПОТОМУ Я НЕ СПЕШУ С ОБОЗНАЧЕНИЕМ ЖАНРА РАЗВЯЗКИ.

●

НАПРОКАТ БЕЗ ОТДАЧИ

...16 ноября 1985 года неизвестным лицом в одном из пунктов проката г. Москвы был получен сроком на один месяц телевизор «Сапфир» 401-1. Не бог весть какое событие, но с одним интригующим обстоятельством: телевизор был получен на мое имя. Перед служащей неизвестный субъект положил мой украденный паспорт и расписался в получении. Мои инициалы в квитанции были указаны точно, а место работы вымышлено. Клиент мог не утруждать себя доподлинным знанием моей профессии. Главное — паспорт с московской пропиской, а остальное дело техники. Постойте, скажет дотошный читатель. В паспорте есть фотография владельца и его личная подпись — по ним работники проката должны удостовериться, кто есть кто. Дело как раз в том, что в большинстве случаев не сличают. Положа руку на сердце признаемся: всегда ли, находясь на государственной службе, мы утруждаем себя подобными «мелочами»?

Спустя месяц гражданин Н. (в дальнейшем для краткости будем именовать его так) в пункт проката не явился, телевизор не вернул... Естественно, соблазнившись один раз, не воспротивишься соблазну считать столь легко доставшуюся вещь своей собственностью. Гражданин Н. украсил свой быт, а ваш покорный слуга также наслаждался жизнью, еще не подозревая, чем она ему грозит.

За это время, уплатив в качестве штрафа 10 рублей за утерю паспорта и выслушав рекомендации начальника паспортного стола впредь быть внимательнее, по семейным обстоятельствам я поменял домашний адрес. Только спустя полгода, в 1986 году, в пункте проката забили тревогу. Видимо, решив, что имеют дело с зарвавшимся мошенником (я не реагировал на напоминания о возврате вещи), юридический отдел Мосгорбытпроката обратился в народный суд. Так появилось на свет дело под номером 2-2139. Меня вызвали повесткой, я не явился, и суд в мое отсутствие вынес скорое решение — взыскать с меня стоимость телевизора «Сапфир» (165 рублей, а также пени и стоимость проката за полугодие — с ноября 1985-го по апрель 1986-го). Иск вырос до суммы 387 рублей 82 копейки. Степень моего изумления, когда я наконец узнал об этом в бухгалтерии по месту работы, была безграничной.

Поспешив в суд и предъявив новый паспорт и справку об утере, заблаговременно полученную мной, я услышал в ответ сакраментальную фразу судьи: где вы были раньше? Внятно растолковать сложившуюся житейскую ситуацию я не смог. Пришлось обратиться в Мосгорсуд с просьбой об отмене принятого решения. Не буду описывать все перипетии борьбы. Скажу только, что спустя год, уже в апреле 1987 года, я наконец сумел убедить народного судью в том, что моя репутация вне подозрений. Заметим, мне потребовалось два года, чтобы выскользнуть из жерновов судебной машины и отстоять свой бюджет. К тому времени я напал на след предполагаемого похитителя. Спустя еще год юридический отдел Мосгорбытпроката направил дела в Куйбышевский РОВД с целью привлечения к ответственности подозреваемого лица. Так я узнал еще одну горькую истину: в том, чтобы государству был возмещен ущерб в круглую сумму, был заинтересован только я, а не прокат. В конце концов мне стало обидно за себя и за державу, и я отправился в организацию, с которой три года находился в состоянии войны. Более всего меня занимал вопрос: верно ли, что любая темная личность может дать генеральное сражение большой организации с немалыми шансами на выигрыш?

Старший юрисконсульт Б. Борискин моих сомнений не развеял. В его кабинете стол завален исполнительными листами о взыскании штрафов с должников. За 1987 год его отдел направил в 32 нарсуда г. Москвы 5532 иска о взыскании немалых сумм с жульничающих клиентов. Из них в результате написания грозных предупреждений до суда клиентами, страдающими особой формой социального склероза, возвращено 1019 предметов проката на сумму 88 588 рублей. Остальные затаились, ушли в тень, не спешат являться к судейскому барьеру. Общая сумма дебеторской задолженности Мосгорбытпроката устрашает. На 1 января 1988 года она составляет 1 миллион 422 тысячи 600 рублей! Мысленно я прикинул, во сколько же раз эта сумма увеличится в масштабе всей необъятной страны?

Это уже не просто грустная статистика, где цифры бьют наотмашь. Это — зеркальное отражение нравов. Я стал изучать ситуацию. И вот что узнал. Меры, предпринимаемые прокатчиками для улучшения дел, дают относительно скромные результаты. Клиенты ныне в бланке квитанции ставят не только подпись, но и указывают фамилию, имя, отчество для облегчения графологической экспертизы в случае судебного преследования. Работников проката на местах при приеме на работу тщательно инструктируют, взывают к бдительности, предупреждают о различных паспортных ухищрениях, к которым прибегают ловкачи. Но все идет по-прежнему. Судите сами: в 1985 году задолженность составляла 1 миллион 224 тысячи 700 рублей, за 1986 год — 1 миллион 363 тысячи 400 рублей. А сумма 1987 года названа мною выше. В среднем, как видите, долг стабильно растет на 100 тысяч рублей в год.

В каждом пункте проката есть книга учета наиболее заметных мастеров преступного промысла. В объединении итоговый гроссбух стремительно распухает с каждым годом. В негласной табели о рангах есть свои рекордсмены. Мне показали два нашумевших дела, сравнительно недавних. В 1981 году некий Аваков (судим под этой фамилией) получил 23 цветных телевизора в различных пунктах проката г. Москвы на сумму 16 400 рублей. Осужден на 11 лет по совокупности преступлений, слушание дела растянулось на 11 дней. На сегодня с него взыскана лишь мизерная часть — в размере ста с лишним рублей. Недосягаемым выглядит бывший главный инженер одного из московских предприятий Кудишин. Побывав в двадцати пунктах проката, представительный мошенник приобрел дорогостоящих предметов на сумму 53 тысячи рублей. В 1984 году осужден на 10 лет. С него взыскано на сегодня лишь 10 тысяч рублей.

Может, требовать справки с места работы и учебы, чтобы остановить разгул жульничества? Директор объединения П. Илюхин ответил: введение такого правила отпугнет клиентов. Что ж, вполне вероятно. К тому же в бланках-квитанциях, заполняемых жуликами, фигурируют вымышленные места работы. Действительно, чтобы получить 20—30 предметов, кроме своего или поддельного паспорта, необходимо еще иметь 20—30 поддельных справок с места работы. Ясно одно — введение подобного пункта значительно упростило бы проблему.

Помимо матерых профессионалов, немалую угрозу для служб проката таят студенческие и рабочие общежития. Проживающему в них облегчен доступ к паспортам своих соседей. Даже если кто-то из лихих студентов или лимитчиков предъявит свой паспорт и получит дорогостоящую вещь на свое имя, у него немало возможностей умыкнуть ее. Не сладилась учеба или работа, бери вещь под мышку и спокойно покидай столицу. Или загоняй по сходной цене ничего не подозревающим собратьям. Отсюда обширная география поисков — от Москвы до самых до окраин. Пока раскрутится громоздкий маховик юридической машины, много утечет воды. Безнаказанность, уверенность, что все сойдет с рук, притягивают ловчил, как магнитом. Закон попустительствует. Статья 93 УК РСФСР затянута дымкой тумана. В большинстве случаев хищений следственные органы не возбуждают уголовных дел, а по возбужденным делам не принимаются предусмотренные законом меры. К сожалению, таких случаев пруд пруди как в Москве, так и в других регионах республики. Клиент, пойманный за руку, отделывается легким испугом, уплатив в казну штраф и стоимость предмета.

Выходит, поговорка «Клиент всегда прав» отнюдь не всегда справедлива.

Анатолий РЫБАКОВ

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ И ДРУГИЕ ГОДЫ

Главы из романа

3

После заседания в Колонном зале Сталин, не заезжая в Кремль, уехал в Кунцево на свою новую дачу. В прошлом году ее построил Мержанов — легкое одноэтажное строение среди сада и леса. Во всю крышу солярий. ОН соляpием не пользовался, но пусть будет, не понравится — построят второй этаж. Крытой галереей дача соединялась со зданием обслуги.

Сталин впервые приехал в готовый и ожидающий его дом.

Покончено, наконец, с Зубаловом, с этим гадюшником, где обосновалась его так называемая родня: старики Аллилуевы, не прощавшие ему смерти Нади, их сыночек Павел — он-то и подарил Наде пистолет, из которого она застрелилась, Аня — Надина сестрица, толстая, неряшливая дура, влюбленная в своего муженька Реденса, а тот, красавчик, спит с кем попало — грубый, заносчивый, высокомерный поляк.

Не выносил ОН и семейку Сванидзе — родственников своей первой жены Екатерины. Да и ее он не любил: молчаливая, покорная, ограниченная богомольная женщина, во всем ему чуждая. Надеялась, что он бросит революцию и станет попом — ничего не понимала. Таким же ее сестрица воспитала и Яшу — его сына: молчаливым, чуждым ему подростком. И вот Яшу, которого он никогда толком в общем-то не видел и не знал, его шурин Алеша Сванидзе перевозит в Москву.

Зачем привез?! Учиться, видите ли! В Тифлисе нет высших учебных заведений? Нет, не для этого он его привез. Привез для того, чтобы подчеркнуть, что ОН не интересуется судьбой сына, не заботится о его образовании. И потому об этом приходится заботиться его дяде, Алеше Сванидзе.

Ведь у НЕГО новая семья. Зачем же вводить в семью пасынка? Чужого, нелюбимого, плохо говорящего по-русски? Что это, как не стремление внести разлад в его семью, разрушить его семью, иметь своего человека в его доме? Все точно рассчитал: Надя ведь была деликатная, если Яшу отошлют обратно, то люди подумают, что это она его не приняла, для нее главное: что люди скажут!

Такой сюрприз преподнес ему дорогой шурин Алеша Сванидзе. И не единственный сюрприз. Своего собственного сына назвал ДЖОНРИД. А?! Какое имя придумал! В 1929 году! Грузинское имя? Русское? Нет, не русское, не грузинское. Джон — понятно. Есть такое английское имя. Рид? Тоже, может быть, есть. Но Джон Рид — это имя и фамилия вместе. Имя и фамилия того самого Джона Рида, который написал лживую книжонку, извращающую историю Октябрьского Восстания, книжонку, где превозносится Троцкий и ни разу не упоминается ОН, Сталин. Эта книжонка изъята из библиотек, за ее хранение люди получают пять лет лагерей. А его шурин Алеша Сванидзе назвал этим именем собственного сына. Не знает, кто такой Джон Рид? Хорошо знает. Интеллигент. Образованный. Учился не в Тифлисской семинарии, а в Германии, в Йене. Знает и европейские языки, и восточные, полиглот вроде Менжинского, так что все понимает и назвал своего сына только в пику ЕМУ.

В жены взял оперную певицу, Марию Анисимовну, неважная, видно, певица, если ушла из оперы, чтобы жить с мужем в Берлине при торгпредстве. Привозила Наде из-за границы всякое барахло, ЕГО жене прививала вкус к заграничным тряпкам, разлагала ее морально и политически. Все делают нарочно, злобные, завистливые люди. Но боятся. Играя на бильярде, Алеша всегда ЕМУ проигрывает, а потом объясняет друзьям: «Я выиграю, а он за это другим голову снимет».

Так этот дорогой Алеша Сванидзе говорит за его спиной, так он публично издевается над ним!

И почему такая нежная дружба между Аллилуевыми и Сванидзе? Казалось, они должны были бы ненавидеть друг друга: родственники первой жены и родственники второй. Разве могут Аллилуевы любить Яшу? Или Сванидзе любить Васю и Светлану? Их объединяет общая ненависть к НЕМУ. Вот что их объединяет.

Теперь все! Его ноги больше не будет в Зубалове. Пусть живут там без него, пусть грызутся между собой. Им надо кого-то кусать, пусть кусают друг друга.

Сталин бродил по саду под теплым, весенним, майским солнцем, любовался цветами. Одни стояли еще в бутонах, другие расцвели. Земля должна не только плодоносить, не только давать плоды, но и радовать глаз. Сталину понравился ухоженный сад, чистые дорожки, аккуратные беседки, открытые площадки, на площадке столик, плетеная лежанка, шезлонг.

Тихо, спокойно. Это не Зубалово, с его суетней, толкотней, сплетнями, ссорами. Особенно теща — Ольга Евгеньевна, сварливая старуха, вечно ругалась с обслугой, с «казенными людьми», как она их называла, упрекала за бесхозяйственность, за трату государственных средств, обвиняла их чуть ли не в воровстве, бранила комендантов, поваров, подавальщиц. И это при НЕМ, при НЕМ, люди могли подумать, что ОН поощряет такое обращение с обслуживающим персоналом.

Персонал ее не любил, называл за глаза «блажной старухой», и она действительно была блажной, то кричала, шумела, то вдруг начинала изливаться в любви, лила то слезы горя, то слезы радости, то критиковала, как воспитывают детей, и, главное, главное, шумела невыносимо.

Ее отец был наполовину украинец, наполовину грузин, а мать — немка, Магдалина Айхгольц, из немецких колонистов. Теща говорила с грузинским акцентом, вставляла грузинские слова: «Ваиме, швило, генацвали, чириме». И тут же немецкое: «Майн готт». Это «Майн готт» особенно раздражало его, особенно било по нервам.

Старик Аллилуев, Сергей Яковлевич,— старый идиот! Завел в Зубалове верстак. Инструменты, железки какие-то, точит, строгает, паяет, чинит замки и у себя, и на соседних дачах. Этакий истинный пролетарий, «рабочие руки», «золотые руки».

ОН приезжает на дачу, а тут является какая-то девчонка и просит Сергея Яковлевича прийти починить замок.

А?! Каково?!

ОН сидит на веранде, а у него соседская девчонка спрашивает: «Где Сергей Яковлевич?» «Зачем тебе Сергей Яковлевич?» «Замок починить». ЕГО дачу превратили в слесарную мастерскую! И не переубедишь. Физический труд, видите ли, облагораживает. Из марксистов-идеалистов. Из общества старых большевиков. Заседает с ними, разглагольствует, как и они. Мемуары пишет. Полдня чужие замки чинит, полдня мемуары пишет.

Что такое общество старых большевиков? Богадельня! Во время январского процесса Зиновьева — Каменева возмущались, пытались даже какие-то решения принимать. Особенно усердствовал Ваня Будягин. Нельзя судить старых большевиков. А почему нельзя? Почему дорогой Ваня не возмущался, когда высылали за границу Троцкого, когда посадили в тюрьму Смирнова Ивана Никитича, Смилгу, Раковского и других троцкистов? Когда отправляли в ссылку тех же Зиновьева и Каменева? А вот по Кировскому делу запротестовал. Почему именно по Кировскому? Ведь личный друг Кирова, казалось бы, наоборот, должен быть беспощадным, а он против суда над его убийцами и их вдохновителями. Что-то знает? О чем-то догадывается? Подбивал других протестовать, письма писать, принимать решения. Побоялись.

Осиное гнездо! Какую пользу приносят? Почему отделяются от партии? Хотят создать особое положение для так называемых «старых большевиков», хотят представить себя единственными представителями большевистских традиций, блюстителями ленинского наследства, хотят стать высшим партийным судом, «совестью» партии. Охранителями ее единства. От кого охраняют? Они не партию, они себя охраняют — все они на три четверти бывшие троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы, уклонисты и оппозиционеры всех мастей.

Так называемые «старые большевики» убеждены, что их сила в сплоченности, единстве, монолитности, круговой поруке. Ошибаются: именно в этом их слабость. Связи, которые они называют деловыми, рабочими, партийными, дружескими, окажутся связями преступными — достаточно показаний одного, чтобы заподозрить многих, достаточно показаний многих, чтобы виновными стали все.

Теперь помалкивают.

Молчание тоже форма протеста.

Что издают в своем издательстве? Сборник «Старый большевик», бюллетени. Что они там пишут? Создают свою историю. Не историю, нужную партии, а историю, нужную им самим, в которой прежде всего нет места товарищу Сталину. Это, видите ли, личные воспоминания, мемуары.

Партии не нужны такие мемуары, такие воспоминания. Любые мемуары искажают историю: мемуары написаны человеком, знающим только то, в чем он сам участвовал, то есть знающим только частное, а не общее. Недостаток общих знаний заставляет мемуаристов фантазировать, а следовательно, опять же искажать события. Эти недостатки мемуарной литературы делают ее вредной для освещения истории партии.

Чем же еще занимаются эти так называемые «старые большевики»?

Ссорятся, меряются своими заслугами, обвиняют друг друга в сотрудничестве с царской охранкой и тем только компрометируют звание старого большевика. Приходится разбирать их склоки, их ссоры — КПК только этим и занимается. Разве у товарища Емельяна Ярославского нет другой работы, как разбирать их склоки?

Кстати, товарищ Емельян Ярославский — председатель этого общества. Конечно, почетно быть председателем общества старых большевиков, но товарищу Емельяну Ярославскому следовало бы подумать: кому это общество нужно? Кому и чему оно служит?

Между прочим, дорогой товарищ Емельян еще и староста общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Конечно, это тоже почетно, тем более Емельян Ярославский родился в Чите, в семье ссыльнопоселенцев. Но опять же товарищу Емельяну следовало бы подумать: кому это общество нужно? Тоже богадельня, но уже для меньшевиков, эсеров, анархистов и просто бывших уголовников, выдающих себя за политических. Издают журнал «Каторга и ссылка», кого они там печатают? Чьи имена упоминают? Имеют чуть ли не пятьдесят филиалов по Союзу — что там за люди? Для чего эта организация? Чуждые люди, потенциальные враги Советской власти.

Пусть над этим задумается товарищ Ярославский сам, сам пусть внесет в ЦК предложение о ликвидации и общества старых большевиков, и общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Кто потом сможет сказать, что товарищ Сталин избавляется от старых большевиков? Никто не сможет сказать...

Продолжение. См. «Огонек» № 30.

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

Ярославский — умный человек, знает, как все сделать. Они с ним почти одногодки, оба вступили в партию в 1898 году, оба были за границей на конференции большевиков в Таммерфорсе в 1905 году, на IV и V съездах РСДРП в 1906 и 1907 годах. Там Ярославский произвел на НЕГО хорошее впечатление: спокойный человек, революционер-практик. После революции они встречались на съездах, ОН чувствовал, что Ярославский симпатизирует ЕМУ. Ненавидит Троцкого, всю жизнь ненавидит. Поэтому ОН и выдвинул Ярославского в 1923 году на должность члена президиума и секретаря ЦКК. Хорошо работает в КПК, безжалостен ко всем оппозиционерам и уклонистам. В отличие от Орджоникидзе отказался гуртом восстановить в партии капитулировавших оппозиционеров. Орджоникидзе разыгрывал тогда из себя простачка. Но ОН хорошо понимал, что за этим стоит. И Ярославский понял. Молодец! В июле двадцать восьмого года на Пленуме ЦК хорошо одернул Крупскую: «Дошла до того, чтобы позволить себе к больному Ленину прийти со своими жалобами на то, что Сталин ее обидел. Позор! Нельзя личные отношения примешивать к политике по таким большим вопросам».

Хорошо сказал. Не только одернул Крупскую, но и внес ясность, нужную ясность во весь тот злосчастный эпизод, показал истинную виновницу, подчеркнул ЕГО, товарища Сталина, благородство, принесшего свои извинения, принявшего все на себя, чтобы успокоить больного Ленина. Молодец!

В партии Ярославский пользуется авторитетом, на первые роли не претендует. В эмиграции не был, коренной российский практик-большевик. Отдельные такие имена надо сохранить в партии. Гимназий и университетов не кончал, но образован, как всякий революционер-самоучка, пописывает очерки по истории партии, понимает, как надо освещать в истории роль истинного руководителя, не до конца понимал, пришлось немного поправить его в 1931 году, вежливо поправить. «Исключения не составляет здесь, к сожалению, и т. Ярославский, книжки которого по истории ВКП(б), несмотря на их достоинства, содер-

жат ряд ошибок принципиального и исторического характера». Не обиделся. Все понял. И с этими богадельнями тоже все поймет. Общество старых большевиков будет ликвидировано, зато старый большевик Емельян Ярославский останется.

Начало свежеть, и Сталин вошел в дом.

Заднюю большую комнату он велел обставить так, чтобы она могла служить ему и кабинетом, и спальней, даже столовой, когда в доме не бывало гостей. Только бездельники любят слоняться из комнаты в комнату, а занятой человек все должен иметь под рукой.

У дивана, на котором он спал, стоял столик с телефонами, у противоположной стены — буфет с посудой, там же в одном из ящиков лежали нужные лекарства. Письменный стол Сталин ставить не разрешил: письменный стол придал бы комнате казенный вид, а здесь не присутствие, здесь жилой дом. Да и работать он мог за большим столом, где лежали бумаги, газеты, журналы, здесь же, на краю, стелили и скатерть, когда приносили обед, завтрак или ужин.

Так и сейчас, когда он вошел, накрывала на стол зубаловская экономка Валечка, веселая, молодая, миловидная женщина.

— Здравствуйте, Иосиф Виссарионович, я вам ужин принесла.

Она, как всегда, смотрела на него с обожанием и преданностью.

— Спасибо,— ответил Сталин.

А ведь он приказал Власику ни одного человека из зубаловской обслуги в Кунцево не брать.

Валечка накрыла все салфеткой.

— Через полчаса заберете,— сказал Сталин.

— Ладненько! Будет сделано.

Валечка вышла.

Сталин поужинал. Ел он мало. Отщипнул кусок хлеба, чуть смазал маслом, выпил рюмку сухого вина, полчашки слабого чая. Посмотрел газеты.

Ровно через полчаса явилась Валечка.

— Поели, Иосиф Виссарионович?

И по-прежнему смотрела на него весело и преданно, счастливая возможностью ему услужить, ловкая, простая женщина.

— Да, спасибо.

Валечка собрала все со стола, поставила на поднос, улыбнулась Сталину, пошла к двери, держа поднос в руке.

— Пусть ко мне зайдет Власик! — приказал Сталин.

— Ладненько! Будет сделано.

Сталин дочитал газету, встал, прошелся по комнате.

На полу лежал ковер, другой висел над диваном. Эти два ковра да еще камин — вот и вся роскошь, которую он себе позволил.

Дверь открылась, на пороге стоял Власик, стоял по стойке «смирно», по-солдатски выпучив глаза на Сталина.

Сталин посмотрел на него так, как только он один умел смотреть.

Власик стоял ни жив ни мертв.

Сталин снова прошелся по комнате, вернулся, стал перед Власиком.

— Я вам приказал ни одного человека из зубаловской обслуги сюда не переводить.

— Так точно, товарищ Сталин, приказывали.

— Почему нарушили?

— Никого не перевели, товарищ Сталин, кроме товарищ Истоминой Валентины Васильевны.

— Почему без моего разрешения?

— Вас как раз не было, товарищ Сталин. Мы, значит, собрались, обсудили и решили перевести только товарищ Истомину Валентину Васильевну, поскольку она, то есть Истомина Валентина Васильевна, знает, как подать, как унесть... Человек проверенный.

— С кем вы собрались, обсудили и решили?

— С товарищем Паукером.

Сталин отвернулся, подошел к застекленной двери, выходящей на террасу, поглядел на сад.

— Большое собрание... И долго обсуждали?

— Да...— начал Власик и умолк.

Сталин отошел от двери, переставил чернильницу на столе.

— Я спрашиваю, сколько времени вы это обсуждали — час, два, три?

— Час,— едва слышно проговорил Власик, забыв добавить «товарищ Сталин».

Теперь Сталин смотрел на Власика в упор:

— Вы добрый, значит, перевели Истомину сюда, а я, значит, злой, должен прогнать ее отсюда?!

Власик молчал.

— Я должен ее прогнать? — переспросил Сталин.

— Что вы,— забормотал Власик,— товарищ Сталин, мы это моментально...

— Моментально?! — Сталин наконец взорвался.— Болван! Из-за болвана я должен человека прогонять?! Я лучше тебя, дурака, прогоню!.. «Собрались, обсудили и решили...» Идиоты!

Сталин снова отошел к застекленной двери террасы, не оборачиваясь, проговорил:

— Идите!

В эту ночь Николай Сергеевич Власик, грубый, невежественный солдафон, впервые в жизни пожаловался на сердце. А ничего не подозревавшая Валечка проработала в Кунцеве до самой смерти Сталина.

С западной террасы, которая примыкала к комнате, был выход в сад. Последние лучи солнца пробивались сквозь кусты сирени. Сталин накинул на плечи шинель, снова вышел на террасу, присел в кресло.

Давно надо было уехать из Зубалова. Кремлевскую квартиру он переменил после смерти Нади, а с переездом на дачу задержался, напрасно задержался — пока строилась эта «Ближняя», можно было пожить на другой даче, ездить на любую из «Дальних». Только не в Зубалово.

Раньше, при Наде, он еще терпел эту родню, но после ее смерти все там напоминало о ней. И они напоминали о ней. И во взгляде стариков все время чувствовался укор.

И зачем она это сделала?

Говорят, у него трудный характер.

А у кого из великих легкий характер?

С легким характером великих не бывает. Настоящий характер — всегда трудный характер.

Видела, какую титаническую борьбу он ведет, видела, как на него нападают, клевещут, плетут интриги, или не понимала, какое государство он получил в наследство и какое государство он должен создать?! Не хотела понимать! Как была петербургской гимназисткой, так и осталась гимназисткой из мещанской семьи.

Истинная аристократка себе такого бы не позволила. Не случайно государи женятся только на женщинах царских кровей, те с молоком матери впитывают в себя понимание того, что интересы династий выше всего.

Даже дочери оскудевших немецких баронов это понимали. Всё прощали своим царственным мужьям — и измены, и жестокость, понимали, что такое царствовать. Екатерина Первая была простой прислугой — какая она царица? Меншиков ею управлял, как хотел. А Екатерина Вторая, хоть и из мелкого княжеского рода, сама всеми управляла.

Покончить с собой! Жена какого царя позволила бы себе такое? Нигде и никогда этого не бывало. Понимали, что такое царствование! Не смели бросать тень на царственного супруга. Даже в заточении, даже в монастыре не кончали с собой.

Ну, хорошо, не было в ней царственности, не понимала ЕГО значения, считала ЕГО одним из руководителей, привыкла видеть в Кремле таких «руководителей», не понимала ЕГО роли, не понимала своей роли. К тому же наслушалась всякой чепухи в своей Академии, понадобилась ей эта Академия — факультет искусственного волокна! А! Очень нужно ей искусственное волокно! Авель, подлец, уговорил. Наслушалась там оппозиторов. Как она смела их слушать?! Она не смела их слушать! Она должна была прекратить всякие разговоры! Она должна была вести себя так, чтобы с ней даже не смели говорить о НЕМ, а она, наоборот, повела себя так, что с ней смели говорить о НЕМ.

И она слушала.

Самолюбивая, властная, хотела всем управлять, а оказалось, что ИМ управлять нельзя, ОН сам должен управлять. Сопротивлялась ЕМУ, ОН хорошо видел; молчит, а сама против каждого ЕГО слова. Женщина! Не умеешь быть женой, так будь хоть матерью. На кого бросаешь своих детей? Василий, ладно, мальчик, вырастет, а Светланка — шесть лет девочке, шесть лет,— на кого ее бросила?! На ЕГО плечи переложила?

Учителя в школе жалуются на Василия — плохо учится, дурно ведет себя. ОН сам ездил в школу объясняться. САМ — пусть народ знает, что свои отцовские обязанности он выполняет, как обыкновенный советский человек. Но ведь эти обязанности должна выполнять мать. Ушла от своих обязанностей, дезертировала, отомстила ему — за что? В театр с ней не пошел? Занят был, вот и не пошел.

А ведь любил ее. Помнит день, когда увидел ее совсем маленькой, трехлетней девочкой. После побега из Уфы он пришел к Аллилуевым и внимания не обратил на нее, а вот помнит тот день в Тифлисе... Не заметил, а помнит.

Заметил ее уже в 1912 году, когда с Силой Тодрия пришел к Аллилуевым в Петербурге на Сампсониевский проспект. Он увидел красивую одиннадцатилетнюю девочку, на вид ей можно было дать лет тринадцать. По грузинским обычаям — невеста. Серьезная, замкнутая, малоразговорчивая в отличие от сестры своей Ани.

Он стал часто бывать у Аллилуевых, иногда ночевал в маленькой комнатке за кухней, спал на узкой железной кровати.

В феврале, на масленицу, они катались на санках, на низких финских саночках — «вейках», как их тогда называли, украшенных разноцветными лентами, звенящими колокольчиками и бубенцами, с запряженными в них коренастыми лошадками с заплетенными гривами. Аня, здоровая уже девица, визжала, когда подскакивали на сугробах, манерничала, а Надя сидела спокойно, неразговорчивая, прелестная девочка в круглой меховой шапочке, шубке и ботинках на стройных ножках.

И, наконец, март, весна 1917 года... Он приехал в Петербург и сразу отправился на Выборгскую, но оказалось, что Аллилуевы переехали, живут вблизи Торнтоновской фабрики, пришлось добираться туда паровичком. Застал дома только Аню. Надя была на уроке музыки.

Кого ОН ждал тогда? Стариков Аллилуевых ждал, конечно, к ним приехал. А ведь на самом деле ждал, когда придет эта девочка. Пришел сам Аллилуев, они сидели с ним на кухне за самоваром, и вдруг в дверях кухни появилась Надя. В такой же шапочке и шубке, но высокая, стройная шестнадцатилетняя красивая девушка, похожая на отца, Сергея Яковлевича, а у того бабка была цыганкой, и у Нади большие черные глаза, смуглая кожа, ослепительно белые зубы.

Она сняла пальто, осталась в гимназической форме, помогала накрывать на стол, исподлобья поглядывая на НЕГО. И, когда сидели за столом, так же молча, внимательно и серьезно слушала разговор, слушала, что ОН рассказывает. И потому ОН не поддерживал политическую болтовню Сергея Яковлевича, а рассказывал о ссылке, о Сибири, о рыбной ловле, о том, как, живя со Свердловым, старался вне очереди ходить за почтой, чтобы увильнуть от работы по домашнему хозяйству. Смешно рассказывал.

Его уложили тогда спать на кушетку в столовой, там же на другой кушетке спал Аллилуев. За тонкой перегородкой спали Ольга Евгеньевна с Аней и Надей. Он слышал их смех, приглушенные голоса. Потом старик Аллилуев постучал кулаком в стену:

— Угомонитесь!.. Спать пора!

Помнится, ОН тогда громко сказал:

— Не тронь их, Сергей, молодежь, пусть смеется.

Он нарочно сказал «молодежь». Держался, как старший, как друг отца, но он на тринадцать лет младше Аллилуева, тогда ему было 38 лет, а Аллилуеву уже за пятьдесят. И он хотел, чтобы Надя сама бы отметила эту разницу, неправомерность того, что он держится с отцом, как сверстник, чтобы подумала: «Какой вы старик! Вы молодой!» Не сказала бы так, а только бы подумала.

Если бы сказала, было бы нехорошо, звучало бы комплиментом, утешением, Аня, дурочка, могла бы так сказать, а она — нет, не могла и не сказала. И он тогда это оценил — умная. И видел ее интерес к нему. Это не просто был интерес к революционеру-подпольщику, прошедшему тюрьмы и ссылки, такой интерес проявлялся всей молодежью. Ее интерес был особенный.

Утром опять все вместе пили в столовой чай. Надя была совсем уже знакомая, домашняя, пришла с улицы, принесла утренние газеты, положила на стол, как бы для всех, но ОН чувствовал: это знак внимания к НЕМУ.

Потом, помнится, в воскресенье, они ехали на крыше двухэтажного вагончика, ОН, Надя, Федя, Аня. Аллилуевы собирались переезжать с Невской заставы поближе к центру и послали сына и дочерей искать новую квартиру. И, как было решено, там будет комната и для НЕГО. Кажется, он тогда еще, смеясь, им напомнил:

— Обо мне не забудьте... И для меня снимите комнату... Не забудьте,— повторил он, выходя из вагончика, и погрозил пальцем.

И когда он погрозил пальцем, Надя первый раз улыбнулась. Это он хорошо помнит: именно тогда она первый раз улыбнулась, не его шутке, а именно ему улыбнулась.

Они сняли квартиру на 10-й Рождественке, в доме № 17а, хорошую квартиру на шестом этаже: просторная прихожая, большая комната — столовая, она же спальня Аллилуева и Феди, спальня Ольги Евгеньевны, Ани и Нади и в конце коридора обособленная комната для НЕГО.

В сущности, ОН стал членом их семьи. Почти каждый день видел Надю — его влекло к этой девочке, красивой, молчаливой, загадочной. И ее тянуло к нему — он это видел, понимал... Но он был занят революцией, впервые открыто, легально был занят революцией — она совершалась на его глазах, он был ее участником, работал в «Правде», часто ночевал в редакции, жизнь на ходу, на ногах.

Шла борьба, судьба его, судьба всего их движения — все было неясно. Может ли он сейчас связать жизнь этой девочки со своей судьбой, бурной и переменчивой?

И что движет этой девочкой? Он старше ее на

двадцать два года. На Кавказе это не помеха, на молоденьких женятся и более пожилые люди. И в ее возрасте часто увлекаются взрослыми мужчинами.

Но она, как и ее отец, революционная идеалистка, не смотрит ли она на него через романтические очки? А ведь семья — это не романтика, далеко не романтика. Он уже попробовал это один раз. Что получилось? Растет в Тифлисе сын, которого он не знает, которого он почти не видел. Была жена — тоже чужой ему человек. Семья для революционера — обуза. Тем более обуза сейчас, когда совершается революция. И революция не время для свадьбы. Все его товарищи женаты. Жены — их товарищи по партии. Не женщины. Нет!

Надя, конечно, им не чета. Это совсем другое. Но и время другое... Надо утвердить свое положение в партии. В первый же день возвращения из ссылки в Петроград, 12 марта (они вернулись втроем: ОН, Каменев и Муранов), в тот же день на Русском бюро ЦК решили: Муранова ввести в бюро, ЕГО, Сталина, только с совещательным голосом «ввиду некоторых его личных черт», Каменева принять в число сотрудников «Правды», статьи его печатать, но без подписи из-за его недостойного поведения на суде в 1914 году.

Глупо решили! Идиот Шляпников вообразил себя руководителем Русского бюро ЦК, а ведь ОН и Каменев — члены ЦК, и с гораздо большим стажем, чем Шляпников. На каком основании приняли такое решение?

На следующий же день ОН заставил это решение исправить. ЕГО ввели и в состав бюро с решающим голосом, и в состав редакции «Правды» вместе с Ольминским, Еремеевым, Калининым, Марией Ильиничной Ульяновой. С таким составом в «Правде» ОН оказался хозяином и через три дня — 15 марта — объявил новый состав редакции: Сталин, Каменев, Муранов...

Конечно, Ольминский, бедняга, протестовал. Но что толку в этих протестах? Приехав в Петербург 12 марта, ОН уже 15 марта им показал, КТО здесь истинный руководитель.

Правильной или неправильной была тогда позиция «Правды», а затем и газеты «Рабочий путь», которую он возглавил, правильной или неправильной была тогда его позиция по отношению к другим социалистическим партиям, к «Апрельским тезисам» Ленина, к «штрейкбрехерству» Зиновьева и Каменева — все это сейчас не имеет значения, но тогда это имело значение. В борьбе за руководящую роль в партии он маневрировал, это было неизбежно в тех условиях и дало результат: во время Октябрьской революции он стал одним из руководителей партии, членом Политбюро ЦК и членом первого Советского правительства.

Но тогда была борьба, была газета, было маневрирование, ОН не бегал, как другие, по митингам, не ораторствовал, ОН работал. И когда все определилось, ОН пошел с Лениным до конца, и никто ЕГО сейчас ни в чем упрекнуть не может.

В те дни ему было не до личных дел.

Он видел Надю в те редкие часы, когда появлялся на Рождественке, эта девочка волновала его, но было не до того... Он не имел времени даже подумать об этом.

За него подумала она.

Памятный июньский день... Он сидел в маленькой комнате редакции, писал что-то, в комнату входили люди, выходили, он не обращал внимания, кто входит, кто выходит, только раздражался — хлопают дверью, он всегда не любил этот звук. Но тут приходилось терпеть, и он терпел.

И только один раз он оглянулся, когда открылась дверь. Почему оглянулся?

В дверях стояла Надя. Ее он увидел. Потом увидел и Аню.

Был пустой разговор. Отчего так долго не появляется. Его комната ждет его. Все это пустое. Главное — она пришла к нему. Значит, хотела видеть его.

Аня сказала:

— Вы давно не приходили. Мы беспокоимся о вас...

А зачем беспокоиться? Нет оснований беспокоиться. Они дома каждое утро получают газеты, читают его статьи, знают: жив-здоров.

Надя пришла его повидать... Соскучилась. Вот это важно, это главное.

И тогда, когда он увидел ее, стоящую в дверях, высокую, стройную, красивую, он и решил, что эта девушка будет его женой.

С этого дня он стал чаще бывать дома, на Рождественке.

Аллилуевы заботились о нем, кормили, даже купили ему костюм. Больше всех хлопотала Аня, но истинной хозяйкой в доме была Надя, самая младшая.

Ольга Евгеньевна, Аня суетились, громко, на всю квартиру переговаривались, мешали ему своим криком. А Надя, в фартуке, со щеткой, тщательно убирала квартиру, ставила все на свое место, любила порядок, чистоту, и все молча, без суеты, без крика. Настоящая хозяйка!

Вечерами она играла на пианино, для себя играла, и, когда приходил ОН, переставала играть.

— Почему не играешь, зачем перестала? — спрашивал ОН.

— Отдыхайте,— отвечала она,— не буду вам мешать.

Она еще училась в гимназии, слыла там большевичкой, высмеивала в классе «душку Керенского», отказалась жертвовать деньги в пользу каких-то обиженных царских чиновников. Но все это ОН слышал не от нее, а от Ольги Евгеньевны.

Иногда вечерами все сидели дома за столом.

ОН просил Надю поиграть на пианино, она отказывалась, тогда ОН просил ее почитать Чехова. Он любил Чехова и любил, когда его читала Надя. Хорошо читала.

Аня тоже читала, но плохо, не могла удержаться от смеха, прерывала чтение, покатывалась с хохоту — ничего не разберешь... Надя читала, никогда сама не смеялась, а если смеялись слушатели, делала паузу и снова читала. Читала «Хамелеона», «Унтера Пришибеева», «Душечку» тоже читала, но, как казалось ЕМУ, без особого удовольствия.

Иногда к ней приходили подруги. Он слышал их молодые девичьи голоса... Потом они переходили на французский... Он злился, точно они говорят по-французски, чтобы что-то скрыть от него, выходил нахмуренный. Но то, что Надя знает французский, играет на фортепьяно, ее серьезность, сдержанность привлекали ЕГО.

Как-то он прилег на постель и проснулся от оклика:

— Иосиф!

Он открыл глаза.

В дверях стояла Надя... Он сразу почувствовал запах гари, тлело одеяло — он заснул с трубкой в руках.

Она открыла окно. Он вскочил, закатал одеяло. Потом вбежали Ольга Евгеньевна, Аня. Засуетились. Заохали. Надя улыбнулась ему, помахала рукой, вышла из комнаты.

Помнится, он привел в дом Камо, оставил его, а сам ушел. Камо их целый вечер развлекал своими рассказами... ОН знал: рассказы Камо касаются и ЕГО.

Через год, уже в восемнадцатом, он на ней женился. И сразу увез в Царицын. Но потом вернулся в Москву и больше в поездки не брал.

С какого времени между ними начались трения?.. Он не может точно сказать.

Наверное, сразу после рождения Светланы... Она тогда вдруг с Васей и грудной Светланой уехала в Ленинград к родителям, объявила, что больше не вернется. Назвала его грубияном, хамом тоже назвала. Такого он никому бы не простил, а ей простил: женщина после родов, они, говорят, в это время нервные, истеричное начало, которое существует в каждой женщине, проявляется у них с особой силой.

Он ей простил, позвонил в Ленинград, просил вернуться, хотел даже сам за ней ехать. Она насмешливо ответила: «Твой приезд будет слишком дорого стоить государству». И вернулась сама.

Что вложила она в эти слова? «Твой приезд будет слишком дорого стоить государству». Тогда он подумал, что это ее обычная насмешка, обычное женское ехидство. Теперь он понимает это по-другому, по-настоящему. Его приезд в Ленинград через несколько месяцев после Четырнадцатого съезда, после разгрома зиновьевской оппозиции, после смены ленинградского руководства никому не нужен, может быть неправильно истолкован.

Ее Киров уговорил вернуться, это Киров не хотел ЕГО приезда в Ленинград, еще тогда не хотел. Там завязалась их нежная дружба.

Уже перед самой смертью она объявила ему, что, как только кончит Академию, уедет в Харьков к Реденсам, будет там работать.

Ему донесли ее разговор с няней. «Все надоело, все опостылело, ничто не радует»,— говорила она няне. Что значит «ничто»?! А дети?

Все делала назло ему.

Знала, что ОН ненавидит духи, считает, что от женщины должно пахнуть только свежестью и чистотой. А она душилась, нарочно душилась, да еще заграничными духами, их привозил ее братец Павел, и назло одевалась в заграничные платья, которые привозил тот же Павел и дорогие, милые Сванидзе. Сидит в Академии среди простых советских людей и пахнет заграничными духами. ЕГО жена... А?!

Зачем Павел подарил ей пистолет? Зачем женщине пистолет? Кому придет в голову дарить женщине пистолет?! Не готовил ли он ее исподволь к ЕГО убийству? После того, что случилось, ОН приказал отобрать у него пропуск в Кремль. Мало, мало! Он подумал о Павле с ненавистью. Надо строго наказать его. Пусть знает!

Теперь он уже не женится.

Народ его поймет. Потерял любимую жену, не хочет другой — так это поймет народ. Хороший отец, не хочет своим детям мачехи — так это поймет народ. И он не хочет своим детям мачехи — новые осложнения, новые склоки, новая родня, а какая она будет, эта родня? Его одиночество многое добавит к ЕГО простоте, которая так импонирует и нравится народу. Даже позаботиться о нем некому.

И о НЕМ нет сплетен, на этот счет органы не обманывают ЕГО, на этот счет ОН строго взыскивает с них, строго спрашивает. ОН не дает оснований для сплетен.

Он редко выступает перед публикой, не ездит на заводы и фабрики, не митингует, выступает только в исключительных случаях: на съездах, на Пленумах, с короткими приветствиями в печати. Каждое его выступление должно быть событием, каждое его слово должно быть весомым. И здесь прав Пушкин:

Будь молчалив; не должен царский голос
На воздухе теряться по-пустому;
Как звон святой, он должен лишь вещать
Велику скорбь или великий праздник.

Как сказано!

Надо проследить, проверить, как идет подготовка к столетию со дня смерти Пушкина. Конечно, в Пушкине есть и много неприемлемого, но это неприемлемое надо направлять против тогдашнего царя Николая Первого и его окружения. И надо выпячивать то, что нужно, что выгодно нам. Ведь это он возвеличил Петра: «Медный всадник», «Полтава», «Арап Петра Великого»... Да, и когда надо было, Пушкин восхвалял и существующую власть, защищал ее внешнюю политику.

Жалко, что в ЕГО эпоху нет поэта масштаба Пушкина.

Впрочем, почему жалко? Наоборот, это закономерно: рядом с великими правителями не бывает великих поэтов. Какие великие поэты были при Александре Македонском, Чингисхане, Наполеоне, Иване Грозном, Петре Великом? И наоборот: Гомер, Гете, Шекспир, Пушкин, Толстой — при каких царях они были? Кто этих царей помнит? Великий поэт претендует на роль духовного главы народа. Великий правитель — сам духовный глава народа, и рядом с ним никакого другого духовного главы быть не может.

Но это все некстати. Разбегаются мысли. Нехорошо. Надо уметь сосредоточиваться... Да, теперь он уже не женится...

Брата первой жены Сталина, Екатерины Семеновны Сванидзе, старого большевика Александра Семеновича (Алешу) Сванидзе арестовали в 1937 году и через пять лет — в 1942 году — расстреляли.

Перед расстрелом ему сказали, что если он попросит прощения у товарища Сталина, тот его помилует.

— О чем я должен просить? Ведь я никакого преступления не совершил,— ответил Сванидзе.

И его расстреляли.

Когда об этом доложили товарищу Сталину, он сказал:

— Смотри, какой гордый, умер, но не попросил прощения.

Тогда же — в 1942 году — в лагере в Казахстане погибла его жена Мария Анисимовна.

Их сын Джоник (Иван Александрович) сидел в тюрьме вместе с уголовниками и был освобожден только в 1956 году.

Сестра первой жены Сталина, Екатерины, Марико была арестована в тридцать седьмом году и очень быстро погибла в тюрьме.

Анну Сергеевну Аллилуеву, сестру второй жены Сталина, Надежды Сергеевны Аллилуевой, арестовали в 1948 году, приговорили к десяти годам тюремного заключения. Она сидела в одиночной камере Владимирской тюрьмы и была освобождена после смерти Сталина. Ее мужа Станислава Францевича Реденса расстреляли в 1938 году.

Павел Аллилуев, брат жены Сталина, Надежды, служил в бронетанковом управлении, пытался защищать невинно репрессированных сотрудников, после чего Сталин перестал его принимать. В 1938 году Павел неожиданно скончался в возрасте сорока четырех лет.

Его жену Евгению Александровну Аллилуеву арестовали 10 декабря 1947 года и приговорили к десяти годам тюремного заключения. Когда Евгению Александровну 2 апреля 1954 года освободили, она уже в Москве, придя домой, сказала сыну: «А все-таки наш родственник нас освободил». Она не знала, что Сталин уже год как умер.

Киру Павловну Аллилуеву, дочь Павла и Евгении, арестовали в 1948 году и освободили после смерти Сталина.

Сын Сталина от первой жены Яков летом 1941 года попал в немецко-фашистский плен, вел себя мужественно и погиб при невыясненных обстоятельствах в 1943 году.

Его жену Юлию арестовали в Москве осенью 1941 года и освободили вскоре после гибели Якова.

Продолжение следует.

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ДОГМАТИКА

СРЕДИ УРОДЛИВЫХ ПОРОЖДЕНИЙ НАШЕЙ ИСТОРИИ, ОКАЗАВШИХСЯ СЕГОДНЯ ПОД ОГНЕМ КРИТИКИ, ВСЕ ЕЩЕ ДАЕТ О СЕБЕ ЗНАТЬ И ДОГМАТИЗМ — СЛЕПАЯ ПРИВЕРЖЕННОСТЬ ОТОРВАННЫМ ОТ ЖИЗНИ СХЕМАМ. ЭТО И ПОНЯТНО, ВЕДЬ ДОГМАТИЗМ — ДУША МЕХАНИЗМА ТОРМОЖЕНИЯ. ОН РАСЦВЕТАЕТ ТАМ, ГДЕ ПОПИРАЮТСЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ, РАЗРАСТАЮТСЯ АВТОРИТАРНЫЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ, БЮРОКРАТИЗМ. ОН ПОСТОЯННЫЙ СПУТНИК ТИРАНИИ, ДЕСПОТИЗМА, ПРОИЗВОЛА. И САМ ЯВЛЯЕТСЯ ОДНОЙ ИЗ ФОРМ ТИРАНИИ — ТИРАНИЕЙ МЫСЛИ. ЯСНО, ЧТО АВТОРИТАРНОЕ РУКОВОДСТВО И ПРЕДАННЫЙ ЕМУ ЧИНОВНИЧИЙ АППАРАТ КРОВНО ЗАИНТЕРЕСОВАНЫ В ДОГМАТИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ МАСС, В НАСАЖДЕНИИ СЛЕПОЙ ВЕРЫ, В ИЗГНАНИИ ЖИВОЙ МЫСЛИ. ИБО, КАК ПИШЕТ ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР, НЕ ВСЯКАЯ КРИТИКА — МЫСЛЬ, НО ВСЯКАЯ МЫСЛЬ — КРИТИКА. А ОНА-ТО И НЕ НУЖНА АДМИНИСТРАТИВНО-КОМАНДНОЙ СИСТЕМЕ.

Вячеслав КАРПОВ, кандидат философских наук

По мере нарастания антидемократических тенденций в нашем обществе десятилетиями формировался специализированный аппарат чиновников от идеологии. Среди них узкий круг привилегированных создателей, много больше хорошо оплачиваемых толкователей и, наконец, легионы дешевых разносчиков разнообразнейших догм — политических, философских, экономических, исторических. Одни, как говорили древние, продаются «за провинцию», другие — «за похлебку». Но ни те, ни другие своего не упустят. И чтобы не упустить, готовы на все. Готовы расправиться с каждым, кто на место схоластики пытается поставить трезвый научный анализ (история нашей общественной мысли эпохи застоя изобилует такими расправами, достаточно вспомнить публикации о судьбе ленинградского социолога Андрея Алексеева). Готовы проглотить и выплюнуть в виде догмы любой, даже самый революционный, лозунг. Оторопь берет, когда видишь, как маститый теоретик, вчера в пухлой монографии восславивший развитой социализм, сегодня с университетской кафедры проповедует лозунг «больше социализма!». А дивиться-то, в общем, нечему: корыстное приспособленчество, примитивный экономический интерес, холодный расчет.

Удивительно другое. Как на протяжении долгих лет застоя общество без сколько-нибудь заметного возмущения терпело работу чиновников от идеологии — даже тогда, когда их продукция явно противоречила здравому смыслу и жизненному опыту? Почему рядом с официальной схоластикой застоя расцветала догматика ее неофициальных критиков — таких, например, как лидеры «Памяти»? Почему сторонники перестройки подчас оказываются не менее категоричными и нетерпимыми, чем ее противники? Почему некоторые нововведения последних лет вызывают испуганное шараханье не только у бюрократов, но и у рядовых представителей самых широких общественных слоев?

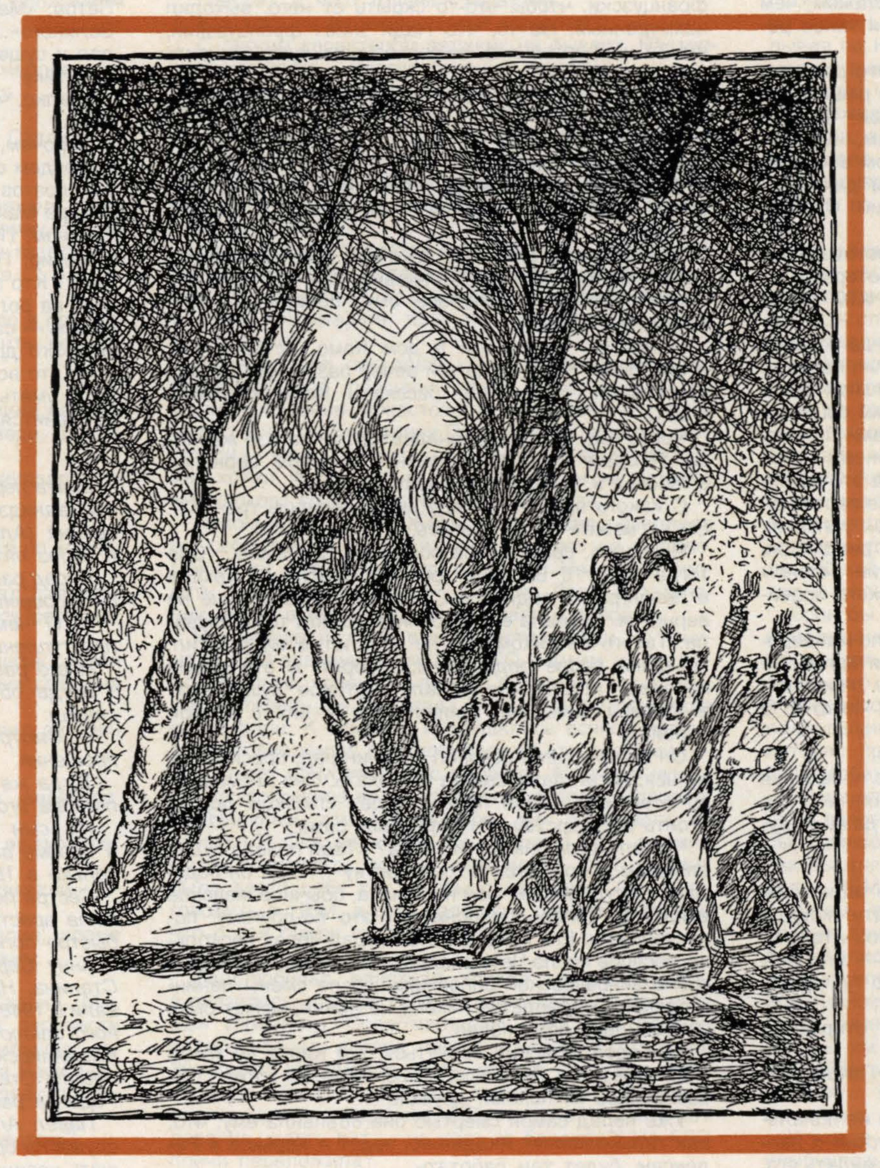

Рисунок Игоря СМИРНОВА

В 1862 году А. К. Толстой писал, что во время работы над "Князем Серебряным" он не раз бросал перо в смятении не столько от мысли, что мог существовать Иоанн IV, сколько от того, что могло существовать общество, которое смотрело на него без негодования.

Наша ли собственная психология превращает идеологию в догму, изгоняет из нее живую мысль и критический дух? Или же от догматизма идеологии распространяется психология покорности, формируется рабское сознание?

Конечно, удобнее признать, что догматизм нам навязан сверху — через пропаганду и подавление любого инакомыслия. Такой взгляд дает надежду на быстрые перемены. Коли так, то стоит ослабить узду догмы, и сознание народа раскрепостится, а значит, перемены, которых мы все ждем, не за горами.

Как видим, вопрос об истоках догматизма превращается из отвлеченно научного в остполитический.

Ответ на этот вопрос могли бы дать социально-психологические исследования. К сожалению, в нашей социальной психологии исследования общественной природы догматизма по вполне понятным причинам не получили сколько-нибудь серьезного развития. За рубежом такие исследования ведутся вот уже четыре десятилетия — со времен второй мировой войны. Исследуя догматическое сознание, психологи и социологи выделили целый ряд его особенностей. Это сознание в высшей степени замкнутое, закрытое для опыта, нового знания. В центре его — всегда некий абстрактный авторитет (будь то церковь, наука, политический лидер). С суждениями авторитета соотносится всякая новая информация, всякое мнение. И либо «вписывается» в замкнутую систему, либо «выталкивается» — как ересь или бессмыслица. При этом сознание догматика внутренне разорвано. В его символе веры легко уживаются взаимоисключающие понятия. До крайности сужены исторические перспективы догматического сознания: настоящее мыслится как предисловие к великому будущему. Догматик терпим к другим людям лишь в той мере, в какой их мнения совпадают с позицией почитаемого им авторитета. Есть у него и свой «негативный» авторитет, которому приписывается все враждебное, на который возлагается ответственность за все беды, поражения, неурядицы.

Догматизм не тождествен тугодумию, жестокости мышления. Человек может туго, неразворотливо решать те или иные вопросы и все же не быть догматиком. Догматизм социален: он складывается, проявляется и развивается в отношениях между людьми. Его постоянными спутниками в человеческих отношениях являются фанатическая нетерпимость к инакомыслию и авторитарные способы навязывания взглядов.

Что ж, портрет, думаю, хорошо узнаваемый. Но одно дело — зафиксировать научными методами главные черты догматизма, совсем другое — выяснить, как эти черты формируются, какими общественными условиями порождаются.

Замкнутость сознания и его разорванность, вера в непогрешимый авторитет, нетерпимость. В какой мере они характеризуют обыденное сознание людей? В какой мере наше прошлое и настоящее служат для них питательной почвой?

Раз догматизм развивается в отношениях между людьми и сопряжен с авторитарными способами навязывания взглядов, стоит задуматься, что за отношения повседневно связывают людей в сообщества, какая форма коллективности господствовала в прошлом и преобладает сейчас. И над тем, какими средствами защиты, отстаивания самостоятельной точки зрения располагают люди в сообществах.

Выдающийся итальянский марксист Антонио Грамши заметил как-то, что социалистический коллективизм идет на смену буржуазному индивидуализму, заимствуя от него все то вечное и рациональное, что в нем содержится. Мысль, согласимся, пугающая, для нас непривычная. Слишком уж мы привыкли к однозначно негативным оценкам любого индивидуализма, и разговор о его «вечных» ценностях кому-то наверняка покажется еретическим. Между тем вечным и рациональным в индивидуализме Грамши считал вещи вполне прозаические. Чувство ответственности и дух инициативы, уважение к другим, убеждение в том, что свобода для всех есть единственная гарантия свободы каждого. Легко понять, во что превратится коллективизм, если он не усвоит эти общечеловеческие начала индивидуализма, какими бы общественными условиями они ни порождались. Ясно, что заимствовать разумное начало буржуазного индивидуализма социализм может там, где он приходит на смену высокоразвитой системе капиталистических отношений. Иное дело — построение социализма в стране, где буржуазное индивидуалистическое сознание еще не упрочилось. В таком случае новая форма коллективизма может впитать в себя многие черты коллективистского сознания докапиталистического общества: общинного, феодального, азиатско-крепостнического. Думаю, что до некоторой степени это характерно и для становления советского коллективизма. От прошлого он мог унаследовать не только и не столько разумные начала буржуазного индивидуализ-

ма, сколько искаженные капитализмом устои коллективности общинного типа. А ей присущ особенно жесткий контроль над сознанием и поведением людей. Напомню, что в двадцатые годы рабочий класс многократно пополнялся крестьянскими массами. В повести Кураева «Капитан Дикштейн» хорошо показано, как это происходило в начале двадцатых. А в конце — новый приток выходцев из деревни, вызванный форсированной индустриализацией. Разве могло это не отразиться на общественной психологии, на становлении коллективистского сознания?

Эти тенденции усугубились на ранних этапах социалистического строительства. Ранний, или грубый, коммунизм, по Марксу, повсюду отрицает личность человека. То, чем на равных владеют все, отчуждается и изгоняется в так называемую «частную жизнь», которая представляется чем-то подозрительным, враждебным коллективизму. Впрочем, и ее коллектив стремится взять под надзор. При этом человек практически лишен механизмов самозащиты от всепроникающего социального контроля. Экономически он полностью зависим от трудового коллектива (а через него — и от государства). Ведь и сегодня право работать в кооперативах или индивидуально принадлежит в основном членам трудовых коллективов госсектора. Нет четких правовых гарантий неприкосновенности личной жизни, стремление отгородить ее от посторонних взглядов рассматривается как свидетельство нечистоты помыслов.

А разве давно мы стали говорить о гармоническом сочетании личных и общественных интересов? Нет, десятилетиями официальная мораль порицала любой индивидуализм и требовала ставить общественное выше личного. В этих условиях жесткий контроль над сознанием и поведением мог только усиливаться. Нарастающий с конца двадцатых годов авторитаризм, обернувшийся в тридцатые — сороковые годы физическим истреблением миллионов людей, в значительной мере порождался и повседневно поддерживался теми формами коллективности, о которых идет речь.

В догматическом сознании легко уживаются взаимоисключающие истины. Это особенно свойственно массовому сознанию, с его мозаичностью, разорванностью, противоречивостью. Истоки разорванности сознания людей — в разорванности их бытия. «Выталкивая» все индивидуальное, неповторимое в «частную жизнь», грубая коллективность постепенно превращает ее в основную, если не единственную законную сферу реализации личных интересов. Та «приватизация жизни», о которой наши социологи заговорили в семидесятые годы, явилась, по сути дела, долгим эхом форсированного развития коллективистских начал. В сфере частной жизни как уродливый противовес примитивному коллективизму вызревает сугубо индивидуалистическая житейская мораль, если не сказать, идеология. Ее принципы нам хорошо известны: «своя рубашка ближе к телу», «ты — мне, я — тебе», «хочешь жить — умей вертеться», «моя хата с краю», «ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак» и т. д. Такая житейская идеология служит самосохранению, выживанию индивидуальности. А официальная мораль коллективизма — приспособлению к общественной среде. Жизненно необходимо и то, и другое. В результате множество людей вынуждено исповедовать и ту, и другую мораль — по обстоятельствам. Складывается тип человека, способного искренне верить в две противоположные истины, на время забыть об одной из них ради другой, а в нужный момент вернуться к первой, и так — до бесконечности.

У двоемыслия мощные корни в нашей политической истории. Дискуссии в прессе о тридцатых годах четко высвечивают сочетание противоположных начал в жизни тех лет. Два начала, две истины, как будто бы — две жизни. С одной стороны, размах революционных преобразований, трудовой энтузиазм, солидарность и преданность масс делу социализма. Такова светлая, «дневная» сторона той жизни. Но была и темная, «ночная». Растущий произвол бесконтрольной власти, аресты, допросы, пытки, казни. Учитывая размах репрессий, трудно поверить, что массы не знали о происходящем, хотя именно такой ответ часто слышишь от представителей старшего поколения. Конечно, знали! И верили как в дневную, так и в ночную правду. Представления о масштабах побед вместе с элементарным страхом вытесняли из сознания правду о «ночной» жизни.

Возьмем наше недавнее прошлое. Теперь мы признаем, что в годы застоя особенно резко разошлись мир повседневных реальностей и мир показного благополучия. На мой взгляд, это не было только расхождением слова и дела, идеологии и жизни. Два мира уживались в нашем сознании. Мир повседневных реальностей давал практические ориентиры, мир показного благополучия — надежду на улучшения, на более достойную жизнь в будущем. (Вспомним: в догматическом сознании настоящее — только предисловие к будущему, для него всегда все впереди!) Вижу вокруг себя нарастающую безответственность, расхлябанность, плохую работу — и верю, что борьба за крепкую дисциплину и высокое качество приносит свои плоды. Вижу, что плохо с продуктами — и верю, что успехи Продовольственной программы скоро выведут нас на передовые рубежи. Повседневно сталкиваюсь с хамством, оттачиваю свои локти — и верю: у нас человек человеку друг, товарищ и брат. И так далее, и так далее... Сочетанием двух миров усугублялось двоемыслие.

Нетерпимость — неотъемлемая черта догматического сознания. История нашего общества во многом была историей нетерпимости — как естественно возникающей, так и искусственно нагнетаемой. Накал классовой борьбы в годы революции, гражданской войны, интервенции — разве тогда могла окрепнуть в обществе терпимость к плюрализму мнений, к многообразию культур? Это был период естественной, закономерной нетерпимости и ненависти к классовому и идейному врагу. Но нельзя отмахнуться от того, что ненависть объединяет, сплачивает людей, пусть даже на самых грубых, инстинктивных началах. Поэтому, когда исчезает естественный объект ненависти, у чиновников от политики и идеологии возникает стремление и дальше эксплуатировать этот безотказный психологический механизм сплочения. Так и было сделано — посредством назойливой пропаганды сталинского тезиса о нарастании классовой борьбы с развитием социализма. «Подкулачник» в годы коллективизации, «враги народа» в тридцатые годы — яркий пример искусственно созданного образа врага. Война вновь принесла естественный объект народной ненависти — им стал фашист. Когда и этот объект был устранен, вновь потребовались вымышленные враги. Ими стали руководители ленинградской парторганизации, врачи («убийцы в белых халатах»), космополиты. Нетерпимость к подлинным и мнимым врагам стабилизировала общество, освещала священным ореолом карательные органы, отвлекала массы от подлинных причин поражений, экономических трудностей, лишений. Благоприятнейшая почва для догматизма, который ищет не причины, а виновников всех бед.

Не стоит, однако, считать нетерпимость делом прошлым. Она порождается и социальными процессами наших дней. В частности, сокращением «социальных дистанций» между общественными группами. Различия образа жизни, поведения, культуры, которые на значительной дистанции не слишком заметны, по мере ликвидации социально-классовых барьеров становятся ощутимыми. А подчас оцениваются как угрожающие, подрывающие веру в «единственно правильный» образ жизни. Эти психологические последствия «перемешивания» и повседневных контактов групп, различающихся по образу жизни и уровню культуры, очевидны. Достаточно вспомнить, как часто служащий третирует «гегемона» («работягу»), рабочий — «интеллигента» и тот и другой — «торгаша», горожанин — «приезжих», приезжий — «зажравшегося» горожанина, все вместе — «бюрократа». Нечто подобное происходит и в национальных отношениях. Раскрученные когда-то маховики нетерпимости продолжают вращаться, порождая все новые образцы догматизма.

Настораживает в связи с этим отношение к борьбе за очищение государственного и партийного аппарата, с которым часто приходится сталкиваться. Читали? Этого-то сняли! Того посадили, другого расстреляли. Давай их, мол, ребята! Поневоле задаешься вопросом: что, если все-таки удастся навести порядок в аппарате управления? Не понадобится ли тогда многим из нас новый объект ненависти, чтобы все для себя объяснить? Кто станет этим новым объектом? Панки? Масоны? Проститутки? Здесь, кажется, есть над чем подумать всем нам. И особенно молодым, тем, в кого еще не столь глубоко въелась ржавчина нетерпимости. Понимаю, что это непросто. Ведь именно молодежь часто становится объектом фанатически нетерпимых нападок. Чего только не ставят ей в вину. И жестокость, и увлечение роком, и наркотики. У многих это вызывает ответную, не менее нетерпимую реакцию. Круг замыкается. Единственная возможность разорвать его — победить нетерпимость в себе. Понять, что до тех пор, пока взаимная терпимость не вошла в традицию, в привычку, нет надежды на подлинное духовное обновление.

Наверное, не надо много говорить о том, какую почву наша история дала для развития слепой веры в авторитеты — этой основы догматического сознания. Вспомним вереницу «культов личностей», из которых один стал трагедией, другие — фарсами. Любовь, страх, благоговение легче питать к отдельному лицу, чем к организации.

Догматизм закрыт для опытного знания. Чем однообразнее опыт, тем больше возможностей для догматизации. Жесткие ограничения на жизненный опыт накладывают бедность, лишения, низкое качество жизни. Хронически не решаемые житейские проблемы (получить жилье, прибавку к жалованью, устроить детей в ясли или школу, выбить телефон, достать продукты и т. д.) порождают удручающе однообразный жизненный опыт, закрепощают и примитивизируют сознание. Здесь не до тонких материй, не до сомнений. Примитивный человек думает о том, чем живет. Дефицит во всех его проявлениях необходим застойному обществу, так как препятствует расшатыванию его основ раскрепощенным сознанием. А ну как у людей будет все необходимое, о чем они станут думать? То-то же! Академик Аганбегян рассказал о том, как один сановник критиковал венгерский опыт. В Венгрии, мол, каждый, имея деньги, может купить что захочет: разве это социализм? Поучительный пример.

Примитивизм и жесткие границы опыта сковывают мечту и воображение, которые нормальному человеку помогают выйти за пределы данного, известного, достигнутого. Жаль, что у нас нет социологии мечты. Такая наука могла бы показать, сколь бедно воображение скованного сознания. Воображение систематически убивается и низкопробной массовой культурой. Журналами, в которых еще три года назад нечего было читать, телевизором, по которому (по-моему, и сейчас) нечего смотреть. Скука в застойном обществе — не просто эмоциональное состояние. Это особое качество духовной жизни, предохраняющее догматическое сознание от ненужных потрясений.

Нарастанию противоестественного идейного единообразия способствовали и те периоды социалистического строительства, в которые в условиях сложившейся исторически однопартийной системы из жизни партии изгонялись критика и самокритика, дискуссии и гласность.

В этом же ряду следует сказать и об отсутствии альтернативных источников информации по многим важнейшим проблемам общественной жизни, которое закономерно порождало восприятие всякой публикации как официальной точки зрения. В годы застоя мы вплотную приблизились к реализации проекта «О введении единомыслия в России», предложенного в свое время Козьмой Прутковым.

Добавим сюда постоянное воспроизводство скованного сознания нашей школьной системой с ее догматическими методами обучения (вопреки солидной традиции их критики педагогами).

Как видим, широкое распространение идейной косности нельзя считать только делом рук чиновников от идеологии. Как ни удобно, как ни утешительно такое мнение, сегодня оно представляется поверхностным и односторонним. Более того, такая точка зрения дезориентирует, упрощает сложнейшую проблему формирования нового мышления. Социальные устои догматизма прочнее, чем это нам иногда кажется; наскоками на «платных идеологов» эти устои не сокрушить.

Значит ли это, что не нужна идейная борьба с догматизмом? Вовсе нет. Тем более, что по-настоящему необратимы только те преобразования условий жизни, которые исходят из внутреннего мира людей и невозможны без серьезной идейно-нравственной раскачки. Борьба нужна, но какая?

Не скрою, многое настораживает в сегодняшней «лобовой» критике догматизма. Прежде всего — фантастически иррациональные предметы критики. Лучшие силы публицистики уходят на доказательство очевидного и на развенчание явных нелепиц. Доказывают, что за работу надо платить, что желающие хорошо зарабатывать — не враги народа, что уничтожением виноградников пьянства не искоренить и т. д. Думаю, что такая критика во многом на руку приверженцам идеологии застоя, которые всегда готовы пожертвовать частностями, чтобы сохранить принципы. Догматик и сам готов присоединиться к такой критике, если поступает соответствующее авторитетное указание. Критика по принципу «кто громче всех кричит: держи вора», отработанный прием самозащиты догматизма. Не грех напомнить, что некогда Сталин, более чем кто-либо ответственный за превращение теории в свод мертвых схем, провозгласил: «Марксистско-ленинская теория есть не догма, а руководство к действию».

Просветительство, развенчивающее те или иные догмы застойной идеологии, конечно же, дело нужное. Но по-настоящему необходимо сегодня не просветительство, а просвещение. Гуманистическое просвещение, апеллирующее к вечным ценностям человеческого бытия. К смыслу жизни, внутренней свободе, личному достоинству человека, к творческой силе его воображения. Ко всем тем ценностям, которые скрыто или явно отрицает догматическая идеология. Утверждение абсолютной ценности человеческого бытия означает вместе с тем признание относительности любой его догматической интерпретации. История знала многообразные формы просвещения. Но каждая из них неизменно рассматривала человека как меру всех вещей и тем самым подрывала основы мракобесия и способствовала духовному раскрепощению. Подлинное просвещение, в самом высоком значении этого слова, и сегодня является главным средством освобождения из догматического плена.

Резкий хлопок. Выскакиваю из трюма. Парусник уже развернуло, и он неумолимо надвигается на берег: мы потеряли управление. На берегу сидят два американских солдата и удят рыбу. Спиннинг завис в воздухе, его обладатель с изумлением взирает на судно XV века, мираж, возникший в тихих водах Панамского канала. С палубы старинной каравеллы мы смотрим на полевую форму американских солдат, и они тоже кажутся нам пришельцами из иного мира.

ТРИНАДЦАТЬ КОЛУМБОВ «МАРИИ-ГАЛА

В кратце ситуация такова. Точная копия судна Христофора Колумба, совершающая кругосветное плавание, проходит из Атлантического океана в Тихий. Лопнул рулевой трос. В последний момент подоспел буксир. Мы избежали столкновения: с берегом, а также XV века с двадцатым.

Мне посчастливилось быть на палубе уникального судна, говорить с его колумбами, костюмы которых напоминают одежды средневековых пиратов, прожить с ними десять часов плавания по каналу.

МОРЯК В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ

У капитана «Марии-Галанте» (он же владелец судна и, выражаясь современным языком, так не идущим к ситуации, начальник экспедиции) редкое для испанца имя: Виталь, что можно перевести как «жизненный». И фамилия редкая: Альсар, что означает «поднимать». Вместе имя и фамилия образуют что-то вроде слова «жизнеподъемный», удивительно совпадающего с характером их обладателя. В газетах его называют Дон-Кихотом, ищущим себя в море. Сам Альсар, рассуждая о том, чего же он ищет, говорит об этом проще: «Ищу того же, что и вы, что и ваши читатели, того же, что ищут все люди на земле: немного счастья».

В наш век, когда счастье для многих — возможность поваляться на диване с книгой в руках или покататься вокруг дома на велосипеде, человек, отправляющийся за счастьем в бескрайние просторы океана на утлом суденышке, не раз тонувший и сознательно подвергавший себя испытанию на выживание в открытом море, вызывает почтительное уважение. Не меньшее уважение вызывают идеи Виталя Альсара, для которого кругосветные плавания на парусных судах минувших веков — не самоцель, не способ самоутверждения или доказательства своего мужества, а род служения человечеству.

Пятидесятичетырехлетний моряк родился в Сантандере, на севере Испании. Море было детской страстью и мечтой, и уже в четыре года мальчишки называли его капитаном. Жизнь оказалась более прозаичной. Альсар становится солдатом, некоторое время служит в испанских колониальных войсках в Африке. Затем оканчивает университет, осваивает профессию менеджера, переезжает из одной страны в другую, пока наконец не попадает в Канаду. Здесь ровно четверть века назад рождается план его первой экспедиции.

«На меня повлияли два человека: великий норвежский путешественник Тур Хейердал и французский врач Ален Бомбар, стремившийся доказать, что у потерпевших кораблекрушение в открытом море почти всегда есть шанс выжить,— рассказывает капитан.— В какой-то степени мои проекты вобрали в себя идеи обоих».

В трюме «Марии-Галанте», где оборудован небольшой музей, я нашел два увесистых альбома с вырезками. Вот что сообщала эквадорская газета «Эль Универсо» 23 октября 1966 года: «Сегодня после торжественной церемонии, которая состоится на пристани батальона морской пехоты, отплывает курсом на Сидней маленький и хрупкий бальзовый плот «Пасифика».

Название плота могло относиться к Тихому океану, который путешественники намеревались пересечь. Но можно перевести его и как «мирный», «миролюбивый». Как бы то ни было, уже со второй экспедиции Альсара на мачте его судов всегда развевается белый флаг мира.

А та, первая экспедиция чуть было не закончилась трагедией. Бальзовые стволы намокли, и плот развалился в открытом море, кишащем акулами. Их спасли. Через три года Альсар повторил попытку достичь берегов Австралии из Южной Америки — на этот раз удачно. Переплыв океан, путешественники вновь взяли курс в море, проведя под парусом в общей сложности 483 дня. Это абсолютный рекорд мира. Так написали впоследствии газеты. Но цель Альсара не имела ничего общего со спортом. На себе и своих товарищах он проверял идеи Бомбара и доказал, что человек может жить 25 дней без еды и пресной воды — на одной морской воде: литр соленой жидкости в сутки, надо пить мелкими глотками, за 12—13 приемов. Едва ли у Альсара найдется много последователей, которые на себе захотели бы проверить достоверность этих данных. Но его эксперименты могут спасти жизнь морякам, потерпевшим кораблекрушение, ибо капитан убежден: оказавшись в море, человек гибнет лишь тогда, когда его оставит надежда...

Плавание на «Марии-Галанте» — это шестая экспедиция Виталя Альсара. Ей предшествовали удивительные одиссеи. В 1977 году он повторил путь первооткрывателя Амазонки Франсиско де Орельяны. Помимо долгого и многотрудного водного пути по великой реке, экспедиция прошла 800 километров по горам, преодолевая перевалы на высоте пяти тысяч метров. Спустившись в долину, они построили три небольших каравеллы — копии кораблей конкистадоров. По легенде, Орельяна делал гвозди из подков лошадей, а недостающие — из твердых пород дерева. Альсар поступил точно так же.

Он продолжает открывать Америку. По мнению Альсара, о таком огромном и важном для человечества районе, как Амазония, люди знают немногим более того, что узнал Франсиско де Орельяна. Разница лишь в том, что на смену топору первых колонистов пришли мощные бульдозеры, и неповторимый мир может исчезнуть раньше, чем человечество станет мудрее. Экологи, участвовавшие в экспедиции Альсара, собрали тому множество доказательств.

«НЕБОЛЬШОЕ УСЛОВИЕ»

— Ваши проекты, как они возникают?

— Каждая идея — это путь, который надо пройти заново. Сознание необходимости пройти этот путь — вот главное. Конечно, все требует времени. Над проектом «Марии-Галанте» мы работали восемь лет. Для этого потребовался новый импульс энергии — и так было с каждой экспедицией.

— В чем идея плавания?

— Их две. Начну со второй, наиболее очевидной. Приближается пятисотлетие открытия Америки. Мы построили точную копию «флагмана» Колумба, дав ему старинное имя «Мария-Галанте». Ну, а главная наша идея столь же связана с прошлым, как и с будущим. Эта цель — мир. Пять столетий назад с открытием Америки человечество расширило свои горизонты, впервые начало понимать, что мир огромен и един. Наше плавание — призыв к раздумью: куда идет человечество? Сохраняем ли мы представление о мире как о едином целом, сознаем ли его хрупкость и неделимость? В нашей экспедиции участвуют люди разных национальностей — мексиканцы, аргентинец, француз, испанец,— разных профессий — моряки, биологи, скульпторы, художники, инженеры; мы — частичка мира и, никого не поучая, хотели бы подать пример мирного сосуществования людей, объединенных общей целью.

Когда Виталь Альсар рассказывает об экипаже «Марии-Галанте», то не забывает упомянуть, что, помимо тринадцати колумбов, его полноправные члены также собака Лукас и котенок Кадис.

— Как вы подбираете участников экспедиций?

Альсар выразительно раздувает ноздри: «Нюх... Для меня не имеют значения профессия человека, его возраст, национальность. Единственный критерий — приверженность нашей идее мира и любовь к морю. Поэтому в экспедициях участвуют не те, кто хочет, а те, кто должен в ней участвовать.

— Вам не надоедает постоянное скитание по морям?

— Я предпочел бы ответить на вопрос: не устаю ли я?

Потому что любимое дело не может надоесть, но существует предел человеческих возможностей, и, когда ты приближаешься к этому пределу, возникает усталость. К концу дня я обычно чувствую себя измотанным. Но еще перед сном знаю: утро принесет мне силы и радость любимого дела. Что касается скуки... Я бывал во многих больших городах. Неожиданно мне начинало казаться, что рутина городской жизни засасывает, что сами жители городов подсознательно стремятся вырваться из этой рутины, и я еще больше убеждался в том, что выбрал для себя правильный путь. Ну, а следы усталости — вот они, седая борода, седые волосы...

— Вы настаиваете на том, что вы обыкновенный человек, не герой, не супермен. Позвольте вам задать житейские вопросы. У вас есть семья? И если есть, как она переносит многомесячную разлуку?

— Я действительно обыкновенный человек, и, как у всякого нормального человека, у меня есть семья: жена и две дочери. Они живут в Мексике. Вижу я их и в самом деле редко, и, как в каждой нормальной семье, это вызывает сложности. Моя жена никогда не хотела отпускать меня ни в одну из экспедиций. Но она же первая и благословляла меня на них.

— Еще один вопрос, пусть он не покажется нескромным. Вы совершили столько дорогостоящих экспедиций, и нынешняя, насколько я понимаю, не последняя. Суда, участвовавшие в ваших плаваниях, составили экспозицию трех музеев в Испании и Австралии. Откуда вы берете средства для финансирования своих проектов?

— Никакой тут нескромности нет, все задают этот вопрос. Видите ли, в мире, помимо денег, существуют идеи. Я убежден: хорошая идея создает и материальные средства для ее воплощения.

500 ЛЕТ СПУСТЯ: ПЛАВАНИЕ ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

— Вам не кажется, что в ваших экспедициях есть противоречие? Вы изготавливаете корабельные гвозди из подков, но из Атлантического океана идете в Тихий кратчайшим путем, через Панамский канал, не существовавший во времена великих географических открытий. И «Мария-Галанте», кроме парусов, оснащена современными моторами...

— А зачем нам искать искусственные трудности? Разве Колумб намеренно осложнял себе жизнь? Я уверен, если бы в те времена существовал Панамский канал, Колумб обязательно им воспользовался бы. И дизельные двигатели с радостью установил бы, додумайся до них тогда человечество... Наша идея ничуть не проигрывает от того, что мы пользуемся современными средствами связи, навигационным оборудованием, а визуальные наблюдения дополняем съемками на видеокамеру. Нам и в голову не приходит звать человечество вернуться на 500 лет назад. Напротив, наша идея в том, чтобы использовать все достижения научной и инженерной мысли на благо человеку. Только бы не забывать о том целостном видении мира, которое впервые появилось у землян после открытия Колумба.

В августе 1992 года из мексиканского порта Веракрус отплывут три «колумбовых» каравеллы: точные копии «Санта-Марии» («Мария-Галанте»), «Пинты» и «Ниньи». Экипажи судов будут состоять из 86 человек, именно столько участников экспедиции Колумба известно на сегодняшний день. Альсар предполагает включить в состав команд представителей 36 стран Америки. И поплывут они в обратном направлении: от Америки к Европе, «открывать Испанию». Это будет плавание в честь великого путешественника. Это будет напоминание миру о том, что люди должны постоянно «открывать» друг друга, чтобы сохранить мир.

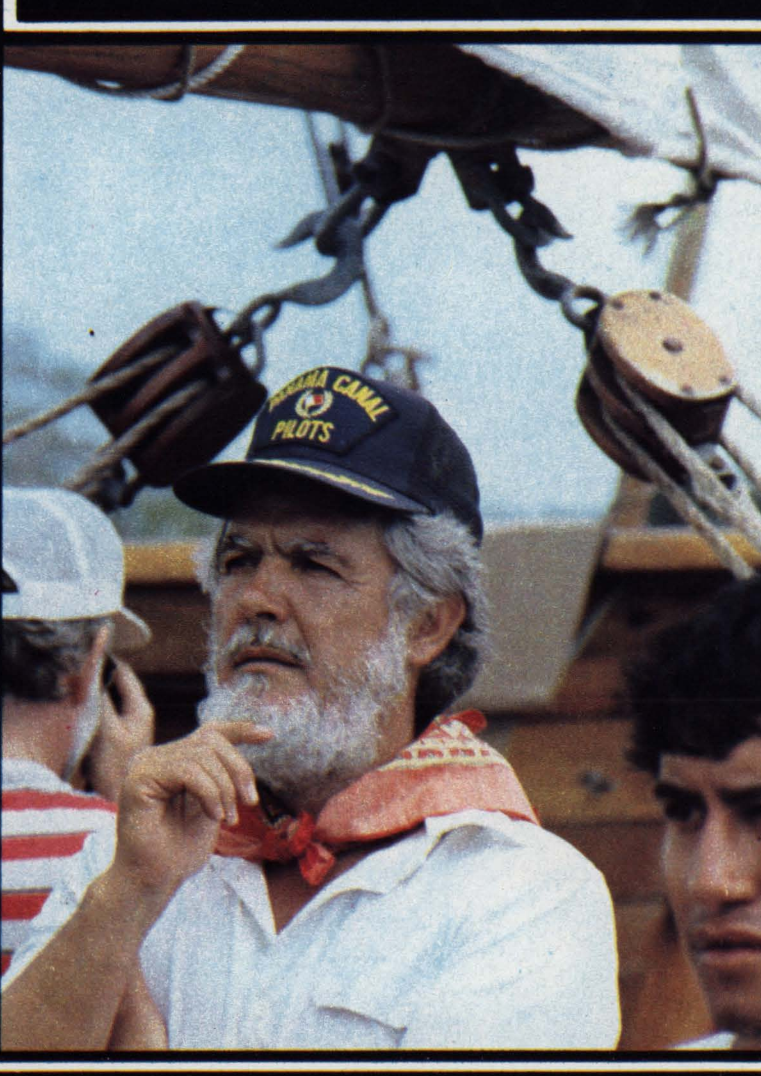
Михаил БАКЛАНОВ,
собкор АПН,
специально для «Огонька»

Фото автора

Панама.

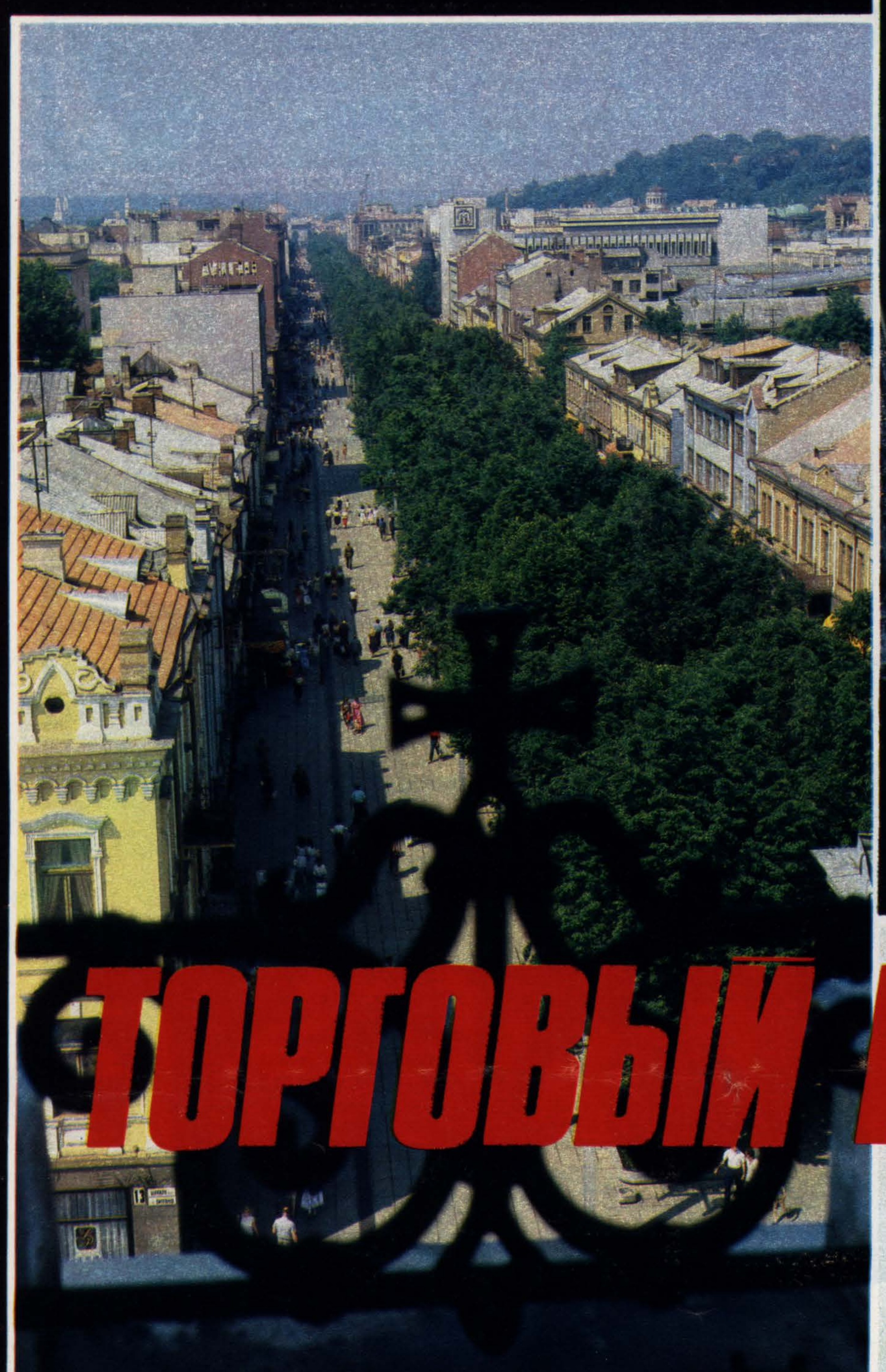
«ИЩУ ТОГО ЖЕ, ЧТО И ВЫ, ТОГО, ЧТО ИЩУТ ВСЕ ЛЮДИ НА ЗЕМЛЕ: НЕМНОГО СЧАСТЬЯ»,— ГОВОРИТ КАПИТАН ПАРУСНИКА «МАРИЯ-ГАЛАНТЕ» ВИТАЛЬ АЛЬСАР.

НТЕ», НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ И КОТЕНКА

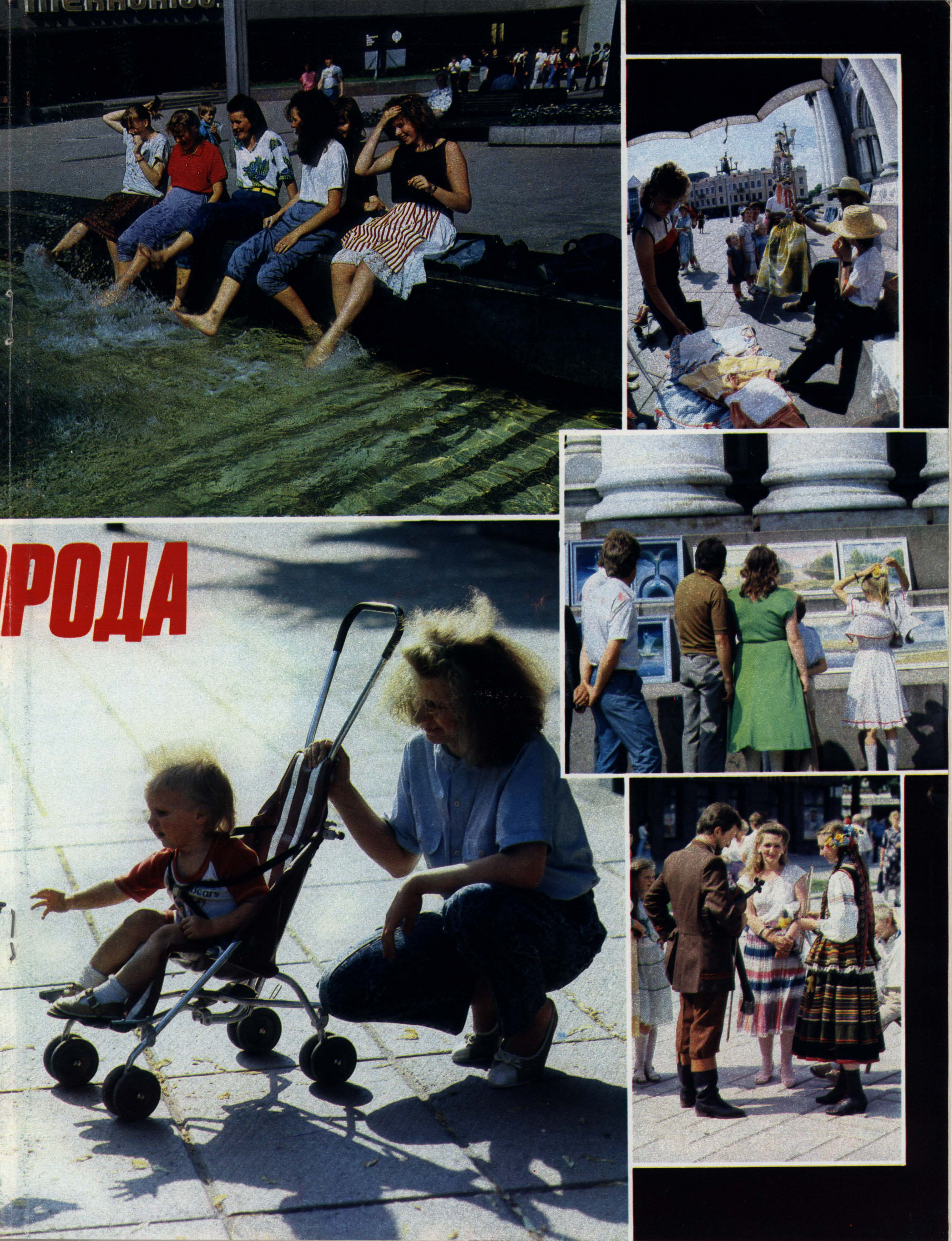
ТОРГОВЫЙ ПРОСПЕКТ ГО...

ЛАЙСВЕС АЛЛЕЯ В КАУНАСЕ — НЕ УЛИЦА ДАЖЕ. СКОРЕЕ — ПОНЯТИЕ. ТУТ ЕЖЕГОДНО ПРОВОДЯТСЯ КАРНАВАЛЬНЫЕ ШЕСТВИЯ И ПРАЗДНЕСТВА,В ПОСЛЕДНЮЮ СУББОТУ ИЮНЯ УСТРАИВАЮТ ВЕСЕЛЫЕ ЯРМАРКИ; ТОРГУЮТ ДОПОЗДНА, УЖЕ В МЯГКИХ СУМЕРКАХ БЕЛОЙ НОЧИ. СЮДА ПРИХОДЯТ ОТДОХНУТЬ В ТЕНИ ДЕРЕВЬЕВ, И, КОНЕЧНО, ЗА ПОКУПКАМИ.

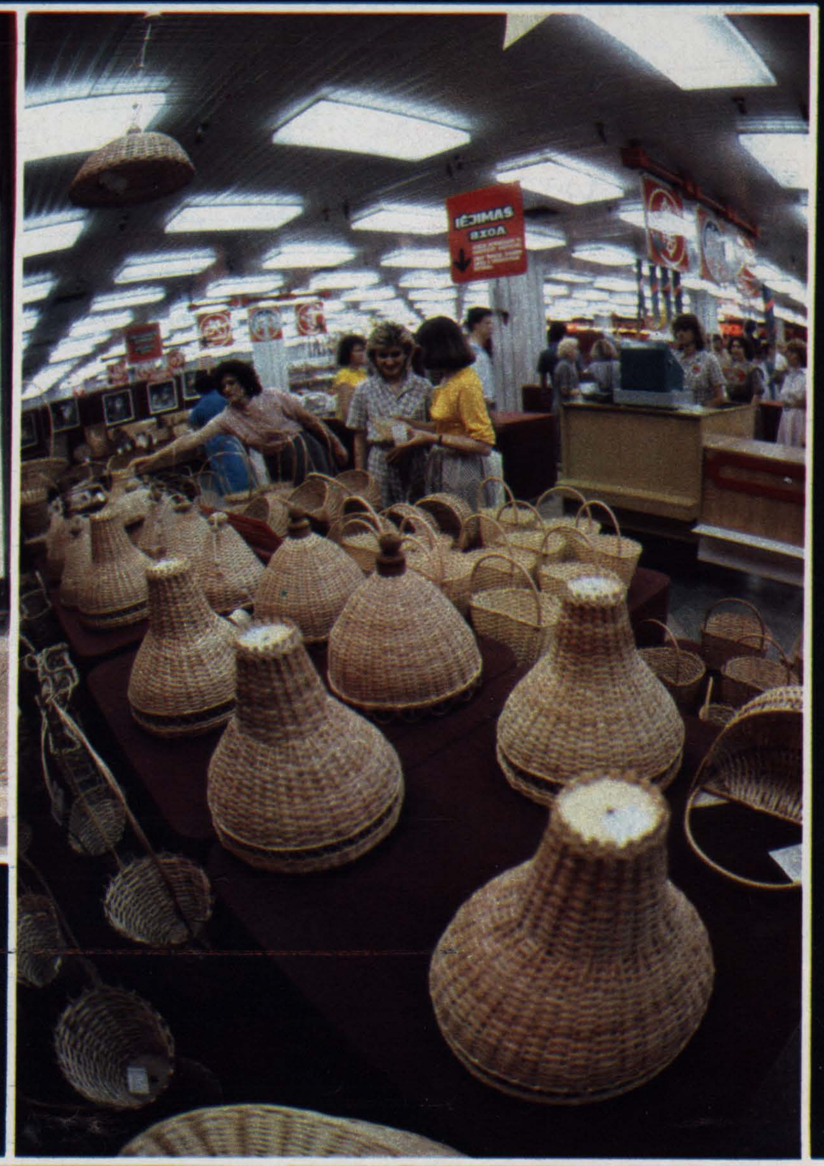
Константин БАРЫКИН,
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото)

Магазинчик крохотный. Называется «Приятные мелочи» и предлагает всякую несерьезность — бижутерию и кожаные дамские украшения, особой выделки пуговицы; товар капризный, иногда озорной, а то и залихватски смелый. Рядышком, в двух шагах, дверь в дверь,— цветы. Они, понимаю, товар не главный, но не сегодня отмечено: если цветы есть вот так, для каждого, то и с «первой необходимостью» дело более или менее налажено. Иначе недостало бы на гвоздики, розы и орхидеи сил и времени. Торгуют цветами в Каунасе всюду: в магазинах и киосках, в затененном холле универмага «Меркуриюс», в других универмагах, в 16 ресторанах, на вокзале и возле него, в аэропорту и, само собой, на Лайсвес аллее, изящном вкраплении в городской ансамбль; пешеходной улице, отмеченной элегантностью — особым стилем.

Это улица-негоциант и немножко выставка. Неторопливый и солидный, известный далеко окрест универмаг «Меркуриюс», гастрономы, книжные лавки и аптеки, детский магазин с невыразительным, как всюду в стране, ассортиментом, не пустые мясные прилавки и обильные молочные, несколько кафе, а также диетическая столовая. Обстоятельный едок может отобедать и в ресторане; студенты предпочитают молочный бар.

РОДА

...На три часа назначили «генеральную репетицию» в салоне модной одежды. Это кооператив «Грожис». Была тут прежде железнодорожная касса, ее толчея надоела всем, перевели в помещение попросторнее. И городское управление торговли само, без понуканий, без подсказок определило эти квадратные метры не своему предприятию, а кооперативу, что, согласитесь, необычно. «Грожис», говорили мне здешние коммерсанты, шьет отменно, его продукцию с охотой закупают лучшие каунасские магазины, «Меркуриюс» провел даже выставку моделей «Грожиса».

Михаил КАЗМИЧЕВ (1897—1960)

Из донских казаков. После революции сначала был библиотекарем в Ростове-на-Дону, затем переехал в Ленинград, где посвятил себя переводческой деятельности — Байрон, поэты Возрождения, Кальдерон. Всю жизнь писал стихи, но почти их не печатал.

* * *

В столетних листьях вдруг
заговорило,
И оживилась тишина.
Какая мысль? Какая страсть?
Какая сила?
Она невыразима и ясна.

Младенчески проплыл и канул мимо
Шум... Вырезаны буквы на стволе...
Невыразимо... Все невыразимо,
Что сто́ит выраженья на земле.

* * *

Серая пыль по займищу бежит,
Серая пыль ничем не дорожит,
Серая пыль глаза запорошит,
Легкая, взвилась и рассыпаться
спешит.

Стены уже выжжены. Спас, Покров.
Время начинается вихрей и ветров,
Нежных садов и звонких возов,
Сильных полдней и ранних вечеров.

Воздух горяч, и видно далеко,
Видно далеко, и небо высоко.
Пекло, арбузы, дышать легко.
Ты, воспоминание, как маятник
Фуко.

1929

Петр ПОЛАК

Когда подолгу роешься в старых книжках, как в кладовой времени, то иногда происходит что-то мистическое — какой-нибудь сборничек вдруг протискивается из-под спуда, прорывается сквозь груду придавивших его других книжек и пыльным шепотом просит — не забудь. Так было и с книжечкой Петра Полока «Вечер» (1911 г.), о котором — честно признаюсь — я и слыхом раньше не слыхивал. Составитель антологии просит читателей «Огонька» сообщить любые сведения об этом позабытом, но далеко не бесталанном поэте.

* * *

И вот один блуждаю средь могил —
И слышу свист зловещих —
черных крыл,
И слышу хохот жуткой Тишины
На алтаре поруганной Весны.

Тоскует ржавый голос о былом,
Рыдает глухо в сумраке ночном,
И тихо ветер шепчет средь могил:
«Когда-то, где-то,
что-то ты любил».

* * *

Поздний час недоверчив и лжив,
Фонари — ядовитые маки;
Черных улиц змеиный извив
Начертал исполинские знаки,—
Начертал вековые слова
И пугает тревогою жуткой;
Ночь томится мертва — не мертва,
Беспокойная ночь — проституткой.
Знаю, будете обе со мной —
Ты да ночь в этой жути
бесстрастной —
Упиваться моей тишиной,
Извиваться в тоске
сладострастной.
А с рассветом исто́мится ночь —
В небесах расцветут незабудки...
И скользнут вдоль по улице прочь
Две, покорные дню, проститутки.

В. Г. МАЛАХИЕВА-МИРОВИЧ (1878—1952)

Библиографическая редкость, книга Малахиевой-Мирович «Монастырское», до революции могла бы быть сочтена богохульством, а в годы гонений на монастыри — апологией «опиума для народа». Но книга вышла как раз в тот короткий период 1923 года, когда монастыри были уже не в силе, но еще не в полном разоре. Не знаю, была ли поэтесса монашкой, смею только догадываться, что вряд ли. Книга построена как фортепианная пьеса на одну тему, но в нескольких частях, где есть и грусть-тоска у монашенок по вольной волюшке, и вымечтанная в сырости келий сладость греха, и настуканная в стену холодными женскими коленками монастырская азбука одиночества. Если даже это мистификация, то очаровательная. В каталоге библиотеки Тарасенкова числятся многие детские книжки этого автора, последняя из которых помечена 1930-м годом. Биографических сведений достать не удалось.

* * *

Звонко плещется ведро
В глубине колодца черной;
Быстрых капель серебро
На кайме пушистой дерна.

Напоили резеду
И гвоздики, и левкои.
У игуменьи в саду
Маки в огненном бреду
Славят царствие земное.

У колодца шум растет,
Словно улей в час роенья;
Лизавета в мир идет,
Замуж дьяк ее берет —
Искушенье! Искушенье!

* * *

В третьем годе
Мучилась я, Пашенька, головой;
Прямо скажу, что была я вроде
Порченой какой.

Голова болеть начинает —
Сейчас мне лед, порошки,
А я смеюсь, дрожу — поджидаю,
Прилетят ли мои огоньки.

День ли, ночь ли — вдруг
зажигается
Вокруг звезда за звездой,
В хороводы, в узоры сплетаются,
Жужжат, звенят, как пчелиный рой.

Церковь над ними пото́м воссияет,
Невидимые хоры поют —
Не то меня хоронят,
не то венчают,
Не то живую на небо несут.

И так я эту головную боль любила,
Срывала лед, бросала порошки,
Но матушка-сиделка усердно
лечила —
Так и пропали мои огоньки.

Мара ИВАЩЕНКО

Когда-то малоизвестная, а ныне совсем забытая поэтесса. Но, открыв тоненький пожелтевший сборник «Этюды» (1926 год, 300 экз.), я был тронут непосредственностью ее слога. Написанный стихами автопортрет проступил сквозь дымку времени, и мне показалось, что ее глаза улыбнулись с благодарностью за то, что мы ее вспомнили.

ЭКСПРОМТ

Кэпи черное набросив
На пепел спутанных волос,
Хочу молчать, желанье стиснув
И гордо вскинув четкий нос.

В себе мужское уважаю
И вечно женское гублю,
Но словно скрипка я рыдаю
И точно девушка люблю.

Павел ФЛОРЕНСКИЙ (1882—1943)

Ученый-священник, крупнейший религиозный философ. Закончив физико-математический факультет Московского университета в 1904 году, а затем Московскую духовную академию в 1908 году, был профессором, одновременно приняв сан священника. В своих философских работах, близких к В. Соловьеву, развивал теорию человеческого всеединства. Самая знаменитая из этих работ — «Столп и утверждение истины» (1914), к сожалению, не переиздавалась. Был незаконно репрессирован. Стихи Флоренского представляют собой как бы дневниковые записи из его философского дневника.

ЮНОША И АРХИМЕД

(Перевод стихотворения математика К. Г. Якоби[1])

Юноша, жаждущий знанья,
пришел так просить Архимеда:
— В божье искусство, мудрец,
ты посвяти меня; в то
мощное, что оказало услуги
познанью светил недоступных
и за Ураном еще
новую землю нашло...

— Божьим назвал ты искусство;
конечно, таким оно было,—
прежде, чем люди смогли
исчислить орбиты планет.
То же, что в космосе зришь,
есть только божественный отблеск,
а над богами царит
сущее вечно ЧИСЛО.

Москва, 1902

Вениамин КИСИН (1897—1922)

Автор единственной книжки «Мирское сердце», изданной в 1929 году в количестве (40!) экземпляров. Его брат, художник Б. Кисин, приславший мне эту книгу, пишет: «В 1922 году, прожив всего 25 лет, от пули неизвестного убийцы погиб мой брат. О нем положительно отозвался В. Брюсов. Дружил с ним и Б. Пастернак. После трагической смерти брата о нем писали С. Городецкий, П. Радимов, Б. Пильняк».

* * *

Будет, будет: Россию за обжи
вертеть,—
Только ветер чрез поле,
чрез русское поле,
Только кланяться чуду,
версте и версте,
Только миру потрясться
гремучим глаголом.
К развеселому дому в расшитой
рубашке.
Сапоги дегтяные. На скулах лес.
Буреломный валежник на тяжелой
башке.
Спьяну девку обидеть —
и пальцем корявым
Виновато притронуться
к мокрым щекам.
Обуянному бешеным нравом —
Вдруг заскулить, ветер рядом
в роще как...
Выбить зубы и глаз вышибале
здоровенному
И спрятать любовно под рубашку
грязного,
Паршивого, шелудивого щенка.
Россия! Сероовинная!
Громовою стрелкой в тучи
пущена...
Смерть бродяга около меня.
Около. Около.
Ворочается в моих кишках.
Склони свое звериное око.
Укачай на косматых руках.
Россия моя! Древлянская,
непролазная,
Растопырившаяся в бескрайний
край.
Баба Яга кривоглазая —
Прости ль — сказать — прощай!
Мне, чуж-чужанину,
Так родна, жестока и близка
Материнская, сестрина, женина
Бледнолицая твоя тоска.
И хмель твой
прогоркло-бражный,
И мамонтов кременный клык,
И перекати-поле в меже
подорважной,
И сермяжный шепот ветлы.

[1] *Примечание:* Якоби Карл Густав (1804—1851) — выдающийся немецкий математик, один из создателей теории эллиптических функций. Стихотворение написано П. А. Флоренским в период обучения на физико-математическом факультете Московского университета (1900—1904 гг.)

ФОТОВЕРНИСАЖ

ЦЫГАНСКИЕ М

Внутренняя готовность к своему предназначению всегда сопутствует подлинному таланту. Достаточно случая, счастливого совпадения, чтобы призвание определилось сразу и навсегда осветило жизнь.

Ляля Кузнецова, фотограф из Казани, взяла в руки камеру случайно: подруга дала свою и попросила сделать снимок на память. Ей пришлось самой поставить выдержку, навести на резкость, показать, где нужно нажать,— Ляля тогда ничего не умела. «Но в то мгновение,— вспоминает она,— я почувствовала, что в моих руках то, чего не хватало мне всю жизнь, я поняла, что это — судьба».

Мастерство пришло сразу, уверенно и свободно. Она работала с таким неистовым увлечением, что не заметила, как овладела ремеслом. Может быть, дело было в том, что Ляля интуитивно чувствовала «свою» тему, стремилась снимать то, что могло выразить ее отношение к миру, мысли, состояние души... Горячей и страстной была ее

ЗАГАДОЧНЫЙ НАРОД, ОТВЕРГАЮЩИЙ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА, КАК И СТОЛЕТИЯ НАЗАД, ПОСТУЛАТЫ И ЦЕННОСТИ НАШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ — КОМФОРТ, ПРЕСТИЖ, БЛАГОУСТРОЕННУЮ УПОРЯДОЧЕННОСТЬ БЫТИЯ. КУДА ВЛЕЧЕТ ИХ БЕСПОКОЙНЫЙ ДУХ КОЧЕВИЙ?

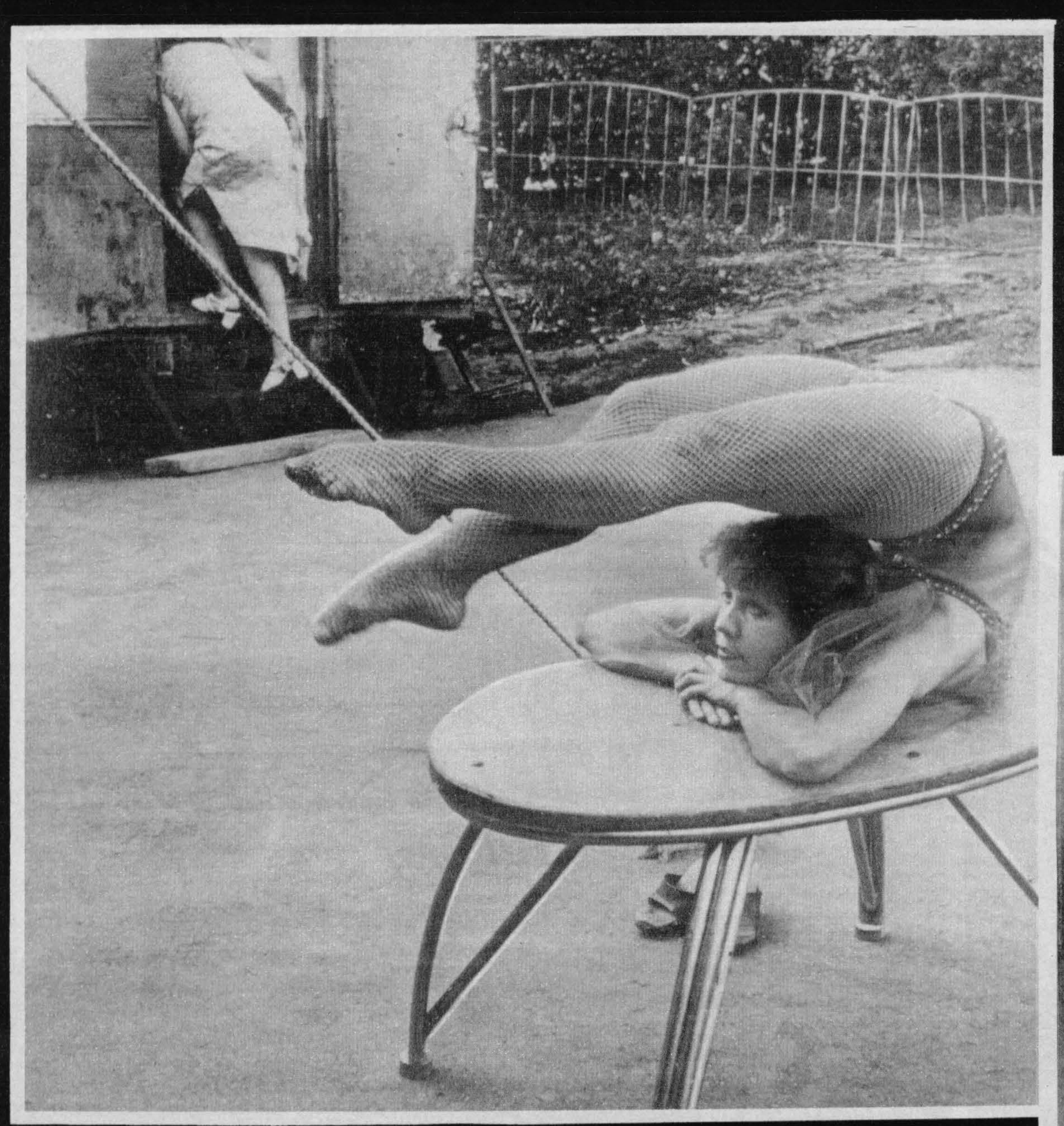
СТЕПНАЯ ШИРЬ И РАЗМАХ, ЖИВОПИСНОСТЬ ШАТРОВ, ЛУКУЛЛОВО ОБИЛИЕ МУЖСКИХ ТРАПЕЗ.
КОЧЕВНИЦЫ, УВЕШАННЫЕ ГРОЗДЬЯМИ ДЕТЕЙ, И ДЕТИ, РАНО БЕРУЩИЕ НА СЕБЯ ВЗРОСЛЫЕ ЗАБОТЫ, ПОЗНАЮЩИЕ НЕ ТОЛЬКО ОКРЫЛЕННОСТЬ СВОБОДЫ, НО И ГОРЬКОЕ УНИЖЕНИЕ ОТВЕРЖЕННОСТИ.

ОТИВЫ

душа — и Ляля начала снимать цыган. В то время было трудно рассчитывать на то, что подобная тема найдет себе место на страницах печатных изданий. Но настоящий мастер не подлаживается под конъюнктуру.

«Кочевники привлекали меня своей свободой,— вспоминает Ляля.— Непросто завоевать доверие табора; постепенно это пришло. Новость о моем приезде идет от табора к табору. Бывало, что табор отвергал меня, но чаще меня принимали как свою».

Сначала ее увлекала возможность снимать необычных людей в необычайных обстоятельствах, позже, когда она глубже стала понимать жизнь цыган, фотографии стали передавать не только романтизированный, заданный литературными канонами образ свободы, но и суровую реальность таборной жизни.

Ляля Кузнецова удивительно точно угадывает те мгновения, которые следует задержать и рассмотреть. Она одержима стремлением понять, взять на себя чужую боль. Ее фотографии интересны не только психологическим состоянием, в них ощутим глубокий социальный подтекст. Верность теме угадывается и в цикле снимков о жизни артистов цирка Шапито, об их кочевой судьбе.

Блестящие костюмы и лучезарные маски цирковых артистов — неустроенная жизнь и внутреннее одиночество, снова, как и в цыганской серии, берущий за душу контраст между свобо-

ЦЫГАНСКИЕ МОТИВЫ

ЛЮДИ ЦИРКА ВСЕГДА МОЛОДЫ, ОТЧАЯННО ХРАБРЫ И КРАСИВЫ. ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ, ТАКИМИ ОНИ ДОЛЖНЫ КАЗАТЬСЯ, КОГДА ВЫХОДЯТ НА АРЕНУ. БЕСКОНЕЧНО ТЯЖЕЛЫЙ, УБОГИЙ БЫТ, НЕУСТРОЕННОСТЬ, ОПАСНЫЙ ТРУД, РАННИЕ МОРЩИНЫ — ЭТО ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЦИРКОВОГО БЛЕСКА.

дой, раскованностью и суровыми законами кочевой жизни.

Не так уж много лет занимается Л. Кузнецова фотографией. Ее первые снимки датированы всего лишь 1979 годом. Но за это недолгое время она стала художником, умеющим многое рассказать и о своих героях, и о себе.

Ляля Кузнецова — участник многих советских и зарубежных фотографических выставок. Ее творчеству посвящен короткометражный документальный фильм, выпущенный в прошлом году Центральной студией документальных фильмов.

Сейчас Ляля Кузнецова работает фотографом в Казанском Доме моды.

Творческая фотография редко приносит автору обильные «дивиденды», но Ляля считает ее своей жизненной опорой, и не подлежит сомнению истинность ее слов: «Фотография — это то, что останется со мной навсегда».

Виктория КУДРИНА

В УЧЕНИЕ О КАЛЫМЕ ВВОДИЛ МЕНЯ СТУДЕНТ ПОЛИТЕХА. МНЕ ЕГО, СКОРЕЕ ВСЕГО, ПОСЛАЛ БОГ. СИДЕЛ Я У ФОНТАНА. СОЛНЫШКО, ЛЕТУЧИЕ СТРУИ, РОВНЫЙ ШУМ, ЗЕЛЕНЬ И ЗАПАХ ТРАВЫ — И ЦЕЛЫЙ ЧАС СЛАДКОЙ ЖИЗНИ, ДО МОМЕНТА, КОГДА АЭРОФЛОТСКИЙ НАЧАЛЬНИК ВОЛКОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ВЕРНЕТСЯ С ОБЕДА И ДАСТ (ИЛИ НЕ ДАСТ) РАЗРЕШЕНИЕ НА БИЛЕТ ИЗ АШХАБАДА В МОСКВУ.

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО

I

Сидел под сенью струй знаменитой новой площади и вносил в блокнот казавшееся мне дельным и значительным. А именно: что для туркмена русский сырой и промозглый Север с бесчисленными речками, протоками, озерами и повсеместной даровой травой мог бы на некоторое (может, бесконечно малое) время показаться раем. Наклонись — и черпай. Лей — не жалей. Хочешь — плещись, хочешь — пои отары. После аридного Узбоя, после солончаков Мургаба, старых, как миф об Искандере, после желтых китообразных барханов, вползающих в Сарыкамыш — море подпольной экономики, море негативных явлений, после дневной мглы над Ашхабадом, когда и без облаков диск солнца тускл, как пуговица отставника, русский избыток чуть торфяных, желтоватых, чистейших вод, мягких ненужных трав, прохлада северных дней и занавес облаков перед сдержанным светилом могут и даже должны понравиться.

Но очень скоро захочется дынь. И молока верблюдицы, сквашенного и разведенного водой. Молодой картошки в апреле. Лепешек на заре, испеченных на жаре саксаула, если отец — чабан, или на стеблях прошлогоднего хлопчатника, если кишлак стоит у канала. Захочется жары, запаха тамариска, сухости ветра, белого солнца пустыни — и мягкую селигерскую Русь туркмен почтет для себя адом, проклятием, ссылкой.

Просто замечательно, что в сочинениях Белова Василия Ивановича практически не прочтешь, что было сыро, мокро, отовсюду текло, ровно как и в талантливых, хотя и не во всем зрелых произведениях лауреата премии комсомола Кызыл-Арватского района Чельдыева Абдирахмана нет указаний на жару, пот, атмосферу финской бани. Суум квикве. Каждому свое.

Тут-то он и подошел ко мне, несколько пригибаясь и протягивая обе руки. Спросив — «Ну как?», он моего ответа не дождался и сам сказал: «Ничего». Я принял его за дружинника: сейчас начнет стыдить-выпроваживать. Но он спросил:

— Вы поэт?

Безумно лестен, оказывается, и сам вопрос. Уклоняясь от прямого «нет», я перевел стрелку на самое надежное. Эта площадь фонтанная, библиотека, Каракумстрой и прочее — все это после землетрясения, а до того были же, наверно, в Ашхабаде и самобытные, традиционные, стародавние дома?

Он родился в 65-м году и о землетрясении только слышал. Тогда погибли все братья его отца, а отец уехал в аул к родичам, почему и остался жив.

Он был полноват, коренаст и не соответствовал каноническим, идущим от профессора Яворского, антропометрическим представлениям о туркменах: худощавость, рост высокий, цвет волос темный, быстрота движений. Что ж, каков есть.

Через пять минут я уже знал о нем самое главное: он на редкость удачлив, жизнь его прекрасна и удивительна. Сказочное везение делает щедрым — он подсаживал и меня на крышу собственного успеха. По-судакски говоря, «фастался». Не привирал, не «лапшу на уши вешал», а «фастался» именно так, как и я когда-то «фастался» перед отдыхающими Рабочего уголка в Алуште, торопясь показать мидии-миндали-медузы-мимозы-мускаты моего Крыма, как потом «фастался» перед Овечкиным, распахивая заросшую сорняками, необстроенную целину Прииртышья, будто я сам сотворил это к 1960 году... В ярославских деревнях еще живо присловье: «Здравствуйте, проходите — хвастайте»... Кажите себя, демонстрируйте достижения. «Фастался» и он. А поскольку кормящий ландшафт издали мог быть для меня непонятным, еще и добродушно растолковывал мне, как тот устроен и сцеплен в деталях. Вскоре оказалось, что, рассматривая его долины ценностей, хребты моральных канонов, скаты привилегий и обязанностей, я сам тоже становился виден аулам. Их общественный взор изучал меня с этнографическим интересом и потаенным сожалением. Возникал паритет непохожести.

Он был студентом Политеха — отделение гражданского строительства. «Два раза поступал — на третий раз поступил». Нет, не платил ничего. Отец сказал: «Я сам учился — и ты сам учись». Он и учится. Сорок рублей стипендии, и через два дня на третий сторожем при универмаге, еще восемьдесят — вот так хватает (он провел пальцем по горлу). «Одежду надо, да? Тогда из дома беру. Кушать — не беру, сам найду». Отец — учитель в сельской школе, получает 280 и — участок тридцать пять соток, «картошка-мартошка», тоже можно продать, покупают только мешки муки, сахар, чай; мать тоже детей учит, старший брат погиб в Афганистане, есть еще пять сестер, троих уже продали замуж.

— Калым у нас самый меньший — двадцать пять тысяч, а здесь (в Ашхабаде) — сорок! И каждый год больше.

Он сразу же вбил в меня три аксиомы. Русский думает, что калым — это ты свои деньги получаешь назад: чем больше на дочку истратил, тем дороже будешь просить. Наоборот. Если девушка городская, в институте, всюду гуляет, видит всякое нехорошее — за нее уже много не дадут, хотя и получать она будет много, триста рублей будет приносить. Если она аспирантка или кандидат — вообще маленький калым: она же просто старая, в 18 лет аспиранткой не будешь! А матери ценят девочку из аула, нигде не была, не испорченная, она будет покорная, тихая, настоящая жена своему мужу — вот здесь и сорок тысяч можно запросить. Затем: калым — дело не молодых, а старших, жених ничего не платит, за него дает отец, он собирает с родни и близких. А когда молодой хозяин встанет на ноги — он тоже начнет приплачивать, сначала на женитьбу своих младших братьев, а потом на калым своему роду. И теперь платят только деньгами! Не барашками, не коврами, не мешками зерна (а прежде и зерном можно было), не сберкнижками даже, а просто: принесут в дом невесты пачки денег и там считают. Можно не сразу, можно устроить комсомольскую свадьбу, если родители — начальство, а потом расплатиться. Чаще всего тот, кто сына женит, набирает в долг, тридцать — сорок тысяч наличными редко у кого есть. Словом: русский говорит — «я женился», тркмен (он произносил именно так — «тркмен») скажет — «меня женили».

Наконец, калым — дело тайное, против советских законов, суд бывает, конечно, редко, но все-таки могут и судить, поэтому знают о величине калыма только двое: отец жениха и отец невесты. Вернее, матери знают, потому что они торгуются из-за подарков всей родне, приданого невесте, расходов на свадьбу, а главное и основное — о денежной сумме за девушку. А жених с невестой знают? Еще бы! Это ж невеста говорит ему: «Если ты меня правда любишь, найди денег, ведь Берды нашел и Аннагельды достал. Разве я хуже тех девчонок?» И это он ей в кино или на лекции шепчет: «Отец сказал — двадцать семь тысяч уже есть, скоро мы будем вместе». А родня? И родня, конечно, знает, потому что каждый помнит, сколько его тысяч во всем калыме. И когда о девушке спрашивают — «за кого отдали?», непременно узнают — «сколько взяли?». Соврать нельзя, потому что уличат — осмеют потом молодых... Но считается, что знают только отцы. Чтоб оставалось совершенно секретно. Человек всю жизнь помнит, у кого сколько взял и кому сколько даст, бухгалтерия такая — ЭВМ не выдержит?..

Будучи еще аспирантом калымологии, я услышал мнение русской женщины, офицерской жены, прожившей в военных городках среднеазиатских пустынь не один десяток лет.

— Слушайте вы их! — махала рукой моя Евгения Васильевна.— Приврано раз в десять, фарс один! Лишь бы уговорились два дома насчет суммы, а там иди проверяй. Да вы только представьте, что это правда, те сорок тысяч! Это ж миллиарды должны в обороте быть, а где они? В аулах живут на лепешках да чае. Детвора, «баллалар» эти самые, месяцев семь в году едят один «каун-чурек», дыню с лепешкой — голь перекатная!

Она была чистый Максим Максимыч взглядами, да и добродушна, уживчива точно так же. Скепсис же ее стоял на том, что, даже командуя дивизией, при таких ценах сынов не устроишь. Не мог же ее Колянчик, и герой, и полковник, стоить дешевле, чем председатель из Байрам-Али?!

Этому недоверию противоположен другой взгляд, национально-романтический, когда калым воплощает удаль, дерзость, вроде как богатырство, и, значит, предела калыму нет, и в разных вариантах рассказывается такая фольклорная история.

У известного председателя, героя, депутата и все, что положено, была дочь, студентка, красавица из красавиц, а уж достаток воображайте сами. Вдруг из Каракумов приезжает старый чабан — сватать ее за своего сына. Депутат усмехнулся — экий, дескать, храбрец, однако же «нет» не сказал, а решил посмеяться. Поставлю, мол, на одну чашу весов дочку, а ты на другую чашу деньги клади, выровняются — увози! У туркменов так: если сторона жениха твой запрос приняла — назад хода нет, отдавай. Это ведь народ пустынной демократии: элиты никакой, а бухарского монархизма как идеи и быть не может.

Чабан сказал условия сыну, а тот скрипнул зубами, побледнел: согласился! Председатель и рад бы назад, да дороги нет, свое слово дороже: уравновесили чаши, по рукам — и увез молодой муж студентку в пески... Рассказывали эту историю и на размытых стенах мертвого Мерва, и у исправной гидростанции «государева имения», работающего без ремонта все свои восемьдесят лет, и у минаретов Куня-Ургенча в йомудском оазисе Ташауз. Колебалось только достоинство взвешиваемых купюр: реалисты стояли за рубли и трешницы, радикалы — за красные

червонцы. Поскольку у чабана на дальней точке его собственная отара, помимо совхозной, достигает и пятисот голов, взрослая овца стоит не меньше 120 рублей, а за год стадо обыкновенно удваивается, то пятидесятитысячный годовой доход одной пастушеской семьи (зарплата из совхоза и шерсть с овец не в счет) — не миф и не фантазия, а скорее теоретическая возможность. Впрочем, я уже упоминал слово «фольклор» и готов отнести сюжет к устному народному творчеству.

Работа над диссертацией принесла мне дореволюционные сведения земцев: калым среди туркмен поднимается до огромной стоимости в полторы тысячи рублей, и корень якобы в физиологических особенностях обитателей пустынь, т. е. в превышении рождаемости мальчиков над девочками, отчего значительный процент мужчин обречен на целомудренную жизнь, доля холостых в некоторых родах достигала четверти. Продавали дочерей еще девочками...

— Вон идут семьдесят пять тысяч! — мотнул головой мой молодой лектор и посмеялся.

Прошли три тополя: фиолетовый с зеленым, черно-бархатный с малиновым, бордовый с золотым. Чему-то между собою смеялись — раскованные и вовсе не боящиеся своих стоимостей. Покрой платьев одинаковый, разрез на груди и длина до пят. (Я видел даже диспетчершу «Аэрофлота» в юбке из форменной темно-синей шерсти, но до щиколоток.) Варьирует в платьях материал, его цвет и цена. Естественно, будет подобран головной платок, равно как и серебряная брошь на грудь. Вообще же элегантность и даже роскошь аульской выходной женской моды таковы, что мне часто со стоном вспоминались выгоревшие ситчики крымских теток с рисунком немыслимой тоски, фланелевые их халаты с пуговицами до подола и плечевые округлости диаметром со стегно. Стандарт Тавриды с малыми отклонениями держится с войны и, судя по всему, войдет в век XXI.

Когда среди пыльной дороги и глинистого пейзажа с низкорослыми от близкой воды деревьями вдруг увидишь пурпур, лазурь или малахит, «голосующий» до ближнего базара, то соглашаешься, что женщина — впрямь самое дорогое на этом несовершенном свете.

Но не стыдно ли отцу-учителю продавать дочерей?

— А милиция не продает? А прокурор не берет калым? — с разъедающей иронией отвечал мой Вергилий.— Да они по три тысячи дают только за то, чтобы поступить в школу милиции! Пятнадцать тысяч — за то, чтобы получить распределение в родные места, где все близкие, можно брать и не бояться. И калым дают!

Прямо ходячий прейскурант. Почему органы внутренних дел должны были состоять из идеалистов, отвергающих калым как таковой, а учительству хватало бы следования и подражания? Где он узнал цифру вступительно-приемного взноса? Не ведаю. Но не хочу рушить систему аргументов «парня с улицы». В нечаянном знакомце мне важно сохранить то состояние молодой души, когда все свое тебе любо-дорого — и очень хочется, чтобы это завистливо оценил пришелец издалека. Что ж до милиции, то и анализы времен перестройки подтвердили факт: особую притягательность милицейской формы для среднеазиатских долин. Реализовать свое «мне нужно» человек в сером мундире может в кишлаке или в ауле с такой простотой, какой западные регионы не воображают. На перевале за Иссык-Кулем, возле поста ГАИ, я наблюдал раз очаровательную, семейную по простоте сцену. Грузному капитану вынесли столик в прохладу, он там сидел с платком под фуражкой, а молодые сержанты с сыновним послушанием останавливали весь транспорт — и буквально всех спешенных шоферов подгоняли к столику простяги-капитана. Что водителям стоила аудиенция — не знаю: наш телевизионный «раф» решил ничего не давать. ГАИ отбирает у водителей бензин настолько повсеместно и методично, что новый первый секретарь обкома в Нукусе начал именно с поездок в кабинах грузовиков: постараться умерить условные рефлексы. Командный пост в райкоме, в райторге, в суде — это все-таки власть опосредственная, без милиции и она не обойдется, но джигит в мышастом кителе с алым кантом — это уже могущество в чистом виде, предмет мечтаний, реализованная удача. «По неполным данным, в органах внутренних дел и прокуратуры области,— пишет о Чарджоу «Правда»,— работают 63 человека, близкие родственники которых привлекались к уголовной ответственности, около 140 работников имеют между собой родственные связи... Причем ключевые посты оседлали уроженцы Дейнауского, Фарабского и Чарджоуского районов, откуда родом, между прочим, и многие руководители области». Сращивание!

Вот почему «руководство» и «милиционер» в представлениях студента-лектора — практически два названия одного и того же. Лихой аламан, ловец удачи в оазисах соседней Персии, ушел в легенды, в небытие — сержант милиции на родине, где не выдадут и всегда поддержат, может финансово джигитовать без ахалтекинца, без перестрелок и без возни с продажей рабов-персов.

Кстати сказать, письменные источники строго различают в прошлом аламанство, закордонные набеги ради угона скота и рабов, от калтаманства, обычного грабежа среди своих. «По обычаям дедов, нельзя было трогать только членов своего рода,— читаем в старом земском исследовании,— все же прочее подлежало разгрому удальцов, которых поддерживали родичи, поощряя молодежь на подвиги, развивавшие такие черты, как храбрость, удаль, сила и ловкость».

II

— А у вас есть дети? — вдруг спрашивает Вергилий.

— Есть,— киваю,— сын. Женат, у него тоже сын. Один.

— А вы ничего не давали сыну... в приданое?

«Калым» он к чужой действительности не применяет. «Приданое».

Нет, ничего. Если б сын ждал, когда очерками о пшенице или картошке отец накопит приличествующие столицам 40 тысяч, внука долго-долго на свете бы не было.

— А почему у русских не бывает настоящей семьи? Только один ребенок или два... Правда, что у вас разводятся, когда хотят, а не разводятся, так живут с другими? Почему семью не ценят, не любят детей? Почему у вас отцы не имеют денег и не исполняют родительский долг?

Это был один, как теперь говорят, пакет вопросов. Другой пакет был порожден, видимо, сравнительной откровенностью моих ответов. Откровенность шла из нежелания врать, чтобы потом не отплевываться наедине в гостинице, не стонать, будто наелся дряни. Но второй пакет, к чему скрывать, вызвал массу пестрых эмоций, их пришлось одолевать, связывать. И белгородские деды, служившие будто бы у белого генерала Скобелева и якобы топавшие в яловых сапогах до самого Уфра, что значило «Укрепленный форт Русской армии», ныне Красноводск,— деды в белых гимнастерках тоже отчего-то вспомнились, пришлось вязать и их, целая мобильная боевая группа понадобилась, чтобы остаться сдержанным и расположенным к дальнейшей беседе. Вот второй его пакет.

Я не уверен, что отвечал самым правильным образом, но, слава богу, не ярился, не вздорил, был миролюбив, как и надлежит начинающему аксакалу. В ответ на его претензии к поставкам в республику, я ответил, что из России идет даровой хлеб и даровой сахар. (Оппонент был согласен, что цены на муку и песок при здешнем уровне жизни почти символические.) А это главная еда аула. Если эту трубку из России пережать, отец на другой же год отдаст оставшихся невест даром. Что в Туркмению идут сорок тысяч тонн мяса ежегодно, он не знал, но не возражал: если перестанут завозить мороженые туши, овца подскочит до двух, не меньше, сотен рублей.

— А кто перерезал отары, чтобы всю землю — под хлопок? Кто с воздуха яд высыпает, теперь корову нельзя держать? Кто землю испортил удобрениями, что дыни стали вредные, можно отравиться?

И т. д. и т. п.

Однако же не могу сказать, будто с этого момента

У Казбека с Шат-горою
Был великий спор...

Нет, обоюдно действовали предохранители. Он не забывал в своих вопросах-уколах, что — несмотря на помехи извне — образцово, всем на зависть живет все-таки именно он, везун и счастливчик. И в армии служил не просто, а в ГДР, и во время уборки картофеля выезжал из расположения даже в немецкие дорфы. В армии он остерегался говорить русским ребятам, что отец ему купит невесту не меньше чем за сорок тысяч, хошар (сообщество) построит ему дом... У тех ребят даже общаги не было в близком будущем, хоть назад в деревню возвращайся.

Я тоже недоговаривал, скрытничал, потому что социографически рыльце мое было в пуху, да и больше: весь получался вывалян в перьях. Не смел открыть ему и половины того, что мы «в России» печатаем теперь в миллионных журналах, чего он не читает. И слава богу, что так, иначе бы он не про одного ребенка в семье мне говорил, а про разворочанный обухом и оглоблей улей, где уже не до порядка — сохранить бы пчелиную семью, выжить.

Да разреши мы себе всамделишный «великий спор»...

Я бы ему — о рабстве женщины, какое феодализирует все общество, делает его несвободным. А он бы мне — об «отказницах», бросающих детей в роддомах, что, с точки зрения рожденного в тени минаретов, есть злодейство порочней кровосмешения, гаже изнасилования. Чтобы «ана» бросила «бала»? Так собака не делает, мерзкая свинья так не поступит.

Я бы ему — о вторичном одичании: после физкультурных парадов предвоенной поры, когда девушки из аулов решались делать пирамиды в маечках-трусах, после почти полного угасания калыма в бедные годы Победы — расцвет торговли женщинами. Да в таком размере, что уже и богомольные старики-нравоправители поговаривают о вводе стабильных цен, предельных и равных калымов.

Он бы мне — о женитьбах паутинной прочности: в крупнейших городах с европейским населением один развод приходится на два вновь регистрируемых брака, причем у трети разводящихся совместная жизнь продолжалась от недель до четырех лет.

Я бы ему — о немыслимом числе беременностей, истощающих организм аульской-кишлачной женщины уже к 35—40 годам, об отсталом детском развитии в силу белкового дефицита, о практически бесписьменных допризывниках, хотя и что-то где-то — по документам — окончивших.

Он бы мне... В городах Федерации исследованиями выявлено: из 12 тысяч беременностей 33,3 процента, ровнехонько треть, заканчиваются абортами, из общего числа новорожденных одна треть появляются вне брака, а у матерей 16—17 лет — почти половина. Лимитчики, общаги — и птенцы без гнезда...

Я бы ему о том, что всему есть причины. 18,2 процента опрошенных пар (в России, разумеется) не желают иметь детей. Первое — не с кем оставить ребенка, второе — надо дать хорошее воспитание уже рожденному ребенку, третье — стесненные жилищные условия, четвертое — материальные затруднения, пятое — перегрузка матери, отчего страдает ее профессиональная деятельность и культурный рост.

А он бы вдруг вздохнул — и прочитал бы японское хокку:

«Нет покоя от детей!»
Для таких людей, наверно,
И вишневый цвет не мил.

Ни один из перечисленных мотивов не имеет ни веса, ни значения за глиняным дувалом в туркменском прохладном доме с плоской крышей, где усадьба под люцерной и морковью, а горячее едят один раз в день, вечером! Ребенка оставлять и не надо, потому что старший нянчит младшего, в каждом дворе — не ребенок, а дети, и бездетная семья есть уродство, беда, никто не только не может желать жизни без детей, а и смириться с этим не смеет. «Дети есть — базар, детей нет — мазар (кладбище)» — это пословица едва ли не всех тюркских народов. В сцепке-лесенке рожденный в ауле пребывает до призыва в армию, а по возвращении — лесенка женитьб, калымов, выплат. Жилищные условия зависят не от панельных домов, а от наличия места, глины и баранины для полусотни глиномесов, водопровод, унитаз и паркет практически никого не волнуют. Материальные возможности? Да на что же и тратиться, как не на детей? Культурный рост супруги, профессия ее? А что значительней, чем профессия матери? Разве не числом поднятых детей выражается достоинство женщины? Когда на великих и малых сборищах седые люди в очках вроде бы серьезно говорят, что двадцать или двадцать пять процентов населения Мары или Чарджоу «не участвуют

в общественно полезном труде», они ж матерей имеют в виду, хозяек, опору быта! Те седые читают с трибун. Кто-то слушающий делает вид, будто старается впрячь матерей в службу на консервном или хлопкоочистительном заводе, а двадцать-то процентов так и остаются в дувальной тени. Россия между тем только подбирается к признанию, что ноша многодетной матери и есть абсолютный, единственный по значимости общественный труд.

Я бы ему, везунчику,— опубликованные данные Госкомстата, что он, поддразнивающий меня, живет не лучше, а хуже, беднее, теснее других. Средняя сельская обеспеченность жильем в Туркмении — 10 квадратных метров, в Узбекистане — почти столько же, в Таджикской республике даже меньше — 7,6, тогда как в РСФСР — 17,1 метра, в среднем по Союзу — шестнадцать, а в Эстонии — 26,6! Канализацией в Эстонии снабжено 70 процентов жилого фонда колхозов, в Туркмении — ноль, прочерк; там ванны в 62 процентах домов и горячая вода — в каждом втором доме, здесь — прочерк, ноль, такого просто не знают. В Российской Федерации, как ни худы дела, канализация проведена в 22 процента сельского жилья, водопровод — в 37, центральное отопление и ванны — в 18. В Таджикистане порядок цифр таков: 0,3 процента, 14,5, отопление — 0,1 и ванны — 0,3. Где же ваше лучше? Получается-то — хуже!!

Зато!! Зато, вскочил бы на ноги мой молодой эрудит, состав ста сельских семей в Туркмении — 725 человек, в Таджикистане — даже 762, а на Украине — 302, в Белоруссии — даже 260! Значит, и по одному малышу на семью не выходит, амбец? Ряд регионов Нечерноземной зоны оказался перед чертой, за которой — депопуляция, вымирание и воочию видна опасность нарастания в народонаселении патологического груза, прежде всего врожденной умственной отсталости, олигофрении в результате отравления материнского организма алкоголем. Какой вам еще Чернобыль?! И водка сделает свое! Семьи, обладающие оптимальными возможностями в области воспроизводства человека (в том числе и духовными ресурсами), почти до предела ограничивают свою репродуктивную функцию — это как изволите объяснить?

У Пушкина, вдруг треснул бы он кулаками по скамье, за шесть лет брака родилось четверо детей! У Льва Толстого появилось на свет одиннадцать! А у вас женщины с высшим образованием, судя по переписи, родили 1279 детей на тысячу, которые же не окончили даже начальной школы — 3433! Так впрямь ли такая культура — свет? Не резонно ли за невестку с дипломом платить меньше?

III

Вот тут-то — и не раньше — я сказал бы ему о самосожжениях. О леденящей кровь статистике протеста: по двадцать, по тридцать случаев в год на область. Девушка выбирает единственный путь настоять на своем, остаться человеком: тайком на край усадьбы, быстренько облить керосином одежду, волосы, сохранить сухим коробок спичек, дальше молитва, серка о серку — и факел. Обманули с калымом, отдают не за того, выучили, раскрыли мир — и назад в гнилую яму... Или мучат свекровь и семья мужа, травят невестки, унижает род, муж отсылает домой к отцу — канистру за сарай, факел! Это не самосожжения, почтеннейший коллега, это средневековые казни, аутодафе. Только не на площадях с инквизиторами, а на задворках с ягнятами. По сути же — расправы, охота за ведьмами.

Огонь высекается несоответствием между тем, что провозглашается, чему учат в школах — и реальностью за дувалом. И если уж о степени совпадения идейной словесности и бытия, так в прежнем полукочевом, ограниченно шариатском туркменском быту его (совпадения) было, наверно, гораздо больше. Вот как говорил в 1909 году академически объективный «Туркестан», открывая читающей России особенности именно туркменов.

«Они были совершенно свободны (до покорения царем.— **Ю. Ч.**), не делились на сословия и не имели наследственной власти. Женщина пользовалась и пользуется у них гораздо большими правами, чем у остальных кочевников края. Она не живет замкнутой гаремной жизнью, ходит с открытым лицом, только иногда закрывая рот и подбородок... Она ходит за скотом, расставляет и убирает юрту, ухаживает за огородом, если таковой имеется, плетет ковры и является скорее советницей и помощницей мужа, чем его рабой. Такое положение женщины особенно рельефно выступает в семье бедняков».

У меня, признаю, сложная ситуация. Когда вели речь о туркменских обычаях академические или земские авторы, их тылы в демографическом, социальном, статистическом смысле были более или менее благополучны. И домостроя отрыжки, и неравноправие российской женщины, и малолетние проститутки в Хамовниках (вспомните статьи Толстого), и церковный, навек решающий судьбу брак — все это, разумеется, было. Однако же и менялось многое, и население великоросских губерний круто росло — присоединенные **земли** Туркестана приходилось осваивать, отселяя сюда русских. В освещении обычаев среднеазиатского населения, увы, было много «от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ». Однако же не было и речи о живых факелах, освещающих какие-то небывалые, новые кризисы!

— Ну что ж,— примет и эту, невеселую и для меня карту внезапно возмужавший оппонент.— Это хорошо — без табу! «Увидишь змею в доме друга — убей ее» — действительно честный принцип дискуссий. Умолчания и недомолвки в сферах, нами затронутых, тоже могут, конечно, служить единству. Но не единству народов, а единству аппарата — тому единству, какое приводило в негодование диктовавшего последние статьи Владимира Ильича. «Защитить инородцев от истинно русского держиморды...» — стержень ленинской антибюрократической войны применительно к Туркестану. Но разве разжигание мятежа в традиционной тюркской семье, прямое уравнение приниженности женщины с классовой расстановкой сил, с классовой борьбой не было восточным вариантом истории Павлика Морозова? Разрушить семью изнутри, рассечь вековые связи, уничтожить тысячелетние ценностные ориентации в пять — десять лет — и не родить при этом эха, отката, противодействия?

Сказав так, ученый оппонент не преминет напомнить мне о деле — «Деле вдовы Начар». Это глава «Кара-Бугаза». Паустовский дал героине невозможное за Каспием, но обобщающее имя: «Начар» значит неравноправная.

Вдова бедняка Мурада «по закону шариата» ограблена родом, у нее украли и неизвестно куда продали ее дочь... Более чем сомнительная нагрузка на шариат, веками хранивший такую ли, сякую, но — справедливость и создавший особый институт духовных судей-казиев именно для наблюдения за имущественными спорами. Но в тридцатые годы и не такое слыхали! «Она ушла ночью тайком в Красноводск, взяв с собою мальчика. Начар хотела жаловаться большевикам-судьям и русским женщинам, которые защищают туркменских женщин от мужей, но старики догнали ее недалеко от аула, избили и вернули обратно. Вчера к ней пришли трое эвлядов (старшин) и табиб (лекарь, знахарь), называли ее блудливой козой, грозили убить ее...».

Геолог Прокофьев берет вдову Начар в Красноводск, ведет ее там в райком партии. Заведующая женотделом Бариль, «вспыльчивая и упрямая женщина, постоянно ронявшая пенсне», быстро создает дело «о пережитках варварского быта, выразившихся в истязании и преследовании гражданки Начар». Табиб и шесть старшин рода арестованы. «Приговор был суровый: пять лет каждому, с высылкой после отбытия наказания из пределов Туркменской республики». Судьбу Начар решила товарищ Бариль: «Я отправлю ее в Баку на швейную фабрику. Но надо, чтобы раньше она перестала пугаться мужчин и автомобилей».

— На автомобили я согласен,— усмехается оппонент.— Но мужчин, которые обезглавили весь род бедняка Мурада, заключив в лагерь четверых за одну, нельзя перестать пугаться! Да и судьбой самой Начар как распорядились? Ее же действительно отправили за море, фактически тоже сослали. А мальчик, ее сын,— и он потерял родину! Итог — шесть политических расправ за одно шариатское варварство. А прикиньте пунктиром судьбу тех белобородых старшин. Беломорканал. Север, камни, голод, вохра, полное незнание языка. Выжили — канал Москва — Волга, лагеря у Икши. Выжили — вторичные посадки. Линия вдовы Начар? Бакинская фабрика, общежитие, скорее всего, дорога Бариль, массово-политическая работа... Достижение большой многодетной семьи, основы туркменского счастья, практически исключено. Дело не в благих намерениях геолога Прокофьева, хотя они и благие несомненно — дело в варварских методах борьбы с варварством...

Я же, пришелец, думаю тем временем вот над чем.

«Бюрократия считает самоё себя конечной целью государства».

Это убеждение Маркса может одинаково относиться и к классической германской бюрократии прошлого века, и к новейшим ее мутациям. Не будущее народа, не дети и рост населения как реализация этого будущего, а перевод родительства, деторождения в род частного, хотя и необлагаемого, промысла! Новый людской образец — внесемеен. В роду защитника вдов Прокофьева, романтика-дорожника Хоробрых, у внуков мечтателя Шацкого и других прекрасных душою героев Паустовского явствен комплекс: замкнуть жизнь на себе. Писатель тут ни при чем, он только улавливает время. Есть ли дети у Водопьянова, у Бусыгина, Алексея Толстого, Папанина, Марии Демченко? Это род государственной тайны. Что есть сын у самого Сталина и дочь у него же, вскрыло только пленение и гибель в лагере первого сына, Якова, пьяная слава второго — Василия и поздний побег за границу дочери, Светланы. Брак — извинительная уступка естеству, но все-таки уклонение от цельности и полноты служения вождю и будущему. Семья — область политического сыска: у Калинина и Молотова жены сидят, первым образцом миллионам пионеров представлен доносчик на собственного отца Павлик Морозов. Этически этот ориентир настолько уязвим, что фильм о мальчике-предателе «Бежин луг», снятый Сергеем Эйзенштейном, Сталин приказывает «смыть».

Антирожденческая идеология выдвигает героиню в красной косынке. Вообразить Пашу Ангелину, Гризодубову, Дусю Виноградову (беру, конечно, образы, а не живых людей) с младенцем на руках дико и жутковато. При курсе на истребление крестьянства высылкой целых станиц, ликвидацией кулачества как класса, организованным голодом 1933 года выглядела бы странной линия на многосемейность. Большая семья — почвенническое, старорежимное дело, а молодой агроном или комсомолка — ворошиловский стрелок, инструктор райкома или курсантка Осоавиахима, мечтающие о десяти своих детях в своем дому, были бы обузой, дурью, бредом:

В ущерб любви к отцу народов —
Любая прочая любовь.

— Не понимать ли в таких условиях многодетный дом и жизнь внутри своей семьи как отпор абсолютизму бюрократии? — логичен вопрос моего оппонента.

Что ему сказать? Конечно, «старший брат» в семье народов, прокладывающий путь в лучистое будущее и не производящий для оного будущего детей,— горестный парадокс. Могу судить по времени, когда уже сам — хорошо ли, плохо,- но — кипятился. Пишу в семьдесят первом статью о приросте населения и общественной заботе о детях в Киргизии, в людной Таласской долине. Обсуждает редколлегия «Правды» и — стоп. Как сообразуется это с материалом этого же автора из Калининской области? Там — депопуляция, здесь — крутой рост? Ссорит народы? Подкоп под морально-политическое единство? Бдительность проявлена, дружба народов спасена...

Председатель Гостелерадио Лапин мой фильм «Дерево жизни» отрецензировал кратко: «На руку Рейгану». И, пока не ушел на пенсионные досуги, держал картину на полке. Что же именно на руку президенту? В долинах Ферганы и Чирчика на один колхоз ставят три школы-десятилетки, а на десять вологодских деревень родины Василия Белова — один будущий школьник. Один Леша Карпов, мы подробно, как чудо, сняли его... А если найдется в калужской глубинке многодетное село Волое, так колхоз его окажется отстающим и слабым, потому что в хлебозаготовки отсюда качать нечего. Двадцать восемь только матерей-героинь, откуда же набрать холостых доярок?

Получалось так: что хорошо Фергане и селу Волому, то плохо для Гостелерадио, а что плохо Гостелерадио, то очень приятно Рейгану. Речь не о кругозоре Лапина: корпоративное чутье его не обманывало. Он не мог позволить сообщить по ЦТ, что перед революцией туркмен в границах Российской империи жило немногом больше 400 тысяч, а сейчас их больше двух миллионов. Само по себе это приятно и отрадно, но непременно — по естественной аналогии — потянуло бы мысль о том, что Вологодчина, Вятка, Псков, Брянск, Новгородчина, Ярославская область сами себя не воспроизводят, и на всю Россию есть только одна область, где сельское население растет,— Омская. Лапину, понимая его обобщенно, просто безумно было бы публиковать такое хотя бы потому, что оно опрокидывало взгляд на товарища Сталина как лучшего друга великого русского народа: умножайся русские хотя бы в туркменской прогрессии, они бы сейчас принадлежали, наряду с китайцами, индийцами, к самым многочисленным народам на Земле, а не теряли бы свой удельный вес и в Союзе, и в соплеменности планеты.

Но вернемся к нашему калыму.

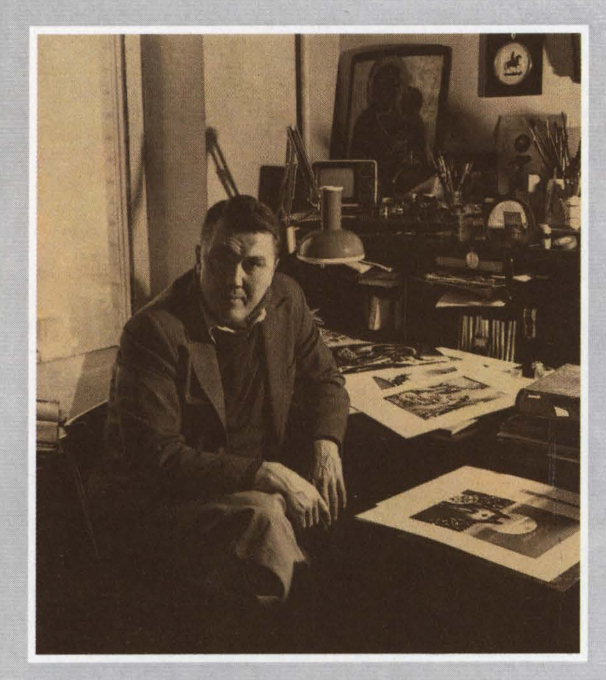
— Калым — какова его связь с многодетностью? — спрошу своего визави.

— Ведь даже по сравнению с недавно еще любезным нашим авторам 1913 годом калым как явление стал мощней и количественно, и по всеохватности именно в годы туркменских орошений, в пору миллиардных инвестиций. Разве организация на большую семью неотторжима от покупки жены, от торговли дочерьми? Разве смирится с таким логика: чем больше миллиардов в каналы, тем выше риск калыма.

Оппонент погрызет дужку очков, или выбьет пепел из пенковой трубки, или щелкнет подтяжками, откинувшись в кресле, утворит еще что-нибудь, свойственное киношным докторам наук, и ответит примерно так:

— Давайте вернемся к Марксу. Что он пишет, молодой Маркс? «Бюрократия имеет в своем обладании государство... это есть ее **частная собственность.** Всеобщий дух бюрократии есть

Продолжение на стр. 25.

ИМПРОВИЗАЦИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

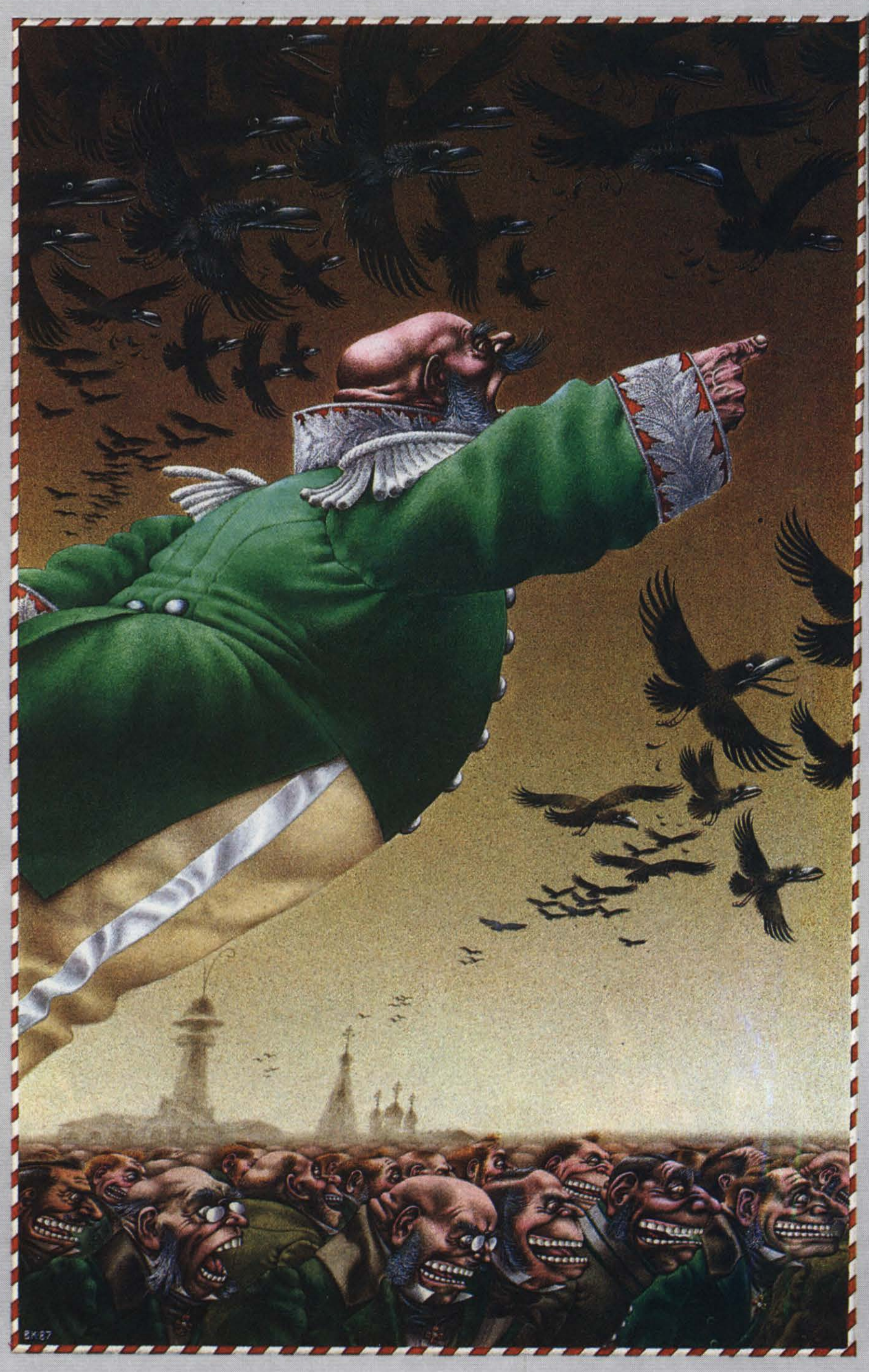
В. С. КАРАСЕВ. Род. 1939. Иллюстрации к произведениям М. Е. Салтыкова-Щедрина.

«ГОСПОДА ТАШКЕНТЦЫ».
«ГОСПОДА МОЛЧАЛИНЫ». 1988.

Его рисунок завершен ровно настолько, чтобы оставить место фантазии читателя-зрителя. Можно даже сказать, что литературное произведение для него — как партитура для музыканта-исполнителя; с тою, правда, разницей, что и дирижер, и солист с оркестром здесь выступают в одном лице. Причем художник Валерий Карасев не аккомпанирует писателю, а импровизирует на ту же, автором заданную, тему, что, впрочем, не мешает ему быть всегда узнаваемым.

Однако руку всякого художника-иллюстратора узнают по двум признакам: в первом случае, если он иллюстрирует Брет-Гарта так же, как, скажем, Куприна, и во втором — если он умеет даже и в близких писателях улавливать существенные различия и пластически это выражать. Карасев узнаваем по второму признаку. И речь идет здесь не столько о технике, материале и даже манере — что при крепком рисунке, известном опыте и эрудиции задача не из самых сложных,— сколько о том, что к каждому писателю и произведению он ищет и так или иначе отыскивает свой подход, а иными словами — ключ, которым «отворяется» автор и его произведение.

Если говорить об иллюстрациях Карасева к роману Жоржа Сименона «Мегрэ и его мертвец», опубликованному в минувшем году в «Огоньке», то нужно будет сказать и о композиционной изобретательности художника, который свободно чувствует себя на журнальной полосе, и о тонком, уверенном рисунке; и об умении вести напряженное действие. Но главное, мне кажется, в другом, что отличает этого художника,— в точности попадания даже в иноязычном материале: французы у него — французы, и Жорж Сименон не похож на Юлиана Семенова. Художник улавливает национальное, присущее толь-

ко французам, а не итальянцам, немцам или англичанам. Сумел передать он и эту «пасмурность», в которую как бы погружено действие большинства романов Сименона. Кстати, замечу, убедителен в своеобразной его интерпретации и образ Парижа. И это тем более примечательно, что, насколько я знаю, художнику не приходилось прогуливаться ни по Елисейским полям, ни по набережным Сены, и Монмартр его биография тоже миновала... Но дело, как говорится, не в этом.

Валерий Карасев очень много работает в иллюстрации. К другим изданиям, включающим в себя русскую и зарубежную литературу, книги для детей, плакаты, буклеты, можем мы сегодня добавить и последнюю работу художника — публикуемые здесь иллюстрации к произведениям Салтыкова-Щедрина,— отметить которую хочется как безусловную удачу. Говорю так не только из личных симпатий к художнику — суть в другом.

Лет, скажем, десять назад вполне нас устраивали иллюстрации, выполненные даже и признанными нашими мастерами в некоей карикатурной манере. Но, согласитесь, карась в сюртуке и щука в эполетах — есть в этом все-таки упрощенная прямолинейность, сегодня особенно ощутимая. Перечитывая Щедрина нынешними глазами, можно понять, что он глубже и писал отнюдь не карикатуру. Здесь, мне кажется, и нашел художник созвучие тому, к чему стремился заново и по-современному перечитанный им классик.

Но вот о чем сказать хотелось бы особо.

Валерий Карасев из тех мастеров, иллюстрации которых — пусть даже самые интересные и глубокие — заставляют думать, что это лишь малая часть мира художника. Давнее знакомство дает мне право сказать, что это так — Карасев весьма своеобразный живописец. Однако безнадежное дело рассказывать о картинах, которых не видит зритель, а рекомендовать познакомиться с ними в нью-йоркских, копенгагенских или дюссельдорфских коллекциях, согласитесь, я могу далеко не всякому читателю «Огонька»... Остается только надеяться, что новые живописные работы художника найдут и не столь отдаленную от отеческих широт прописку.

Алексей НИКОЛАЕВ

КАЖДЫЙ ГОД, И МЫ УЖЕ ПРИВЫКЛИ К ЭТОМУ, НА КНИЖНЫХ ПОЛКАХ ТЫСЯЧ И ТЫСЯЧ ЧИТАТЕЛЕЙ ПОЯВЛЯЮТСЯ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ КЛАССИКОВ, ИЗДАННЫЕ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРИЛОЖЕНИЯХ К ЖУРНАЛУ «ОГОНЕК». СЕГОДНЯ НЕВОЗМОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ НАШИ БИБЛИОТЕКИ БЕЗ ЭТИХ ВЫПУСКОВ, НАЧАЛО КОТОРЫМ БЫЛО ПОЛОЖЕНО В 1928 ГОДУ, ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО НОМЕРА ЖУРНАЛА.

СВЕТ ЭТИХ КНИГ

Тогда появилось первое литературное приложение — двенадцатитомное собрание сочинений Л. Толстого под редакцией известных ученых: И. И. Гливенко и М. А. Цявловского с предисловием А. В. Луначарского. Вслед за тем в 1929 году под общей редакцией и с предисловием А. В. Луначарского, при участии А. М. Горького было выпущено двенадцать томов собрания сочинений А. П. Чехова. Это был опыт первого научного издания. Так началась эта литературная серия. Огромная работа по изданию мировой классики, развернутая «Огоньком» в последующее время, почти не прерывалась, охватывая все новые и новые имена выдающихся художников слова.

В 30-е годы в литературных приложениях, в серии «Библиотека романа», выходят в свет произведения великого английского сатирика Джонатана Свифта и отмеченные тонким юмором и лиризмом романы француза Альфонса Доде, полные кипения социальных страстей сочинения Стендаля, Эмиля Золя, Генриха Манна...

Великая Отечественная война прервала эти издания. Но уже год спустя после ее окончания в приложениях к журналу публикуются произведения советских авторов, а с 1948 года — выпуск собраний сочинений писателей-классиков становится ежегодным. С тех пор до наших дней вышло в свет, включая некоторые повторные, 118 собраний сочинений, составивших 630 томов! 12 томов в год выпускалось до 1956 года, а затем, с 1958 года, стало выходить 24 тома ежегодно.

Как правило, выпуск многотомных собраний сочинений в издательствах растягивается на несколько лет, а то и на десятилетия. Между тем подписчики Библиотеки «Огонек» получают в один год завершенные издания. И в этом одно из достоинств литературных приложений к журналу.

Есть у огоньковских собраний еще одно неоспоримое достоинство: они всегда иллюстрированы. В разное время над оформлением книг работали такие известные художники, как Н. Ильин, А. Гончаров, В. Горяев, замечательные иллюстраторы Д. Шмаринов, О. Верейский, Б. Дехтерев, Д. Бисти, И. Глазунов и другие. Им принадлежит немалая заслуга в «приближении» творчества известных писателей к массовому читателю. Один из первых иллюстраторов А. Грина Савва Бродский стал автором проекта музея писателя в Старом Крыму. В некоторых изданиях использовались проверенные временем знаменитые иллюстрации, как, например, гравюры Г. Доре к «Дон Кихоту» М. Сервантеса, иллюстрации к романам Жюля Верна французских художников — современников писателя, или рисунки А. Лебедева и М. Башилова к произведениям М. Е. Салтыкова-Щедрина.

По установившейся традиции к работе над «огоньковскими» приложениями привлекаются видные ученые-филологи, известные исследователи-литературоведы.

Нередко литературные приложения «Огонька» первыми открывают читателю новые литературные континенты. В 1956 году здесь впервые в советское время вышло пятитомное собрание сочинений И. А. Бунина, причем для него были использованы материалы, присланные в СССР из Франции, где писатель провел последние годы жизни. Можно сказать, что именно «Огонек» открыл читателю А. Грина, писателя, романтический пафос и бескомпромиссный гуманизм которого всегда близок молодому поколению. Впервые в наше время было издано здесь и собрание сочинений П. И. Мельникова-Печерского. А в тютчевском издании, вышедшем под редакцией крупнейшего специалиста К. В. Пигарева, были опубликованы ранее неизвестные варианты стихотворений и неопубликованные письма поэта.

Впрочем, речь должна идти не только об отечественных писателях. Собрания сочинений М. Сервантеса, С. Цвейга, П. Мериме, А. Конан-Дойла, Р. Стивенсона выходили только в приложении к «Огоньку».

Новые собрания сочинений запланированы и на будущий год. Читатель впервые увидит собрание сочинений американского писателя Дж. Стейнбека: специально для этого издания заказаны переводы многих его произведений. Будет выпущено первое собрание сочинений известного автора исторических романов В. Яна. Наконец планируется осуществить новое издание Н. Лескова. Незадолго перед смертью писатель составил план собрания сочинений в 12 томах и начал его выпуск. Однако осуществить это издание, как оно было задумано (а об этом он мечтал всю жизнь!), не удалось. Шестой том собрания был арестован и сожжен по указанию духовной цензуры. Узнав об этом, Лесков испытал первый приступ сердечной болезни, сведшей его в могилу. «Огоньковское» собрание сочинений будет как бы осуществлением воли самого писателя, и, в частности, шестой том выйдет таким, каким был подготовлен Лесковым.

В. Ю. ТРОИЦКИЙ,
доктор филологических наук

КАЛЫМ

Начало см. на стр. 22.

тайна, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной среде ее иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру — ее замкнутым корпоративным характером. Открытый дух государства, а также и государственное мышление представляется поэтому бюрократии **предательством** по отношению к ее тайне. **Авторитет** есть поэтому принцип ее знания, и обоготворение авторитета есть ее **образ мыслей».** Что из этого следует? Во-первых, хоть бюрократия и едина, сделайте поправку на национальные особенности. Гласность есть предательство не только тайны обожаемого лидера области, но и моего рода, дела моих отцов. В сталинском идеале вся частная жизнь должна принадлежать государству — это во-вторых! Все мы на службе у государства, и тут наверняка не должно быть ни эллина, ни иудея. Оно, государство, может дать средства пропитания, а может и отнять. Оно может разрешить прописку в городе, а может и запретить. Тебя могут индивидуально послать на Беломор, как в «деле вдовы Начар», а могут и целым народом «отправить». Эта негарантированность, подвешенность бытия вряд ли может нравиться долго. Каков путь стабилизировать жизнь, придать ей уверенности и твердых перспектив? Надо очеловечить чиновника, гуманизировать его — испытанным в Азии образом. Подкуп и слепого делает зрячим.

Частная жизнь покупается. Она уходит в тень. Она, частная жизнь, превращается сплошь да рядом в теневую экономику, дающую средства на подкуп, а в среде «гуманизируемого» чиновничества проявляется как накопительство. Роль общества заменяет род или его модификация: спайка «очеловеченных» данной географии или данного ведомства. Лидер этой спайки обоготворяется так же, как кровный глава рода. Отношения дневные, казенные, показные — тоже известная реальность, они требуют своего лексикона («решать вопросы», «негативные явления» — так теперь говорится и на тюркских языках), своей эстетики, своих искусств. Но параллельно укрепляются и родовые связи — подлинный альянс. Тайна бюрократии преображается в тайну родовой поруки. У государства дефицит гарантий — у негласных сообществ гарантия полная, прямо пропорциональная твоим вложениям. Если тайна — процесс выдвижения депутатов в Верховный Совет и подбор первых секретарей райкомов, то становится тайной и что у туркмен четыре основных племени: теке, сарыки, салыры и йомуды.

С точки зрения пропагандируемых правил деятельность сообществ с позиций уголовных кодексов республик почти всегда преступна — от использования совхозного самосвала на свою «магалу», аульскую задругу, до командования чарджоуской милицией из аульных глубин Денауского и Фарабского районов. В этих условиях — «кто богу не грешен, царю не виноват»? И Уголовный кодекс сплошь да рядом становится способом поддержания дисциплины в негласных социумах: нарушивший триединство «тайна — авторитет — чудо» всегда может быть привлечен к государственному наказанию по целому вееру статей, выбирай на вкус.

Снаружи — парадокс: большая, высшая бюрократия «из-за Каспия» вроде бы искореняет и карает все теневые, полуподпольные образования и альянсы — как же государственный аппарат может служить укреплению родовых контактов?

Да очень просто. Есть корпорации метропольные, а есть дочерние или даже внучатые предприятия. Была бы тайна, а разветвления пойдут. Когда по установлению Сталина вводятся «пакеты», т. е. двойные, тройные и т. д. тайные месячные оклады лицам партийного, советского, административного аппарата, не облагаемые никакими налогами, даже партийным взносам недоступные, когда вместо ленинского гласного «партмаксимума» вводится тайный сталинский «партминимум», то дело только за тиражированием акта. Как в установленный день каждого месяца в кабинет входит кассир обкома и без росписи-ведомости кладет на стол казенный синий конверт, так и тысячи приходящих без росписи оставляют — соразмерно своей и хозяйской величине — частные пакеты, уже разноцветные.

Раз возникла тайна, нужны поручители, нужен залог. Есть такие горизонты утаения, где залогом служит жизнь. Что делать — условия. «За последнее время органами внутренних дел Узбекской ССР обезврежено полторы тысячи преступников, объединенных в 33 вооруженных и 12 бандитских формирований. Ими совершено 49 убийств... У них изъято около 2 миллионов рублей денег, 150 килограммов наркотиков, сто автомобилей и около ста стволов огнестрельного оружия». Среди сорока девяти были и свои — тайна без этого не может.

Но это особые горизонты молчания — мы отсечем их жирной чертой.

Самый расхожий, всеохватный, бытовой вид залога, самый простецкий, «народный», лирический путь доказать внутреннюю верноподданность — калым. Залог выступает в брачных одеждах, но деловая его суть обществу ясна и понятна.

Олжас Сулейменов толкует: «Калым есть доказательство, что мужчина готов создать самостоятельную семью». Отчасти, коллега, только отчасти! Как флажок депутата на кителе не есть еще полное доказательство, что перед нами действительно народный слуга, единодушно отобранный целым округом из целого сонма тоже неплохих кандидатов, отобранный в мучительных колебаниях, в ночных боязнях ошибиться, так и калым не есть ручательство только готовности жить самостоятельной семьей. Даже наоборот: независимость жениха или молодожена даже меньше той, какою пользовался он же, будучи студентом или солдатом!

Калым берут и отдают старшие — вводя новую ячейку сообщества в число правомочных и доверенных. Калым — пожизненный билет в тайный клуб, откуда никто тебя не исключит. Калым — прочность своего среди своих. Те 40 (или двадцать пять) тысяч, какие ночью семейство Оразгельдыева отнесло в платке семье Гафуровых, есть ручательство за новичка, уже связанного теперь и уголовным преступлением, и обыкновенным долгом. Обязанностью финансировать последующие свадьбы! Калым — это перспектива стать в свой час властным аксакалом, мужем совета, пружиной незримых механизмов. Калым — размер твоей основательности: отец не хвастается, взвинчивая цену за невестку, нет — он только аттестует себя самого и собственного сына! Сорока тысячами не шутят, не разбрасываются. Рука дающего не оскудеет: серьезные затраты окупаются.

— В феномене калыма отразились бюрократические искажения жизни в обществах, так опасно еще близких к феодализму,— подытожил, поднимаясь и отряхая брюки, мой измышленный оппонент. А тут как раз пришло время идти за авиабилетом. Мы с Вергилием приятельски обнялись, похлопав друг друга по лопаткам.

ИЗ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОСТИ

НЕДАВНО ОПУБЛИКОВАНО СООБЩЕНИЕ КОМИССИИ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС ПО ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, СВЯЗАННЫХ С РЕПРЕССИЯМИ, ИМЕВШИМИ МЕСТО В ПЕРИОД 30—40-х И В НАЧАЛЕ 50-х ГОДОВ. В НЕМ В ТОМ ЧИСЛЕ ГОВОРИТСЯ, ЧТО КОМИТЕТ ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ЦК КПСС РАССМОТРЕЛ ВОПРОС О ПАРТИЙНОСТИ МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА ТОМСКОГО И, УЧИТЫВАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ВЫДВИНУТЫХ ПРОТИВ НЕГО В 30-е ГОДЫ ОБВИНЕНИЙ, ПОДТВЕРДИЛ ЕГО ЧЛЕНСТВО В ПАРТИИ С 1904 ГОДА.

ДО ВЫСТРЕЛА В БОЛШЕВО...

В пятницу, 21 августа 1936 года, на вечернем заседании шедшего в Москве третий день судебного процесса по делу «троцкистско-зиновьевского объединенного террористического центра» государственный обвинитель А. Вышинский неожиданно сделал заявление, что им дано распоряжение начать расследование в отношении ряда видных тогда деятелей как возможных соучастников судимой «преступной контрреволюционной группы». Это заявление появилось в субботних газетах. И в тот же день, 22 августа, в подмосковной дачной местности Болшево глухо хлопнул пистолетный выстрел. Ушел из жизни старый большевик Михаил Павлович Томский, чья фамилия была накануне названа Вышинским первой. Теперь мы знаем, сделав трагический личный выбор, Томский лишь опередил неизбежное. Все, кто следом за ним был перечислен Вышинским в его зловещем списке (Бухарин, Рыков, Угланов, Радек, Пятаков, Серебряков и Сокольников), подверглись репрессиям и погибли.

К тому времени Томский уже не занимал высших постов. Еще в мае 1929 года он был освобожден от должности председателя ВЦСПС, а год спустя, в 1930 году, перестал быть членом Политбюро ЦК ВКП(б), оставаясь, однако, вплоть до своей гибели в составе ЦК партии. Его отход в первой половине 30-х годов от крупной общественно-политической работы в общем-то объясним. В самом конце 20-х годов Томский вместе с двумя другими членами Политбюро ЦК — редактором газеты «Правда» Н. И. Бухариным и Председателем СНК СССР А. И. Рыковым высказал несогласие с путями перевода крестьянства на рельсы социализма. Их позиция не получила поддержки. И нет ничего особенного, что политические деятели, чья линия была отвергнута, уступили ключевые посты сторонникам принятого на рубеже 20—30-х годов курса резкого форсирования темпов индустриализации и коллективизации.

Но значит ли это, что обрушившиеся нарастающей лавиной политические обвинения против Бухарина, Рыкова, Томского и их единомышленников как «правых капитулянтов» и даже «противников социализма», а затем и «врагов народа» соответствовали действительности? Сегодня относительно последнего из этих обвинений существует однозначно отрицательный ответ. Что касается общей оценки так называемых «правых», то сквозь цепкие рудименты отживших стереотипов все более властно пробивается представление о них как о сторонниках одного из теоретически возможных вариантов строительства социализма. Сама жизнь показала, что политические фигуры такого масштаба, сколько бы ни извращалась их деятельность, никакими ярлыками не залепишь и навсегда из истории не вычеркнешь.

Сказанное относится и к Михаилу Томскому... Десятилетиями наша литература упоминала о нем лишь негативно, предвзято-односторонне, неизменно повторяя, как своеобразное заклинание, что он «неоднократно выступал против ленинской политики партии». Неужели жизненный путь революционера-большевика, а затем крупного руководителя интегрируется только этим рефреном? Не пришла ли пора вглядеться в его основные вехи?

Сделать это не просто. И не потому, что о жизни Томского что-то приходится недоговаривать. Нет, совсем по иной причине. Черная краска, которой из истории вымазывали его и многие другие жизни, проявилась в истории противоположным цветом — белыми пятнами. Что мы знаем, скажем, о профдвижении 20-х годов, с которым прежде всего связано имя Томского? Вроде бы немало. Но сегодня, когда перестройка несет нелегкую ломку окостенелых форм подчас казенного существования наших профсоюзов, становится ясно, что нараставшая на них с 30-х годов короста имела, так сказать, и обратное распространение, как бы проецировалась на 20-е годы. При этом не только «исчез» один из лидеров профдвижения тех лет — Томский, но искривилась и померкла вся картина этого движения.

Не восстановив ее, не расскажешь сполна о Томском. И, наоборот, в чем, кстати, одна из причин нужды в непредвзятом взгляде на его деятельность. В небольшой заметке такой узел не развязать, но все же начинать когда-то надо, возможно, этому и послужат штрихи биографии Томского, ныне не то что малоизвестной, но просто забытой.

Иной раз о людях типа Томского говорят: он был обычный человек. Это, конечно, не так. Революционные массы, не заглядывая в анкеты, выдвигают из своей среды чаще всего как раз людей необычных. Впрочем, найдись в 1917 году дотошный кадровик, он бы удовлетворился анкетой Томского, даже и обнаружив, что фамилия эта — вымышленная. На самом деле то был Михаил Ефремов, родившийся в 1880 году на питерской рабочей окраине, в четырнадцать лет принявший участие в своей первой забастовке, а в двадцать пять вслушивавшийся в каждый звук камеры смертников, откуда судьба вывела его в сибирскую ссылку. Вскоре — побег и первая партийная явка в Томске. Здесь же летом 1906 года исчез рабочий-литограф Ефремов и появился большевик Томский. Пошла нелегкая череда подполья, арестов, побегов, прерванная на исходе 1909 года почти семилетним заключением (из них пять лет каторги) и вечной ссылкой, из которой вызволила революция 1917 года.

Бывший питерский рабочий быстро нашел в ней свое точное место, а может, и наоборот — это революция искала и находила нужных ее свершениям людей. В декабре 1917 года его избрали председателем Московского совета профсоюзов, затем в ВЦСПС. С лета 1918 года Томский на протяжении одиннадцати лет (кроме короткого перерыва в 1922 году, когда он был председателем Комиссии ВЦИК по делам Туркестана) стоял у руководства профсоюзным движением страны. В 1919 году Томский вошел в состав ЦК партии, в 1922—1923 годах являлся членом его Оргбюро, а с 1923 года — членом Политбюро.

Избрание его в высшие партийные органы — в том числе и свидетельство доверия к нему В. И. Ленина, оценки его партийности, человеческих и деловых качеств. Когда в начале 1922 года впервые решался вопрос о генеральном секретаре ЦК, Ленин, по рассказу Томского, дважды советовался с ним, предлагая выдвинуть его кандидатуру. Томский, для которого Ленин, по его словам, «был не только вождь, это был учитель», отклонил предложение, считая, что он полезнее партии не на аппаратной работе (так тогда рассматривалась эта должность), а в гуще масс.

Значит ли это, что у Томского не было просчетов и промахов? Вот что он сам говорил перед лицом партийного съезда: «Я не раз ошибался в продолжении своей довольно длительной политической деятельности, не раз был больно и тяжело бит Владимиром Ильичем, за что я ему очень благодарен, но никто, кто серьезно знает меня в партии не один десяток лет, не скажет, чтобы я был способен маневрировать».

Знал это и Сталин. «Моему дружку Мишке...» — надписал он в 1926 году на своей фотографии, впоследствии изъятой с бумагами погибшего Томского. Почему же Сталин разломал эти отношения? Через несколько лет, уже незадолго до гибели, Томскому удалось встретиться с ним. Издерганный, он стал говорить о необоснованной травле, трудности работать. «А на меня кому ты будешь жаловаться?» — перебил его Сталин и рассказал ему в общем-то известную притчу о скорпионе, который упросил лягушку перевезти его через ручей, но во время переправы не удержался и смертельно укусил ее. «Ты что, хочешь, чтобы я поступил, как эта глупая лягушка?»— заключил он, недобро усмехаясь.

Несогласие Томского с новым курсом социалистического строительства, выдвинутым на исходе 20-х годов Сталиным, вызвало у последнего особое озлобление. Его курс был связан с возрастающим ужесточением отношения к 11-миллионному профессиональному движению, охватывавшему практически весь рабочий класс. Между тем все более обнаруживалось неприятие руководителем ВЦСПС Томским и рядом других коммунистов, работавших в профдвижении, насаждавшейся линии на ограничение и даже свертывание профсоюзной демократии, подчинение самой массовой общественной организации утверждающейся в стране административно-командной системе, внедрение ее в профсоюзы.

Вскоре Томского и его сторонников (среди них старых большевиков — Б. Г. Козелова, Ф. Я. Угарова и других), обвиненных Сталиным в стремлении вести профдвижение «против ленинских установок», устранили из ВЦСПС. Его возглавил член партии с 1905 г. А. И. Догадов, но ненадолго — он также оказался участником «правого уклона» и был заменен Н. М. Шверником, вошедшим в ближайшее сталинское окружение. Это была не просто смена руководства. Теперь как-то забылось, хотя помнить об этом стоит,— с начала 30-х годов съезды профсоюзов СССР не созывались почти двадцать лет!

Еще в 1925 году именно Томский, выступая на XIV съезде ВКП(б), впервые обнародовал письмо Ленина в ЦК партии от 26 марта 1922 г., в котором указывалось на опасность борьбы в слое старой партийной гвардии, авто-

ритет которого может быть «ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него».

Именно такая ситуация стала складываться в руководстве партией и страной к началу 30-х годов. Было бы заблуждением сводить рассмотрение возникших тогда разногласий только к ней. Но нельзя не принимать во внимание и то, что методы их преодоления были связаны с утверждающейся авторитарной властью Сталина, который сразу задал тон всей критике «правых капитулянтов». Видные участники создания нового общества, сторонники ленинского курса строительства социализма, были объявлены, несмотря на то, что вскоре признали свои взгляды ошибочными, по существу противниками социализма. Так создавались предпосылки последующего их зачисления «в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц».

Утверждение Сталина о наличии такой «банды», якобы объединившей всех «врагов», «каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским», относится ко времени ареста Н. Бухарина и А. Рыкова весной 1937 года. Но основа его закладывалась раньше, в том числе упомянутым заявлением Вышинского о возможной причастности как бывших «правых», так и «левых», к «троцкистско-зиновьевскому центру».

Сын Томского, Юрий — единственный из семьи оставшийся в живых после ареста в 1937 году (его старшие братья Михаил и Виктор погибли в 1938 году, а мать — старый член партии Мария Томская умерла в 1956 году, накануне своей реабилитации), вспоминает, что в тот субботний день, 22 августа 1936 года, за отцом, как обычно, пришла из Москвы в Болшево машина, чтобы отвезти на работу — он был тогда председателем правления ОГИЗ (Объединения государственных книжно-журнальных издательств). И как обычно, шофер захватил утреннюю газету. На ее первой полосе крупным шрифтом было набрано: «Расследовать связи Томского — Бухарина — Рыкова и Пятакова — Радека с троцкистско-зиновьевской бандой». На следующих полосах шел отчет о судебном процессе, завершавшийся публикацией названного выше заявления Вышинского. Под заявлением, на видном месте, была напечатана статья, в которой выражалась «уверенность» в «предательском поведении Томского», который-де «и сейчас скрывает о своих связях» с участниками судимой «банды».

Все это, очевидно, стало последним толчком. Взволнованный Томский отрывисто сказал 15-летнему Юрию: «Я ни в чем не виноват. Без партии жить не смогу». Через какое-то время прозвучал выстрел. Когда спустились ночные сумерки, на дачу приехал Ежов (тогда секретарь ЦК партии, а месяц спустя — нарком внутренних дел), который изъял бумаги покойного. На следующий день последовало сообщение, что «кандидат в члены ЦК ВКП(б) М. П. Томский, запутавшись в своих связях с контрреволюционными террористами», покончил жизнь самоубийством. Его похоронили на территории дачи. Однако вскоре сотрудники НКВД произвели эксгумацию и увезли останки покойного в неизвестном направлении...

Раскрытие правды о Михаиле Павловиче Томском и многих других большевиках его когорты неотделимо от выработки правдивых оценок нашей героической и вместе с тем совсем не простой истории. Эти оценки нужны нам, отмечает М. С. Горбачев, особенно сейчас, когда развернулась перестройка,— нужны не для того, чтобы сводить счеты или, как говорится, надрывать душу, а для того, чтобы воздать должное всему героическому, что было в прошлом, извлечь уроки из ошибок и просчетов.

Дмитрий ШЕЛЕСТОВ,
доктор исторических наук

Александр РОШАЛЬ

Шахматы — модель жизни. Сфера применения этого привычного сравнения расширяется. Если прежде имелось в виду творящееся на самой доске, то нынче вполне можно подразумевать и происходящее вокруг шахмат. Подобное, впрочем, наблюдается и в литературе, и в иных областях человеческой деятельности. Люди спешат размежеваться, а уж только потом, вероятно, примутся искать платформу для объединения. За будущий мир идет непримиримая война, в которой есть свои лидеры.

В шахматах два полюса заняли бывший и теперешний чемпионы мира. В шахматах нельзя забаллотировать, не избрать, отправить на пенсию «по болезни» или даже по возрасту, и возникновение культа чемпионской личности весьма реально. Складывается новый культ довольно быстро и — что особенно удивляет — прежний авторитет, даже обыгранный за доской, не всегда при этом «отменяется». Способствуют тому и незаурядность самих личностей, и их замечательное шахматное искусство. А тут еще выясняется, что владеют они немалым искусством борьбы (или игры?) вокруг шахматной игры.

Тираж «Огонька» раз в сто, наверное, меньше аудитории, собранной телефильмом «Тринадцатый» о чемпионе мира Гарри Каспарове и «Телевизионным знакомством» с Анатолием Карповым, который в качестве чемпиона был всеобщим знакомцем долгие годы. Потому нет смысла пересказывать содержание телепремьер, и замечу лишь, что мне, как и многим, эти ленты представляются двумя сериями наподобие старого французского фильма «Супружеская жизнь». История, в которой рискуют оба, поочередно излагается с противоположных сторон, и дело зрителей принять ту или иную версию. Непоколебимая уверенность рассказчиков и мастерская режиссерская работа затрудняют зрительский выбор. Однако большинство и не выбирает — истые болельщики, они остаются, пусть и с оговорками, верными сторонниками своих кумиров. Любопытнее, в какую веру будут обращены «новенькие», еще не определившие «свою команду».

По всем расхожим признакам я вроде бы из «староверцев», но профессия журналиста властно требует докапываться до истины, анализировать, переосмысливать те факты, которые были известны, и объективно оценивать те, которые вновь появляются. Мне очень близки идеалы, провозглашенные в шахматах Каспаровым, и потому я принял предложение чемпиона мира выступить в фильме о нем. От своих слов, названных затем в разных рецензиях «мучительно острыми признаниями», «нехотя сделанными влиятельным комментатором Рошалем», не отказываюсь: многие официальные лица в те недавние времена действительно не симпатизировали Каспарову. Но мне очень жаль, что на экране отражена всего одна пятая часть беседы с чемпионом мира, обоснования же «признаний» и существенные, на мой взгляд, возражения собеседнику сокращены. Ладно, не мальчик, мог ведь догадаться, что фильм не про журналиста, а про героя. Есть там и «антигерой» — Карпов. Одним из самых антигероических его поступков выглядит получение ордена из рук Л. И. Брежнева. На просмотрах в Доме кино этот фотокадр сопровождался вполне определенной реакцией зала, на какую, безусловно, и рассчитывали создатели картины. Ну, а если бы это была не фотография, а хроникальный киноматериал и в видеоряде увидели бы и других награждаемых? Ведь там был не только Карпов, отстоявший тогда звание чемпиона мира, но и по любым масштабам выдающиеся люди и среди них те, кому сегодня авторы во многом обязаны уже самой возможностью снимать откровенные и честные фильмы. Знай они о таком факте, поместили бы фотографию в кино или нет? Вопрос, конечно, интересный...

После «Телевизионного знакомства» с экс-чемпионом тоже не исчерпаны все вопросы. А почему все-таки, требуя во время пресс-конференции Ф. Кампоманеса продолжения прерываемого первого матча, Карпов затем за сценой подписал предложенный ему документ? Ведь Каспаров в той же комнате отверг передаваемую авторучку и не «согласился» с решением президента ФИДЕ, а лишь «подчинился», без подписи. Да, решение то обратилось в итоге на пользу Каспарову, но объяснение Карпова по самому факту прекращения матча меня, например, не убедило. Зато впечатляет его остроумное «ходатайство»: вышедшую за рубежом книгу оппонента «Дитя перемен» опубликовать на русском языке, но обязательно без каких бы то ни было купюр, редактирования и ремарок.

Что поделать, если истина в конечной инстанции не принадлежит ни Каспарову, ни Карпову и пульсирует между ними, прибиваясь то к одному, то к другому. Отказ постоянно разделять с ними их крайние позиции, попытки искать истину и следовать за ней воспринимаются почему-то как отсутствие собственной позиции. Во времена гласности, сдается мне, журналистам работать все труднее и даже опаснее, и, похоже, не только в шахматах...

Но в шахматах есть и сами Шахматы, как таковые. Академик П. Л. Капица, любитель и знаток этой игры, многих специалистов обыгравший в Кембридже, заметил как-то английскому мастеру Ф. Мильнер-Берри: «Шахматы приводят душу в состояние равновесия». Сам он выбрал физику. Знаком с очень способными и в других направлениях людьми, которые выбрали шахматы — именно потому, как они признаются, что здесь все решает игра и ничто привходящее не в состоянии лишить их одержанных за доской побед. Затруднить путь могут, преградить — нет. Ни при каких правительствах и обстоятельствах никто не отобрал бы у Каспарова его чемпионства, коль он его достоин. И теперь пусть удерживает. Но чтобы удержаться, надо сохранить «равновесие души». Как в будущем матче за его, каспаровскую ныне, шахматную корону, так и в начавшемся уже чемпионате СССР.

...Неоднократно доводилось наблюдать международные соревнования за рубежом и слышать там же, как наши шахматисты ставили эти турниры в пример внутрисоюзным, где, мол, и призы, и гостиницы, и даже залы оставляют желать куда лучшего и большего. Вот и потому, заключали советские гроссмейстеры, мы не рвемся в «домашние» состязания, которые, кроме «шишек», ничего — включая и заграничные поездки по результатам чемпионата СССР — не сулят. Пресса все чаще поддевала самолюбивых гроссмейстеров, напоминала им про миф об Антее, оторвавшемся от своей земли. Но создание иной, материальной, почвы — а не только морального климата — для участия в первенствах страны как-то уходило на задний план.

Что же потребовалось сделать для сбора в 55-м чемпионате СССР практически всех наших лучших шахматистов? Прежде всего принять постулат, согласно которому в течение года те из них, кто не имеет иных пропускных способностей, оформляются на международные соревнования по итогам всесоюзного первенства (и отбора к нему). Сейчас намечается приближение к этой цели, хотя приглашений так много, что контролировать удается распределение путевок разве что на крупнейшие турниры. И то, как говорится, хлеб, да еще с маслом. Прежде игравшие за рубежом во время чемпионата СССР посмеивались, теперь завидуют его участникам и компании, в какую те попали.

А компания знатная: чемпион мира, экс-чемпионы мира, претенденты из последнего цикла розыгрыша мирового первенства — все они, хоть и без того вдоволь обеспеченные выездами на супертурниры, откликнулись (продиктовав, верно, свои сроки) на приглашение играть в Москве. И играют вместе с чемпионом страны и призерами прошлой высшей лиги и прошедшими отбор к нынешней. «Мы уже отвыкли от подобных чемпионатов (ранее они бывали частенько); между тем для пропаганды шахмат в стране они необходимы»,— подчеркнул в своем обращении к участникам первый советский чемпион мира и семикратный чемпион СССР М. Ботвинник, согласившийся стать главным арбитром 55-го всесоюзного первенства. Когда он сказал «ранее», последней вспомнилась высшая лига 1973 года!

И еще вспомнился московский «турнир звезд», проходивший семь лет назад в этом же Центре международной торговли. Длинное название нередко заменяется москвичами на «Дом Хаммера», а определенная часть столичных жителей и вовсе упрощает — «Континенталь», имея в виду шикарный и едва ли не самый дорогой ресторан. Весь комплекс вполне соответствует высоким мировым стандартам, всегда переполнен гостями, выполняет немалый валютный план. И все-таки руководство внешнеторгового объединения «Совинцентр» пошло навстречу Шахматной федерации СССР, чей председатель А. Чикваидзе считал делом чести заполучить громадный конгресс-центр, а также гостиничные номера по соседству — для участников и их тренеров.

Ура! За рубежом шахматисты не имеют лучших условий для игры. Погодите, погодите, а как платят за игру там и как у нас? Вопрос опять же интересный и отнюдь не риторический. Неожиданно для себя оказавшись в роли руководителя спортивной делегации на первенстве Европы по так называемым «активным» шахматам (то есть игре с укороченным, 30-минутным контролем), я исполнял и роль как бы налогового инспектора. И готов поделиться своими новыми знаниями и соображениями по этому поводу. Однако тема это специальная и для другой публикации. Здесь приведу лишь откровенный монолог Б. Спасского, который он произнес в кулуарах недавнего турнира на Кубок мира в Бельфоре. Живущий сейчас во Франции экс-чемпион не делал секрета из своих расходов и доходов:

— Я вынужден тратить примерно три тысячи долларов в месяц. Если повезет, на хорошем турнире могу вместе с гонорарами и призом заработать тысяч десять. Значит, это месяца на три. Но «зарплата» все же не гарантированная и вряд ли выше, чем скажем, полторы тысячи рублей за это же время в Советском Союзе.

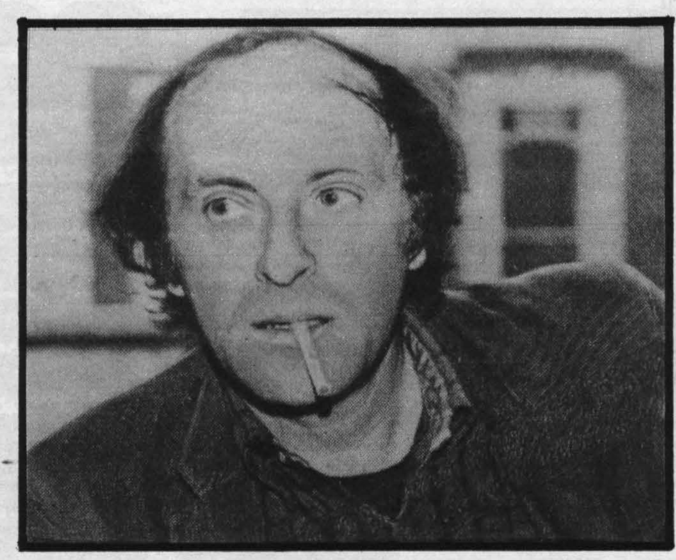
В предлагаемых заметках как-то неловко заниматься семейным бюджетом наших ведущих спортсменов. Тем более бессмысленно здесь сравнивать заработки почти любого из них с хорошими западными, к примеру, теннисистами.

Но вот чемпионат СССР после многоступенчатых согласований позволяет выиграть все-таки неплохой приз: за первое место — четыре тысячи рублей, за следующее — три с половиной... До восьмисот — за восьмое место. Остальные, «непризеры», получат за каждое очко по восемьдесят рублей. (Добавим в скобках, что в отличие от того же Спасского свою «ежемесячную гарантию» участники нашего чемпионата все-таки имеют и подготовку на тренировочных сборах и наличие тренеров им тоже не надо оплачивать из своего кармана.) Знаю, что выкладки эти не всем понравятся и могут быть приведены контрдоводы, однако в любом случае правильнее говорить о стремлении к жизни лучшей от нормальной, но никак не от плохой жизни.

В 1981 году на «турнире звезд» в этом же зале А. Карпов на полтора очка опередил разделившего 2—4-е места Г. Каспарова, который в ходе соревнования отметил свое восемнадцатилетие. Через несколько месяцев будущий чемпион мира стал чемпионом СССР и с тех пор во всесоюзных первенствах не участвовал, занятый борьбой за всемирную корону. А. Карпов, выиграв (вторично) чемпионат страны в 1983 году, тоже переключился на поединки с историческим соперником, в перерывах беспрерывно играя на других различных и более подходящих ему по срокам соревнованиях.

Теперь они впервые встретятся в рамках внутрисоюзного чемпионата, и общественное мнение гадает, кто из них станет победителем. Но, думается, «пропасть», которая наметилась между Каспаровым — Карповым и всеми остальными, может быть кем-то преодолена скорее всего именно в первенстве СССР. Надежда — да, да, надежда, поскольку хочется спортивной интриги? Самый младший участник — 19-летний международный мастер В. Иванчук — стал уже победителем «открытого» чемпионата... Нью-Йорка. К нему особое внимание. И не только наше с вами. На занятиях школы Ботвинника — Каспарова, когда отчитывался один из учеников, чемпион мира наверняка ведь не случайно поинтересовался: «Скажи, пожалуйста, а в этом турнире играл с тобой Вася Иванчук?»

Турнирами, а не годами измеряется жизнь шахматиста...

РАЗГОВОР ПО ТЕЛЕФОНУ С ИОСИФОМ БРОДСКИМ, ЛАУРЕАТОМ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ, СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА «ОГОНЬКА» ФЕЛИКСА МЕДВЕДЕВА.

ЧЕЛОВЕКА МОЖНО ВСЕГДА СПАСТИ

В 1964 году судья Савельева вынесла приговор Иосифу Бродскому. Она осудила его как тунеядца. Он был всего лишь поэтом.

...Приехав в Нью-Йорк, я позвонил по телефону 9290481 и попросил Иосифа Бродского. Мне ответили, что его нет, он находится в трехстах милях от города и будет не скоро. Я был обескуражен. Мне очень хотелось встретиться с поэтом, много лет назад оказавшимся вдали от Родины. Поговорить с ним, посмотреть на него, в конце концов не каждый день видишь живого лауреата Нобелевской премии. Да к тому же русского.

И вдруг меня осенило: найти в Нью-Йорке машину (ну что стоит, думал я, в гигантском скопище моторов найти человека, который вызвался бы помочь советскому журналисту в банальной для суперавтомобильной Америки проблеме) и проехать те триста миль, которые отделяли Нью-Йорк от местечка Саутхэдли, где находился Бродский. Однако машину найти оказалось довольно сложным делом. Точнее, не машину, а человека, который потратил бы на поездку, и, собственно, во имя чего, целый день.

Помог мне Эдуард Нахамкин — имя это не пустой звук для американских и советских любителей живописи. Он уехал из Риги лет тринадцать тому назад и сумел разбогатеть, занимаясь продажей картин.

Машина была найдена, но, как назло, коварная погода испортила все планы. Дороги перекрыты, закрылись аэропорты. На третий день ожидания я не вытерпел и, не искушая дальше судьбу, созвонился с Иосифом Бродским.

— Почему вы сейчас не в Нью-Йорке, а в Саутхэдли?

— Я преподаю здесь историю русской и английской литературы. Я занимаюсь этим уже много лет.

— Вы профессор?

— Да.

— А сколько у вас студентов?

— По-разному, колледжи здесь небольшие. Иногда я читаю лекции двадцати студентам, иногда семидесяти.

— Этим вы занимаетесь из-за финансовых проблем?

— Финансовые проблемы отпали, мне нравится преподавать, читать лекции.

— А что представляла собой ваша нобелевская лекция? (К моменту разговора текст лекции еще не был опубликован в советской печати.— **Ф. М.**) Как происходило вручение Нобелевской премии?

— О лекции в двух словах не скажешь. Если вы ее не читали, мои нью-йоркские друзья помогут вам приобрести полный ее текст. Премию мне вручали в Стокгольме, в городской ратуше. Я был одним из семи лауреатов в разных областях науки, искусства.

— Я знаю, что на торжественный акт приглашаются друзья. Были ли ваши друзья рядом в тот памятный день?

— Друзья были. Но Евгений Рейн приехать не мог. К сожалению.

— Вы довольны своей речью?

— Как сказать? Вроде бы да.

— Для вас получение премии было неожиданностью?

— О ней говорили в связи с моим именем несколько лет. Хотя для меня она все равно неожиданность.

— Сколько книг у вас вышло на сегодня?

— Семь. С 1965 года.

— Каковы тиражи ваших книг?

— Представляю их только приблизительно. От десяти до двадцати тысяч каждая.

— Вы довольны?

— Не знаю.

— А как вы относитесь к книгам о себе, их ведь тоже опубликовано не менее семи.

Иосиф БРОДСКИЙ

РИМСКИЕ ЭЛЕГИИ

Бенедетте Кравиери.

I

Пленное красное дерево частной квартиры
в Риме.
Под потолком — пыльный хрустальный остров.
Жалюзи в час заката подобны рыбе,
перепутавшей чешую и остов.
Ставя босую ногу на красный мрамор,
тело делает шаг в будущее — одеться.
Крикни сейчас «замри» — я бы тотчас замер,
как этот город сделал от счастья в детстве.
Мир состоит из наготы и складок.
В этих последних больше любви, чем в лицах.
Так и тенор в опере тем и сладок,
что исчезает навек в кулисах.
На ночь глядя, синий зрачок полощет
свой хрусталик слезой, доводя его
до сверканья.
И луна в головах, точно пустая площадь:
без фонтана. Но из того же камня.

II

Месяц замерших маятников (в августе расторопна
только муха в гортани высохшего графина).
Цифры на циферблатах скрещиваются, подобно
прожекторам ПВО в поисках серафима.
Месяц спущенных штор и зачехленных стульев,
потного двойника в зеркале над комодом,
пчел, позабывших расположенье ульев
и улетевших к морю покрыться медом.
Хлопочи же, струя, над белоснежной, дряблой
мышцей, играй куделью седых подпалин.
Для бездомного торса и праздных граблей
ничего нет ближе, чем вид развалин.
Да и они в ломаном «р» еврея
узнают себя тоже; только слюнным раствором
и скрепляешь осколки, покамест Время
варварским взглядом обводит форум.

III

Черепица холмов, раскаленная летним полднем.
Облака вроде ангелов — в силу летучей тени.
Так счастливый булыжник грешит с голубым
исподним
длинноногой подруги. Я, певец дребедени,
лишних мыслей, ломаных линий, прячусь
в недрах вечного города от светила,
навязавшего цезарям их незрячесть
(этих лучей за глаза б хватило
на вторую вселенную). Желтая площадь; одурь
полдня. Владелец «веспы» мучает передачу.
Я, хватаясь рукою за грудь, поодаль
считаю с прожитой жизни сдачу.
И как книга, раскрытая сразу на всех
страницах,
лавр шелестит на выжженной балюстраде.
И Колизей — точно череп Аргуса,
в чьих глазницах
облака проплывают, как память о бывшем стаде.

IV

Две молодых брюнетки в библиотеке мужа
той из них, что прекрасней. Два молодых овала
сталкиваются над книгой в сумерках,
точно Муза
объясняет Судьбе то, что надиктовала.
Шорох старой бумаги, красного крепдешина,
воздух пропитан лавандой и цикламеном.
Перемена прически; и локоть — на миг —
вершина,
привыкшая к ветреным переменам.
О, коричневый глаз впитывает без усилий
мебель того же цвета, штору, плоды граната.
Он и зорче, он и нежней, чем синий.
Но синему — ничего не надо!
Синий всегда готов отличить владельца
от товаров, брошенных вперемежку
(т.е. время — от жизни), дабы в него
вглядеться.
Так орел стремится вглядеться в решку.

V

Звуки рояля в часы обеденного перерыва.
Тишина уснувшего переулка
обрастает бемолью, как чешуею рыба,
и коричневая штукатурка
дышит, хлопая жаброй, прелым
воздухом августа, и в горячей
полости горла холодным перлом
перекатывается Гораций.
Я не воздвиг уходящей к тучам
каменной вещи для их острастки.
О своем — и о любом — грядущем
я узнал у буквы, у черной краски.
Так задремывают в обнимку

— Отношусь к ним несерьезно.

— Вы пишете по-русски или по-английски?

— Стихи по-русски, прозу по-английски.

— Вы следите за развитием современной советской поэзии?

— К сожалению, я не вижу ее целиком. Я все-таки от нее отрезан. По-видимому, в ней участвует много лиц и картина обширна. Могу лишь назвать имена Кушнера, Рейна, Елены Шварц, кого-то еще... Величанского, Еремина, Кривулина... Но эти имена вам, наверное, почти ни о чем не говорят?

— А как развивается русская эмигрантская поэзия? Есть интересные имена?

— Я назвал бы Кублановского, Лосева, Горбаневскую.

— Вы встречаетесь со своими друзьями из России?

— Виделся с Кушнером, Битовым...

— Вы, конечно, знаете о первой публикации ваших стихов в журнале «Новый мир»?

— Меня несколько удивила субъективность выбора стихов. Стихи были отобраны не самые лучшие, они не дают впечатления о моей работе. Одни ощущения — что горда родила мышь.

— Не хотели бы вы издать сборник в советском издательстве?

— Я не против. Рукопись готова. Нужны формальные договоренности.

— Я слышал о каких-то ваших поэтических вечерах в Ленинграде. Так ли это?

— Это легенда.

— Вы наверняка читали произведения многих писателей и поэтов, возвращающихся сегодня читателю из прошлого, из небытия. Кого, по-вашему, надо издать, кого еще забыли?

— Мне кажется, надо издать собрание сочинений Михаила Кузмина, книги Вагинова, Андрея Платонова.

— Есть ли у вас друзья, единомышленники?

— Я всегда доверял мнению двух-трех близких людей. Хотя это — и необходимость в них — вне отечества не увеличилось.

Иосиф Бродский заговорил о своем ленинградском друге, поэте Евгении Рейне, человеке, у которого, как он сказал, многому научился. «Почти всему на начальном этапе. Он был моим мэтром, он был многим для меня».

— Это было в пору молодости?

— Да, конец, пятидесятых — начало шестидесятых годов.

— Я слышал, что именно Рейн познакомил вас с Анной Андреевной Ахматовой?

— Да, это так. Было это году в шестьдесят втором. Мне чуть перевалило за двадцать. Рейн привез меня к Анне Андреевне на дачу в Комарово.

— И что осталось в памяти от той встречи?

— Если честно, воспоминания смутные. Во всяком случае, от начала знакомства, видимо, потому что они были волнующими.

— А потом?

— Об Ахматовой я могу говорить много. Один литератор, его фамилия Соломон Волков, беседовал со мной об Ахматовой довольно долго и сделал большое интервью только на эту тему. Если в здешнем журнале найдете, прочитайте. Скажу только, что временами я виделся с Ахматовой редко, а одну зиму я снимал дачу в Комарове и общался с ней каждый день. Однажды Анна Андреевна мне сказала: «Вообще, Иосиф, я не понимаю, что происходит: вам же не могут нравиться мои стихи». Не понимаю, почему она так сказала. Я запротестовал. Хотя не уверен, был ли это искренний протест. Ведь в ту пору я был нормальным советским молодым человеком, которому зачастую было как-то не до стихов. Подлинный интерес к поэзии Ахматовой и, поэзии вообще пришел ко мне позже. Мандельштама я прочел впервые в 23 года. Вы удивитесь, но, когда Рейн предложил мне поехать к Ахматовой, я был поражен, что она жива.

— А когда вы начали писать стихи?

— Лет в восемнадцать-девятнадцать.

Я помолчал и неожиданно для себя спросил:

— Вы ощущаете ностальгию?

— Ностальгию? Как можно сказать об этом? Что это? Отказ от требований реальности? Я всегда старался вести себя ответственно, не предаваться сентиментальностям... Не знаю, переболел я или нет ностальгией. Знаю только, что иногда возникало ощущение необходимости быть в определенном месте... что невозможно и что меня огорчает... Я не уверен, что то, что меня посещает,— это ностальгия.

— Вы уверены в своем искусстве, в своей поэзии? Вы уверены, что вы правы?

— Уверен.

— Вы в чем-то разочарованы?

— Разочарования не произошло.

Я спросил своего собеседника, может ли искусство спасти человека, не зная, что на этот вопрос он уже ответил в своей нобелевской лекции: «Дело не столько в том, что добродетель не является гарантией создания шедевра, сколько в том, что зло, особенно политическое, всегда плохой стилист. Чем богаче эстетический вкус индивидуума, чем тверже его вкус, тем четче его нравственный выбор, тем он свободнее — хотя возможно и не счастливее.

Именно в этом, скорее прикладном, чем платоническом, смысле следует понимать значение замечания Достоевского, что «красота спасет мир»; или высказывание Мэтью Арнольда, что «нас спасет поэзия». Мир, вероятно, спасти уже не удастся, но отдельного человека всегда можно».

Разговор окончен. Мы попрощались. Я положил трубку.

Мне показалось, что я разговаривал с простым человеком, а не с всемирно известным поэтом, лауреатом Нобелевской премии. Почему? В голосе Бродского, в тембре долетающих до меня словесных конструкций, в некой литургически-распевной монотонности, в еле ощущаемом дрожании голоса я уловил обыкновенное человеческое волнение. Я разговаривал с человеком, который как бы надолго уехал из родного дома. Не знаю, не буду врать, человеком легкой или нелегкой судьбы. Счастливым или несчастливым? Но мне хотелось, чтобы он говорил больше и дольше. Подробно, детально. Обо всем: о жизни, о поэзии, об Америке, о России.

Я положил трубку и в эту секунду понял, что не спросил его, быть может, о чем-то самом важном, о самом главном. Это ощущение не покидало меня до тех пор, пока я, возвратившись в Москву, не посмотрел видеопленку с записью интервью Джона Глэда с Иосифом Бродским, подаренную мне американскими друзьями. Прослушав его, я получил ответы на те вопросы, которые не решился задать по телефону.

«— Когда вы только приехали на Запад, вы сказали,— я цитирую по памяти,— что не собираетесь мазать дегтем ворота Родины.

— Да, более или менее...

— Очевидно, вы тогда еще рассчитывали вернуться?

— Нет... Нет...

— А теперь утеряна надежда или...

— У меня не было никогда надежды, что вернусь. Хотелось бы, но надежды не было, нет. Во всяком случае, я сказал это отнюдь не в надежде обеспечить себе возврат когда бы то ни было под отчий кров. Нет, мне просто неприятно этим заниматься. Я не думаю, что этим следует заниматься.

— А желание вернуться?

— О, желание вернуться, конечно, существует. Куда оно денется. С годами оно не столько ослабевает, сколько укрепляется».

с «лейкой», чтоб, преломляя в линзе
сны, себя опознать по снимку,
очнувшись в более длинной жизни.

VI

Обними чистый воздух, а-ля ветви местных
пиний:
в пальцах — не больше, чем на стекле,
на тюле.
Но и птичка из туч вниз не вернется синей,
да и сами мы вряд ли боги в миниатюре.
Оттого мы и счастливы, что мы ничтожны.
Дали,
выси и проч. брезгают гладью кожи.
Тело обратно пространству, как ни крути
педали.
И несчастны мы, видимо, оттого же.
Привались лучше к портику, скинь бахилы,
сквозь рубашку стена холодит предплечье;
и смотри, как солнце садится в сады
и виллы,
как вода, наставница красноречья,
льется из ржавых скважин, не повторяя
ничего, кроме нимфы, дующей в окарину,
кроме того, что она — сырая
и превращает лицо в руину.

VII

В этих узких улицах, где громоздка
даже мысль о себе, в этом клубке извилин
прекратившего думать о мире мозга,
где то взвинчен, то обессилен,
переставляешь на площадях ботинки
от фонтана к фонтану, от церкви к церкви —
так иголка шаркает по пластинке,
забывая остановиться в центре,—
можно смириться с невзрачной дробью
остающейся жизни, с влеченьем прошлой
жизни к законченности, к подобью
целого. Звук, из земли подошвой
извлекаемый,— ария их союза,
серенада, которую время оно
напевает грядущему. Это и есть Карузо
для собаки, сбежавшей от граммофона.

VIII

Бейся, свечной язычок, над пустой страницей,
трепещи, пригинаем выдохом углекислым,
следуй — не приближаясь! — за вереницей
литер, стоящих в очередях за смыслом.
Ты озаряешь шкаф, стенку, сатира в нише —
бо́льшую площадь, чем покрывает почерк!
Да и копоть твоя воспаряет выше
помыслов автора этих строчек.
Впрочем, в ихнем ряду ты обретаешь имя;
вечным пером, в память твоих субтильных
запятых, на исходе тысячелетья в Риме
я вывожу слова «факел», «фитиль», «светильник»,
а не точку — и комната выглядит, как вначале.
(Сочиняя, перо мало что сочинило.)
О, сколько света дают ночами
сливающиеся с темнотой чернила!

IX

Скорлупа куполов, позвоночники колоколен.
Колоннады, раскинувшей члены, покой и нега.
Ястреб над головой, как квадратный корень
из бездонного, как до молитвы, неба.
Свет пожинает больше, чем он посеял:
тело способно скрыться, но тень не спрячешь.
В этих широтах все окна глядят на Север,
где пьешь тем больше, чем меньше значишь.
Север! В огромный айсберг вмерзшее пианино,
мелкая оспа кварца в гранитной вазе,
не способная взгляда остановить равнина,
десять бегущих пальцев милого Ашкенази.
Больше туда не выдвигать кордона.
Только буквы в когорты строит перо на Юге.
И золотистая бровь, как закат на карнизе дома,
поднимается вверх, и темнеют глаза подруги.

X

Частная жизнь. Рваные мысли, страхи.
Ватное одеяло бесформенней, чем Европа.
С помощью мятой куртки и голубой рубахи
что-то еще отражается в зеркале гардероба.
Выпьем чаю, лицо, чтобы раздвинуть губы.
Воздух обложен комнатой, как оброком.
Сойки, вспорхнув, покидают купы
пиний — от брошенного ненароком
взгляда в окно. Рим, человек, бумага;
хвост дописанной буквы — точно мелькнула
крыса.
Так уменьшаются вещи в их перспективе, благо
тут она безупречна. Так на льду Танаиса
пропадая из виду, дрожа всем телом,
высохшим лавром прикрывши темя,
бредут в лежащее за пределом
всякой великой державы время.

XI

Лесбия, Юлия, Цинтия, Ливия, Микелина.
Бюст, причинное место, бёдра, колечки ворса.
Обожженная небом, мягкая в пальцах глина —
плоть, принявшая вечность как анонимность
торса.
Вы — источник бессмертья: знавшие вас нагими
сами стали катуллом, статуями, траяном,
августом и другими. Временные богини!
Вам приятнее верить, нежели постоянным.
Славься, круглый живот, лядвие с нежной
кожей!
Белый на белом, как мечта казимира,
летним вечером я, самый смертный прохожий
среди развалин, торчащих как ребра мира,
нетерпеливым ртом пью вино из ключицы;
небо бледней щеки с золотистой мушкой.
И купола смотрят вверх, как сосцы волчицы,
накормившей Рема и Ромула и уснувшей.

XII

Наклонись, я шепну Тебе на ухо что-то: я
благодарен за все; за куриный хрящик
и за стрекот ножниц, уже кроящих
мне пустоту, раз она — Твоя.
Ничего, что черна. Ничего, что в ней
ни руки, ни лица, ни его овала.
Чем незримей вещь, тем оно верней,
что она когда-то существовала
на земле, и тем больше она — везде.
Ты был первым, с кем это случилось, правда?
Только то и держится на гвозде,
что не делится без остатка на два.
Я был в Риме. Был залит светом. Так,
как только может мечтать обломок!
На сетчатке моей — золотой пятак.
Хватит на всю длину потемок.

МИЛЛИОНЫ ИСЧЕЗЛИ ЗАГАДОЧНО. КАК И ПОЛОЖЕНО ИМ ИСЧЕЗАТЬ В ЛЮБОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ИСТОРИИ. ИХ НЕ ДОСЧИТАЛИСЬ В ГОСКОНЦЕРТЕ СССР, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕМ СВЯЗЬ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ. ОДНА ИЗ НИТОЧЕК ВЕЛА В ИТАЛИЮ — СТРАНУ ГАНГСТЕРОВ И ГЕРОИНОВОЙ МАФИИ...

Михаил КОРЧАГИН,
специальный корреспондент «Огонька»

ПРОЛОГ С ВЕРСИЕЙ

Здесь можно было бы начать с той загадочно пропавшей инвалютной документации или сразу с вопроса о возбуждении дутого уголовного дела в отношении народной артистки СССР примы-балерины М. Плисецкой и бухгалтера Госконцерта М. Орловой. Удивить читателя интригующими подробностями нижеописанной истории не составило бы труда. Но начну, пожалуй, с показаний очевидцев, ставших невольными свидетелями исчезновения. Очевидцы, работники Госконцерта и Министерства культуры СССР, заговорщицки притворяя двери кабинетов, безапелляционно высказывали версии по поводу таинственного исчезновения:

— ...Я не следователь, но скажу так,— поведал мне начальник конъюнктурно-коммерческого отдела Госконцерта СССР И. Долидзе,— либо эти миллионы прикарманила балерина Плисецкая, либо она отдала их бухгалтеру Орловой.

— Балерина Плисецкая утаила от государства миллионы лир, привезенные из Рима,— однозначно утверждает начальник управления бухгалтерского учета, отчетности и финансового контроля Министерства культуры СССР Д. Шимановская.

— Майя Михайловна в Риме не была,— выдвинул свою версию бывший замминистра культуры Г. А. Иванов,— а деньги за дни пребывания там получила...

Версии, естественно, нуждались в подробной расшифровке, но ясно было одно: известная балерина Майя Плисецкая и безызвестная бухгалтер Госконцерта М. Орлова были причастны к таинственно исчезнувшим миллионам...

КАК ИСЧЕЗАЛИ ЛИРЫ

Прелюдией к детективу явились гастроли в Риме.

В итальянском театре художественному руководителю М. Плисецкой оставалось выполнить работу далеко не творческого характера — произвести расчет с театром. В этой связи балерине предстояло выступать в трех ипостасях: Плисецкая-бухгалтер, Плисецкая-кассир и, наконец, Плисецкая — получатель купюр. (Здесь пока рано усматривать наличие некоего криминала, замешанного на получении трех зарплат одним лицом. Три роли советского гастролера за рубежом — дело обычное. То, что за зарубежных исполнителей делают импресарио, наши гастролеры делают сами, вдаваясь в нюансы хитрой бухгалтерии.) Итак, сбросив с себя непривычный груз, балерина поспешила в Москву, где ждал ее наш благодарный зритель. И не только зритель...

Детектив, замешанный на частном сыске, зарождался именно здесь, на родине. Среди своих. В тиши кабинетов чиновников. Все начиналось с двух авансовых отчетов по гастролям в античный Рим. Первыми свою служебную бдительность проявили работники Госконцерта Н. Зиновьева с И. Долидзе, поднявшие вопрос о миллионах. А вслед за этим по коридорам скучающего ведомства поползли слухи. Облачаясь в одеяния официальных бумаг, они принимали следующие словесные формы: «До сих пор **неизвестно,** где сейчас находятся 6 618 225 итальянских лир...». Или: «Тов. Плисецкая М. М. в Римской опере **не работала...»** Формы будоражили воображение. В воздухе попахивало интригой с примесью уголовной хроники. Старые факты дополнялись новыми домыслами... (А информация — разгадка из Италии о получении балериной миллионов лир преспокойно отлеживалась в столе того же И. Долидзе. Впрочем, это обнаружится уже позже.)

А пока, чтобы не увязнуть в слухах, обращусь лучше к фактам бесспорным, не требующим доказательств. Так однажды и поступил работник Министерства культуры СССР, бывший начальник КРО М. Чигирь. Последнему в свое время не давал покоя один существенный, на его взгляд, факт, проливающий яркий свет на якобы подозрительную личность народной артистки...

УЛИКА

...Это было настоящее чудо, достижение XX века, отливающее лакированной своей поверхностью. Само воплощение скорости и комфорта — сияющий «Мерседес-Бенц», готовый лихо сорваться с места, вызывая законную зависть автолюбителей.

Предмет зависти часто покоился на улице, отражая в лобовом стекле любопытных прохожих. В нем-то однажды и отразился бдительный служащий М. Чигирь. А отразившись, замер в глубоком раздумье. Служащего отнюдь не очаровывали технические достоинства дорожного красавца. Более всего привлекал его номер на хромированном бампере, записанный за известной балериной.

Дедуктивный ум частного детектива пробуждался в скромном министерском труженике. «А на какие средства?..» — затаив дыхание рассудил Чигирь. И, крепко ухватившись за ускользающую логическую нить, связал ею сияющий «Мерседес» с таинственно исчезнувшими миллионами. И, связав, окрыленно поспешил в кабинет, где, вооружившись пером, страстно припал к листку бумаги...

На сцене Большого театра рождался воздушный балет Майи Плисецкой, овации шквалом обрушивались на известную исполнительницу, а Чигирь увлеченно корпел над официальным текстом. Будучи ответственным работником министерства и благоговея перед бумагой, Чигирь решил закрепить улику документально:

«В УГАИ г. Москвы. Контрольно-ревизионный отдел Министерства культуры СССР просит сообщить дату регистрации и марку автомашин, принадлежащих гражданке Плисецкой, проживающей по адресу...».

Иными словами, целое ведомство было обеспокоено, каким видом транспорта перемещается по столичным улицам народная артистка. Поспешив с запросом в ГАИ, Чигирь получает на руки долгожданную бумагу. Бумага гласила о том, что у народной артистки действительно имеется «Мерседес-Бенц».

Радостно екнуло сердце детектива. «Улика!» — ликовал в душе Чигирь. Итак, сыск начал давать результат. Скромный министерский служащий

крепко держал в руках ниточку, ведущую в неведомые дали преступного мира...

И здесь Чигирь не был одинок. Не сидели сложа руки и работники Госконцерта. На ниве бухгалтерского учета преуспевали И. Долидзе с Н. Зиновьевой. Последняя, вглядываясь в каждую буковку принятого Орловой отчета, с серьезностью эксперта-почерковеда заключала:

«Авансовый отчет М. Плисецкой... написан не самой балериной, а т. Орловой...».

И, вооружившись солидной лупой, копала глубже: ***«Отчет М. Плисецкой содержит много исправлений, в нем замазаны цифры и текст...».***

Апогеем «экспертизы» была фраза: ***«Счетов на оплату гостиницы в Риме при авансовом отчете нет...»*** А раз «счетов нет», то напрашивался вполне законный вопрос: куда исчезли еще 2 000 000 лир, потраченных балериной на гостиницу? Миллионная сумма постепенно росла. Круг вот-вот должен был сомкнуться, как вдруг для правдокопателей наступает кризис — частный сыск зашел в тупик... Все собранные в папку улики лежали мертвым грузом и не шли в «дело». В руках частных детективов это были ничего не значащие бумажки...

ПРОИСШЕСТВИЕ № 74

...А балерина как ни в чем не бывало выступала на сцене Большого. Она по-прежнему выезжала на гастроли, ей рукоплескал весь мир. Но мир и не подозревал, что на далекой родине великой танцовщицы уже «пошла в дело» та самая папка с собранными уликами, касающимися как балерины, так и бухгалтера. Что в стенах Свердловского РОВД г. Москвы оперуполномоченный ОБХСС В. Бубнов, развязав тесемки на папке, пристально изучал отчеты М. Плисецкой.

Сейчас трудно назвать имя того правдолюба, донесшего папку до стен РОВД. Скромный герой решил остаться в тени, не желая обременять себя славой. Единственное, о чем мечтал он, так это о том, чтобы пришли наконец в движение маховики дознания. И машина заработала. Завращались маховики, и в книге учета происшествий под № 74 регистрируются материалы по гастролям балерины в Рим. Оперуполномоченный Бубнов уже просит у начальника районного ОБХСС ***«разрешить проверку приема отчетов на предмет выявления фактов преступных злоупотреблений...».***

Из рапорта прокурору Свердловского района Баженову А. А.:

«Направляются материалы проверки в отношении бывшего зам. главного бухгалтера М. Орловой для решения вопроса о возбуждении уголовного дела... Приложение: материалы на ста листах, включая два авансовых отчета Плисецкой».

Машина дознания уверенно набирала скорость. Но работала она бесшумно — в глубокой тайне от Плисецкой, без единого вызова ее в ОБХСС. Вызывалась только Орлова, а вопрос по отчетам М. Плисецкой решался без самого материально ответственного лица. Дважды ОБХСС района настаивает на возбуждении уголовного дела, и дважды прокурор А. Баженов не дает на это санкции, удивляясь каждый раз тому, что до сих пор ***«не получено объяснение от гражданки Плисецкой М. М...»***

А получи сотрудник Бубнов эти «объяснения» от гражданки Плисецкой (что позже и сделал старший оперуполномоченный УБХСС С. Минаев), нечего было бы и искать. Тут же «нашлись» бы те 6 618 225 итальянских лир, действительно полученных в Италии за работу на римской сцене, но не упомянутых в том отчете по довольно простой причине: авансовый отчет не был окончательным, и данная сумма была бы автоматически внесена в следующий, итоговый, отчет. При самом большом желании «утаить» столько миллионов не было никакой возможности.

«Я считаю, что все финансовые неурядицы произошли по вине бывшего замминистра Иванова Г. А., поэтому выведенная ревизией задолженность должна быть взыскана с него»,— в частности, пояснила балерина.

А объяснения по якобы скрытым 2 000 000 лир, потраченным на гостиницу, были бы еще проще: оплату за проживание балерины в итальянской гостинице, согласно контракту, производили сами хозяева римского театра. Поэтому отчитываться перед Госконцертом не было никакой нужды.

Это же услышали бы и частные детективы из Госконцерта, стоило бы им только переговорить с подозреваемой балериной. Но почему-то не спешили с беседой следопыты. Не хотели они получать на свои интригующие вопросы столь приземленные ответы. Ведь действительность снова предстала бы перед ними в унылой своей простоте: не стало бы той интригующей истории с Героем Социалистического Труда, причастным к «исчезновению» миллионов (!), а жизнь вяло и обыденно потекла бы по коридорам. Последнее не впечатляло — сослуживцы жаждали новых разоблачений.

Но разоблачений не получалось. Рвалась и та логическая ниточка следопыта Чигиря, попытавшегося связать покупку «Мерседеса-Бенца» с исчезнувшими миллионами. «Мерседес-Бенц» был куплен задолго до того, как миллирны были «похищены».

И неизвестно, как далеко зашли бы в своем рвении частные детективы, не вмешайся в эту историю старший оперуполномоченный с Петровки, 38, С. Минаев, расставивший точки над «i». Постановление УБХСС ГУВД Мосгорисполкома звучало приземленно и было лишено загадок:

«Принимая во внимание, что работа Плисецкой М. М. еще не завершена и окончательные расчёты по нему не произведены, то в действиях Орловой и Плисецкой не содержится признаков состава преступлений, предусмотренных УК РСФСР... В возбуждении уголовного дела в отношении Плисецкой М. М. и Орловой М. Н. отказать за отсутствием в их действиях состава преступления...».

ДВА СЮРПРИЗА ОДНОГО ЯЩИКА

Сюрпризом первым явилась трудовая книжка. Вполне обычная трудовая книжка, необычно затесавшаяся среди свежих газет, получаемых четой Орловых. Документ, пестревший благодарностями, объявленными ветерану труда М. Орловой, венчала запись: ***«Уволена по статье 254 п. 1 КЗоТ РСФСР за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей...»***

Сейчас не будем гадать, как оказался здесь важный для владельца документ, место которому в отделе кадров Госконцерта. Отнесем этот странный факт в область неразрешимых загадок. Лучше попробуем понять, как в трудовой биографии Орловой завелась такая запись, с которой работу по специальности найти крайне нелегко.

Объект для увольнения выбрали самый что ни на есть подходящий. Нет, Орлова не была замечена в чем-либо аморальном или порочащем — за 20 лет безупречной работы в Госконцерте не имела она ни единого выговора. Единственное, что имела Орлова, так это несговорчивый характер. Не захотела упрямая бухгалтер в очередной раз подписывать важный документ с грубыми финансовыми нарушениями, и лишней каплей пополнилась чаша терпения администрации.

И неудивительно, что, стоило «всплыть» тем итальянским миллионам, тут же администрация использует их для долгожданного увольнения Орловой. Убивались сразу два зайца: избавлялись от неугодной сослуживицы, и, естественно, бросалась тень на народную артистку, якобы действовавшую с бухгалтером в сговоре.

Хотя с увольнением явно поторопились — в спешке не определили меру вины. Сначала уволили, и только потом стали разбираться. Создали многоголовую комиссию, пришедшую к вполне естественному выводу:

«Определить степень вины Орловой мы не можем. Корысти нет — это однозначно... Постановили: просить администрацию пригласить ревизоров для выявления ошибки...».

Иными словами, жизнь Госконцерта снова наполнилась особым смыслом, забила ключом: приглашались и отзывались ревизоры, созывались и распускались комиссии. Происходили и события детективного свойства: исчезли бухгалтерские документы, с которыми ранее работала Орлова; бесследно уничтожен заграничный (№ 484244) паспорт Плисецкой. Неустанно работали компьютеры, на которых пытались правильно подсчитать ущерб, нанесенный Орловой и Плисецкой,— ущерб каждый раз был разным. А один из ревизоров Минфина СССР, А. Жуков, жонглируя цифрами и датами пребывания Плисецкой за рубежом, создавал из очевидного невероятное в угоду местным детективам...

Но нет надобности лезть в скучную бухгалтерскую кухню или пересказывать противоположные мнения всех проверяющих. (Даже у Прокуратуры СССР их было два.) Скажу лишь о событии, ставшем венцом двухгодичной волокиты. Это был второй сюрприз, также обнаруженный на дне того же почтового ящика четы Орловых,— телеграмма Министерства культуры СССР:

«По просьбе Министерства культуры СССР руководители организаций готовы рассмотреть и решить вопрос о назначении вас на любую из следующих вакансий: замглавбуха дирекции коллективов «Цирк на сцене» (оклад 170) зпт главбуха музея декоративно-прикладного искусства народов СССР (оклад 165 плюс персональная надбавка) зпт старшего бухгалтера-ревизора «Союзгосцирка» (170 плюс премиальные) зпт начальника планового отдела объединения Государственной Третьяковской галереи (оклад 210) тчк для решения вопроса трудоустройства просим прибыть министерство тчк нач упр кадров Чаусов».

И если данную депешу перевести с текста телеграфного на общежитейский, то выходило примерно следующее: ведомство, причастное к незаконному увольнению бухгалтера Орловой, просто пыталось остановить поток орловских «кляуз», доставляющих немало хлопот скучающему министерству. Не признавая своей ошибки, оно решило хоть как-то задобрить безработную Орлову заманчивыми окладами с персональными надбавками. Правда, «добрее» уволенная не стала, а, взявшись за перо, написала очередную свою «кляузу» нам в «Огонек». И теперь, когда все факты подтвердились, а читатель узнал, куда же все-таки «пропали» лиры, хотелось бы поговорить на тему, не менее важную...

БОЙ С ТЕНЬЮ

Поговорим о ведомстве, в стенах которого и варилась вся эта история. Потолкуем о Госконцерте в свете тех же «исчезнувших« миллионов. А при этом, естественно, отметим тот подкупающий энтузиазм, с которым бросились работники ведомства на розыски эфемерных сумм, сражаясь практически с тенью. Ведь если так ревностно отнесся Госконцерт к этим суммам, то нетрудно представить, как по-хозяйски бережлив он к суммам реальным.

Чтобы представить это, я и обратился именно к таким суммам. Но стоило увидеть мне их многозначные ряды, как тут же поблекли плисецкие миллионы. Чтобы быть более конкретным, обращусь только к одному из пунктов акта Министерства финансов СССР:

«Советская сторона понесла прямые убытки в 1984 г. в размере 46 338 800 итальянских лир (21 872 инвалютных рубля). В 1982 и 1986 годах ориентировочные потери составили 55 000 инвалютных рублей... Такие потери стали возможны из-за того, что в Министерстве культуры СССР и Госконцерте ослаблен контроль за расходованием валютных средств».

Уже слышу серьезные возражения, высказанные мне в Госконцерте и ранее: «Госконцерт — организация не коммерческая, дающая прибыль, а идеологическая, несущая за рубеж нашу культуру! Убытки здесь неизбежны...».

Ну что ж, тогда давайте судить о результатах просветительской работы Госконцерта по числу убытков. А убытки столь велики, что невольно создается впечатление, что ведомство успешно справляется со своими обязанностями. Не стоит утомлять читателя долгим перечислением астрономически убыточных сумм. Лучше задумаемся, вследствие каких таких идеологических или просветительских акций они выплывают. В этой связи два небольших примера.

Намечались гастроли Адреано Челентано по нашей стране. Их организацию взял в свои бережливые руки Госконцерт СССР. Но в силу щедрости души, не дожидаясь даже начала гастролей, одаривает импресарио певца довольно крупной суммой. Челентано еще не пропел советскому зрителю ни единого слова, а на руках уже имел 30 000 долларов «без всяких гарантий их возвращения». Певец спел лишь около года спустя, но аванс не вернулся государству и до сих пор. А из денежного оборота страны надолго выпала крупная сумма. На одних только процентах страна потеряла тысячи долларов...

Итальянский артист Пупо, в отличие от предыдущего, сам рвался на советскую сцену, поведав о своем желании посольству СССР в Риме. Посольство немедленно порекомендовало Госконцерту **самому** и срочно взяться за организацию гастролей. Но пока наш государственный импресарио решался сделать первый шаг навстречу Пупо, его опередил другой, более предприимчивый импресарио П. Андреани. А услуги последнего обошлись нашей стране в 77 000 долларов...

Можно было бы продолжать приводить примеры, свидетельствующие о небывалой щедрости Госконцерта. От этого, пожалуй, их не убудет. Вопрос сейчас в другом: КОМУ НУЖЕН ТАКОЙ ИМПРЕСАРИО? Не один творческий коллектив уже отказывается от его медвежьих услуг, желая перейти на самоокупаемость и прямую связь с иностранными фирмами. Кому теперь, с приходом полного хозрасчета, понадобится рота той 18-миллионной армии советских функционеров, привыкших вместо прибыли давать одни «ценные указания»?..

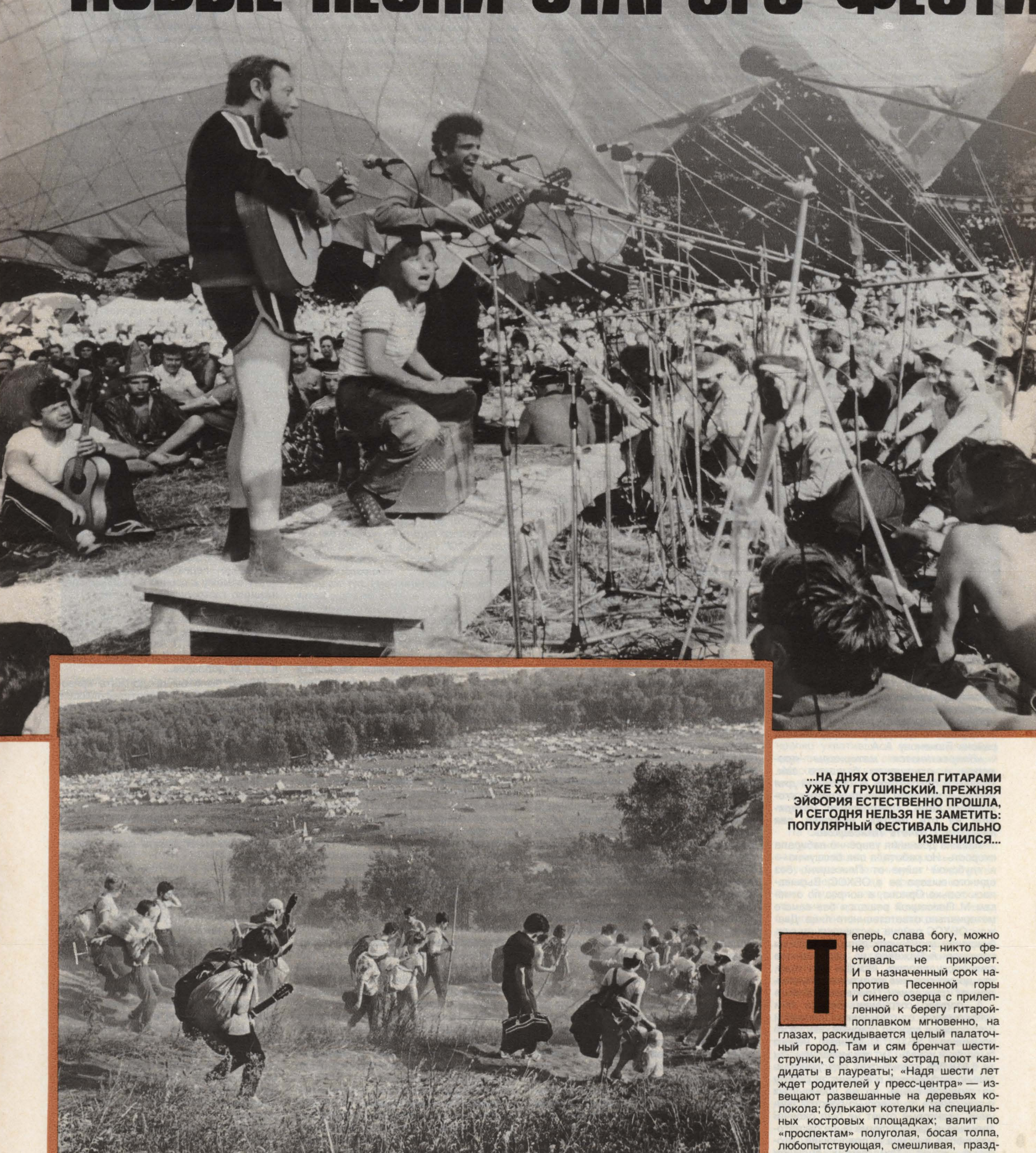
Впрочем, и в это госучреждение порой спускаются указания. Последним было постановление Совета Министров СССР о переходе Госконцерта на полный хозрасчет. Вот уже около полугода лежит в Госконцерте эта бумага. Всем творческим коллективам страны, конечно, пока остается лишь уповать на то, что данное постановление хоть както сможет оказать влияние на Госконцерт в плане серьезной реорганизации. Поживем — увидим. Но пока, видно, особо не торопится с этим переходом администрация ведомства. Хотя до него ли администрации?

Для нее-то грядут события куда поважнее. Обуреваемая прежним желанием, теперь она предъявила уже гражданский иск по взысканию все тех же плисецких миллионов... В пятикратном размере!

И полетели в адреса Плисецкой, Орловой одна за одной судебные повестки.

Бой с тенью продолжается...

НОВЫЕ ПЕСНИ СТАРОГО ФЕСТИ

...НА ДНЯХ ОТЗВЕНЕЛ ГИТАРАМИ УЖЕ XV ГРУШИНСКИЙ. ПРЕЖНЯЯ ЭЙФОРИЯ ЕСТЕСТВЕННО ПРОШЛА, И СЕГОДНЯ НЕЛЬЗЯ НЕ ЗАМЕТИТЬ: ПОПУЛЯРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ СИЛЬНО ИЗМЕНИЛСЯ...

Теперь, слава богу, можно не опасаться: никто фестиваль не прикроет. И в назначенный срок напротив Песенной горы и синего озерца с прилепленной к берегу гитарой-поплавком мгновенно, на глазах, раскидывается целый палаточный город. Там и сям бренчат шестиструнки, с различных эстрад поют кандидаты в лауреаты; «Надя шести лет ждет родителей у пресс-центра» — извещают развешанные на деревьях колокола; булькают котелки на специальных костровых площадках; валит по «проспектам» полуголая, босая толпа, любопытствующая, смешливая, праздно озабоченная.

А вечером гул, свист, аплодисменты,

ВАЛЯ

бесчисленное мерцание фонариков со склонов Горы навстречу рвущейся с Гитары песне. Треск фейерверка. Бессонная ночь Большого концерта. Зрелище...

Могли ли представить себе подобное те несколько сот туристов, собравшихся в 1968 году на кордоне «Колоды» в Жигулевской Каменной чаше? Они тогда вспоминали Валеру Грушина, простого, честного, компанейского парня, студента Куйбышевского авиационного, погибшего, спасая детей, на таежной речке Уде. Многие знали друг друга по совместным походам, и не было чужой палатки — везде ты друг, брат, заходи, ешь, пей. И песни были нехитрые. И фейерверки не пускали.

А сегодня в Мастрюки слетелось, съехалось около 80 тысяч человек из 154 городов Союза (это по данным организаторов, причем наверняка не полным), аккредитовано примерно 100 корреспондентов от 60 изданий, редакций радио и телевидения.

Фестиваль стал модным.

Организаторов волнуют три технические проблемы: звук, питьевая вода и, простите, туалеты. Романтика фестивального костра отступает перед деловитостью и предприимчивостью: на поляне жарят шашлыки кооперативщики, представители сорока городов — от Москвы до Караганды — торгуют значками, вымпелами, майками, кепками, календарями с фестивальной символикой и, конечно, портретами Высоцкого. На Гостином дворе откровенная спекуляция атрибутикой пресекается сотрудниками милиции.

Тысячи людей кидаются в взбаламученное, усеянное обрывками лилий озеро, а на берегу идет сбор подписей в защиту Жигулей. Парадокс? Куда деваться — жарко.

Сил городского комсомола — одного из главных устроителей Грушинского — явно не хватает. В фестиваль вкладывают деньги хозрасчетная фирма «Праздник», БММТ «Спутник». Предлагают себя в спонсоры КамАЗ, ПО «Экран» и другие крупные предприятия. Им нужна реклама. А фестивалю? «Не уйдут ли с Грушинского грушинцы?» — в последнее время вопрос не просто риторический.

Фестиваль туристов превращается в пикник, в народное гулянье. Наверное, это неизбежно. Почитатели Визбора, Егорова, Вахнюка, Панюшкина растворяются среди как бы гостей, как бы посторонних. И не удивляешься магнитофонной Пугачевой, металлическому року или дискотекам у палаток.

Изменилась и авторская песня — основное внутреннее содержание Грушинского. Туристического в ней осталось мало. Глубокая лиричность, эмоциональность старого поколения бардов сменилась жестким, порой горьким социальным анализом. Повысилось исполнительское мастерство — это признается всеми,— качество музыки и стихов.

Профессионализм... Хорошо это или нет? Прекрасный автор-исполнитель Андрей Ширяев уже год как артист Целиноградской филармонии, и за подобными примерами не надо далеко ходить.

Да, чему быть, того не миновать.

На утреннем концерте лауреатов неизменный ведущий Борис Кейльман предлагает всем вместе спеть под занавес традиционную визборовскую «Вот это для мужчин...».

— Ну, давайте,— просит Боря,— на прощанье. Так всегда было...

Лауреаты вежливо отказываются.

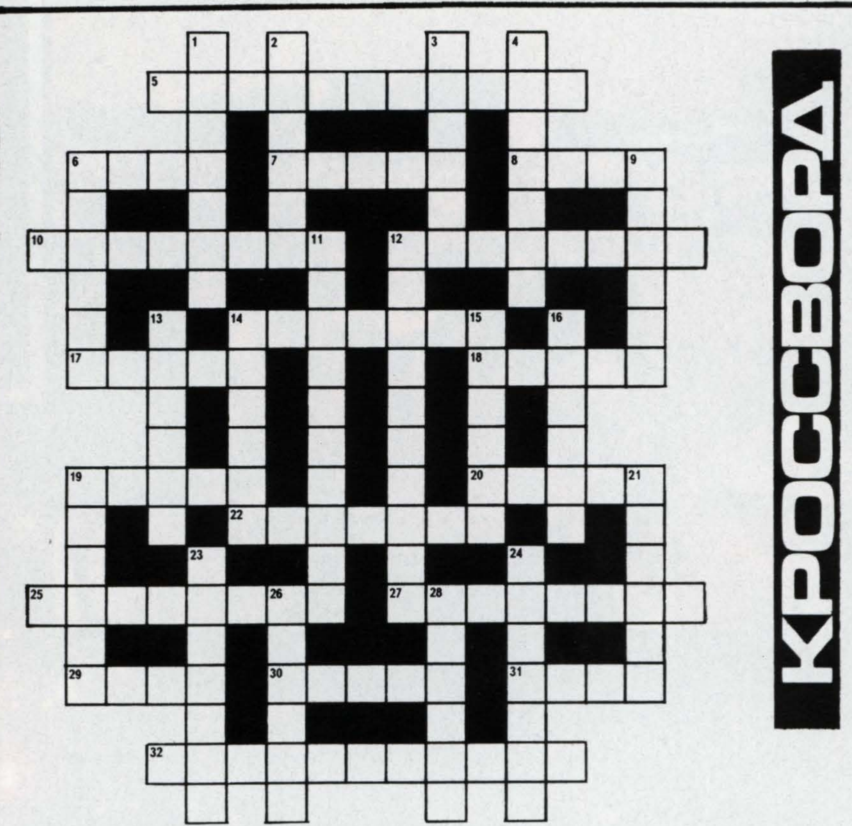
— Ребята, что же вы? Ну?..— и растерянно обращается к слушателям с Горы,— есть тут кто-нибудь, кто знает эту песню?

Есть, есть. Пока есть...

Михаил КРУГЛОВ

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

КРОССВОРД

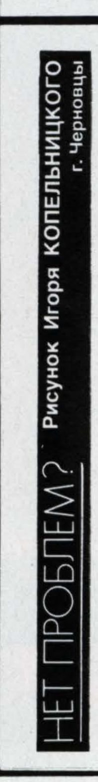
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Строительное искусство, зодчество. 6. Река на юге Новой Гвинеи. 7. Приспособление для формовочной смеси в литейном производстве. 8. Боевое взрывчатое средство. 10. Лопаточка для нанесения раствора штукатурки. 12. Народный артист СССР, выступавший в Театре имени Вахтангова. 14. Трос для причаливания судна. 17. Категория в систематике растений. 18. Река в Закавказье. 19. Съедобный гриб, растущий в хвойных лесах. 20. Один из Малых Антильских островов. 22. Площадка для приема воздушных ванн. 25. Народная песня и танец в Белоруссии и Польше. 27. Русский электротехник, изобретатель дуговой лампы. 29. Часть окружности. 30. Тип, характер в художественном произведении. 31. Главная гряда Крымских гор. 32. Поэма Н. А. Некрасова.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Боевой корабль. 2. Традиционная одежда японцев. 3. Австрийский композитор, скрипач, дирижер XIX века. 4. Вид городского транспорта. 6. Украинский писатель, публицист. 9. Малая планета. 11. Город в Донецкой области. 12. Род войск. 13. Река на севере Италии. 14. Парусно-гребное или моторное небольшое судно. 15. Город в Новгородской области 16. Судовая кухня. 19. Официально утвержденный уровень квалификации в профессии, спорте. 21. Народная республика на западе Африки. 23. Киноактер и режиссер, народный артист СССР. 24. Повесть Н. В. Гоголя. 26. Участок земли под овощами. 28. Итальянский композитор, пианист, дирижер.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 30.

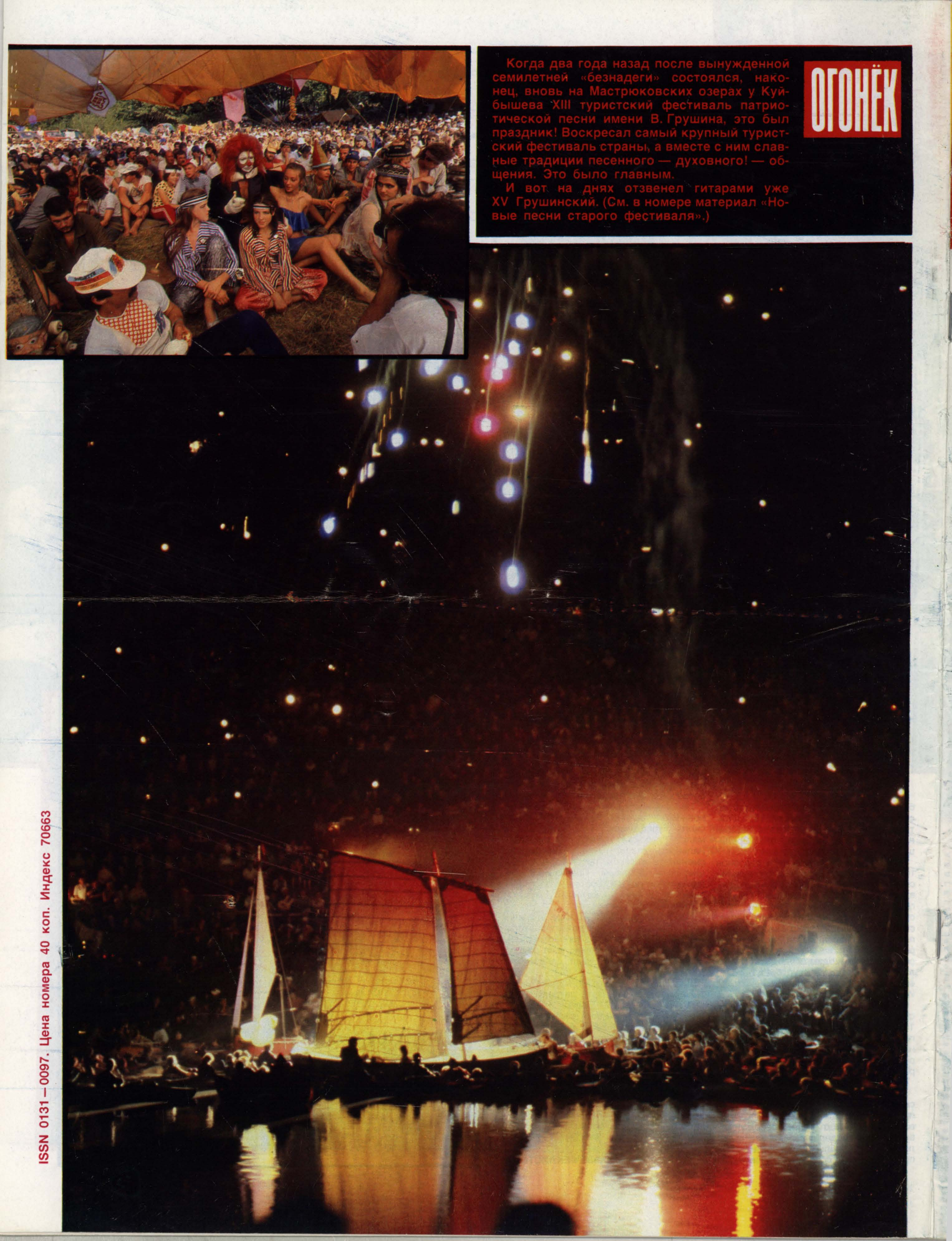
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Аранжировка. 7. Икар. 9. Сабо. 11. Универмаг. 13. Пальма. 14. Лариса. 15. Батут. 17. Полежаев. 18. Эспандер. 20. Тропа. 21. График. 23. Акцент. 24. Ессентуки. 25. Лама. 27. Кекс. 28. Простокваша.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Жанр. 2. Лагуна. 3. Либретто. 4. Ювенал. 5. Шанс. 8. Красноперка. 10. Бессмертник. 11. Умножение. 12. «Гайдамаки». 15. Брест. 16. «Тоска». 19. «Сотников». 22. Ксенон. 23. Аксуат. 26. Арпа. 27. Квас.

НЕТ ПРОБЛЕМ? Рисунок Игоря КОПЕЛЬНИЦКОГО г. Черновцы

ОГОНЁК

Когда два года назад после вынужденной семилетней «безнадеги» состоялся, наконец, вновь на Мастрюковских озерах у Куйбышева XIII туристский фестиваль патриотической песни имени В. Грушина, это был праздник! Воскресал самый крупный туристский фестиваль страны, а вместе с ним славные традиции песенного — духовного! — общения. Это было главным.

И вот на днях отзвенел гитарами уже XV Грушинский. (См. в номере материал «Новые песни старого фестиваля».)

ISSN 0131—0097. Цена номера 40 коп. Индекс 70663